Vipper, Robert IUr'evich

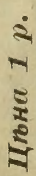
Drevniĭ vostok'

Проф. Р. Випперъ.

ДРЕВНІЙ ВОСТОКЪ
И
ЭГЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА.

СЪ ИСТОРИЧЕСКИМИ КАРТАМИ.

Пособіе къ университетскому курсу.





Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1913.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Главною цѣлью предлагаемаго пособія было дать слушателямъ курса Общей исторіи Древности основныя линіи историческихъ отношеній въ античномъ мірѣ за періодъ, предшествующій классической Греціи. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что всюду въ пособіяхъ и, за немногими исключеніями, въ болѣе крупныхъ сочиненіяхъ по исторіи Древности, Востокъ въ собственномъ смыслѣ по прежнему рѣзко отдѣленъ отъ исторіи Европы, хотя археологическія открытія послѣднихъ 15—20 лѣтъ рѣшительно измѣнили наши представленія какъ о старинности, такъ и о географическихъ предѣлахъ историческихъ связей и культурныхъ воздѣйствій въ кругу античнаго міра. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ теперь совершенно ясно, что троянская и эгейско-критская культуры не уступаютъ въ древности нильской и евфратской; ясно также, что объединеніе античнаго міра въ хозяйственномъ, религіозномъ и международно-политическомъ отношеніи совершилось вовсе не около времени нашей эры, въ результатѣ походовъ Александра Македонскаго и римскихъ императоровъ, а по крайней мѣрѣ, за 2 или 3 тысячелѣтія до Р. Х.; что процессы, называемые эллинизаціей и романизаціей, синкретизмомъ религіозныхъ вѣрованій—вовсе не начальные моменты слiянія Востока и Европы, а концы и повторенія очень давняго смѣшенія культуръ.

Въ пособіи составитель долженъ былъ ограничиться лишь немногими указаніями въ этомъ смыслѣ. Но онъ считалъ чрезвычайно важнымъ дать читателю внѣшнія опоры для пониманія основного факта образованія связнаго переднеазіатско-европейскаго античнаго міра. Прежде всего было необходимо съ этою цѣлью описать географическую обстановку и указать на физическую обусловленность культурныхъ явленій. Другой задачей составителя было поставить всюду, гдѣ возможно, въ тѣснѣйшую связь тѣ два ряда явленій, которыя различаютъ обыкновенно подъ названіями внѣшнихъ событій и внутреннихъ состоя-

ній. Вѣдь надо согласиться, что историкъ, излагающій войны, экспедиціи, дипломатическіе союзы, объединительныя стремленія и т. п. безъ попытки связать ихъ съ усложненіями хозяйственной жизни, торговыхъ отношеній, роста или уменьшенія населенія и т. д., рискуетъ остаться непонятнымъ и неинтереснымъ. Обратно было бы немыслимо, напр., отрѣшать религіозныя движенія и перевороты отъ политическихъ фактовъ, отъ столкновенія общественныхъ группъ, воздѣйствія международныхъ треній и т. п. и составлять изъ нихъ какую-то особую категорію отвлеченной индивидуальной жизни людей. Само собою разумѣется, что и въ этомъ отношеніи составитель могъ только намѣтить главные внѣшніе опорные пункты.

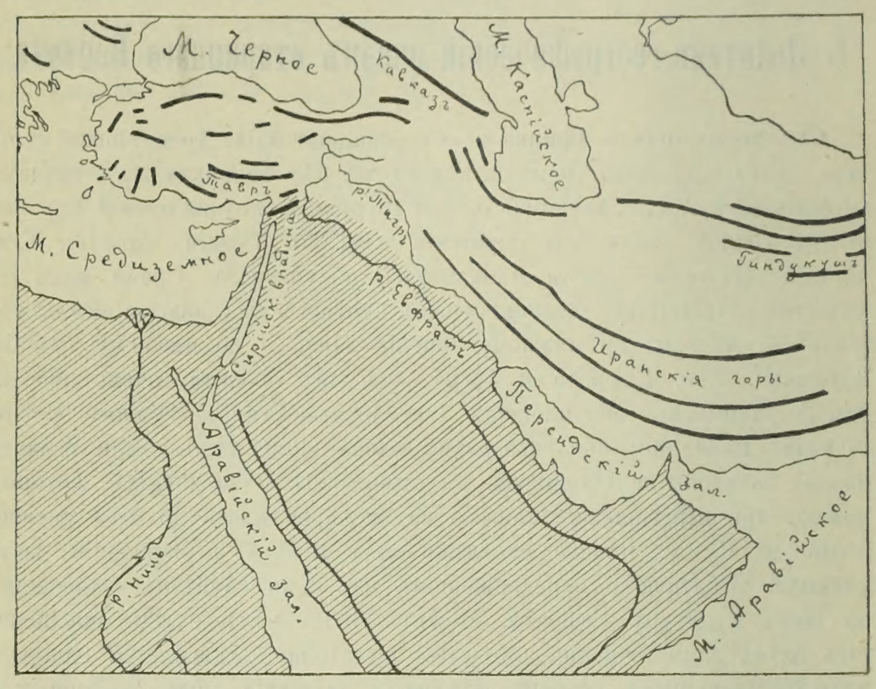
Москва, февраль 1913 года.

1. Политико-географическій очеркъ стариннаго Востока.

Сѣверо-восточная Африка и юго-западная Азія. Древнѣйшая культура, какая до сихъ поръ извѣстна наукѣ, возникла въ странахъ юго-западной Азіи, сѣверо-восточной Африки и юго-восточной Европы: въ настоящее время это—азіатскія владѣнія Турціи, Аравія, Египетъ и приморскія части Балканскаго полуострова. Среди нихъ въ качествѣ стариннѣйшихъ культурныхъ центровъ выдѣляются двѣ *аллювіальныя* полосы: по нижнему теченію Нила и по нижнему теченію Двурѣчья, т.-е. Евфрата и Тигра. Эти двѣ области, очень небольшія по занимаемой ими площади (населенный Египетъ немного больше Бельгіи, Вавилонія приблизительно равна Ломбардіи), были издавна плотно заселены и находились въ оживленныхъ сношеніяхъ, которыя можно, при нынѣшнихъ данныхъ науки, прослѣдить до 4-го тысячелѣтія до Р. Х. Раннее сходство быта Египта и Вавилоніи часть ученыхъ объясняютъ передвиженіемъ изъ Азіи семитовъ, занесшихъ на Нилъ культуру Евфрата. Можетъ быть, нѣтъ нужды предполагать здѣсь заимствованіе. Сходство достаточно объясняется однородностью природныхъ условій; обмѣнъ и сношенія лишь усилили взаимную близость культуры.

Въ самомъ дѣлѣ, обѣ страны географически тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою. Сирія, Двурѣчье и Аравія, хотя составляютъ часть азіатскаго материка, но по своему строенію образуютъ продолженіе большого африканскаго плоскогорія. Отъ остальной Азіи онѣ рѣзко отдѣлены: въ странахъ, лежащихъ отъ нихъ къ сѣверу и востоку, въ Малой Азіи, Арменіи и Иранѣ, поверхность образована складчатыми горами, которыя представляютъ болѣе позднюю формацію, сравнительно съ плоскогоріемъ. Примыкая цѣликомъ къ Африкѣ, юго-западная Азія разрѣзана характерными для африканскаго плато глубокими пониженіями, частью заполненными водой. Одно изъ этихъ пониженій лежитъ на краю плоскогорія; это—Персидскій заливъ, про-

должающійся на сѣверѣ въ видѣ Евфратской низины. Другой глубокій ровъ образуетъ Аравійскій заливъ; на сѣверѣ онъ развѣтвляется на два узкіе канала, Суэцкій и Акабскій, между которыми поднимается Синайскій полуостровъ. Восточная вѣтвь, такъ наз. Сирійская впадина, продолжается далеко на сѣверъ: она тянется въ видѣ Мертваго моря и Іорданской долины, потомъ въ видѣ Кёлесиріи, долины между хребтами Ливаномъ и Антиливаномъ. Третье пониженіе образуетъ долина Нила, протянувшаяся параллельно съ предшествующей.



Штриховкой показано плоскогорье, черными полосками—складчатыя горы.

Близость юго-западной Азіи къ Африкѣ не ограничивается строеніемъ поверхности. Онѣ сходны по климату, по флорѣ и фаунѣ. Для всей этой полосы характерны сухость и бездождіе пустыннаго края. Лишь мѣстами, ближе къ горамъ встрѣчаются зимніе дожди, не оказывающіе, однако, замѣтнаго вліянія на растительность. Весь край представляетъ степь съ быстро выгорающей травой. Только тамъ, гдѣ есть постоянный притокъ воды, растутъ деревья и возможна полевая или садовая культура. Но культурная земля образуетъ небольшіе оазы среди огромныхъ пространствъ пустыни, гдѣ возможно только примитивное скотоводство; часть этихъ пустынь совершенно необитаема и состоитъ изъ голаго камня или густого слоя наносныхъ песковъ.

При большомъ сходствѣ долина Нила и равнина Двурѣчья имѣютъ своеобразныя особенности.

Нильская долина. Культурная часть Египта составляетъ въ настоящее время всего $^1/_{34}$ всей страны (30,000 квадр. километровъ на 1,020,000). Въ древности это отношеніе населенной полосы къ пустынѣ было приблизительно такое же (оазъ Файюмъ былъ лучше разработанъ, зато въ Дельтѣ было больше болотъ). Годная къ обработкѣ земля (по египетски кемтъ, т.-е. черноземъ) получается исключительно благодаря разливамъ Нила, такъ какъ въ Египтѣ нѣтъ дождей.

Характеръ этой рѣки нѣчто совершенно исключительное. Послѣ соединенія своихъ двухъ составныхъ частей, Синей (т.-е. мутной) и Бѣлой (т.-е. прозрачной) рѣки въ Хартумѣ, Нилъ принимаетъ лишь одинъ притокъ, Атбару. Далѣе, на протяженіи почти 2 тысячъ километровъ до устья онъ не получаетъ ни одной капли воды со стороны, и лишь расходуетъ влагу, которая улетучивается частью въ видѣ испареній, частью уходитъ въ подземные источники, питающіе рядъ оазовъ въ западной ливійской пустынѣ. Если Нилъ тѣмъ не менѣе не высыхаетъ, то онъ обязанъ этимъ Бѣлой рѣкѣ, которая обезпечиваетъ постоянный притокъ воды изъ огромнаго тропическаго бассейна. Что же касается лѣтнихъ наводненій, которыми Нилъ въ своемъ нижнемъ теченіи покрываетъ широкую полосу земли, то они составляютъ результатъ періодическихъ напоровъ Синей рѣки; въ видѣ бурнаго потока она увлекаетъ изъ горной Абиссиніи вешнія снѣговыя воды и съ ними вмѣстѣ наносный илъ, образующій черноземъ долины нижняго Нила.

Плодородный египетскій оазъ, сначала длинный и узкій, потомъ раздвигающійся въ треугольную широкую Дельту, отвоеванъ рѣкой у моря и у пустыни. Когда-то морской заливъ доходилъ съ сѣвера до развѣтвленія Нила на рукава, приблизительно около нынѣшняго Каира. Съ теченіемъ времени отложенія образовали широкую ровную полосу, поднявшуюся надъ уровнемъ моря. Устье Нила отступило на сѣверъ, и рѣка свободно течетъ, разбиваясь на нѣсколько рукавовъ, направленіе которыхъ не разъ мѣнялось (въ древности считали семь важнѣйшихъ рукавовъ, расходившихся гораздо шире, чѣмъ тѣ два, которые остались въ настоящее время). Выше этого воронкообразнаго выхода Нилъ протекаетъ среди двухъ гребней, подступающихъ съ запада (Ливійское плоскогоріе) и съ востока (Аравійскія горы). Здѣсь рѣка постепенно проложила русло среди собственныхъ вѣковыхъ отложеній; уровень ея выше низинъ, лежащихъ по обѣ стороны, и вслѣдствіе этого возможны широкіе разливы. За предѣлами Египта въ Нубіи долина не болѣе 8—15 километровъ ширины. У Ассуана

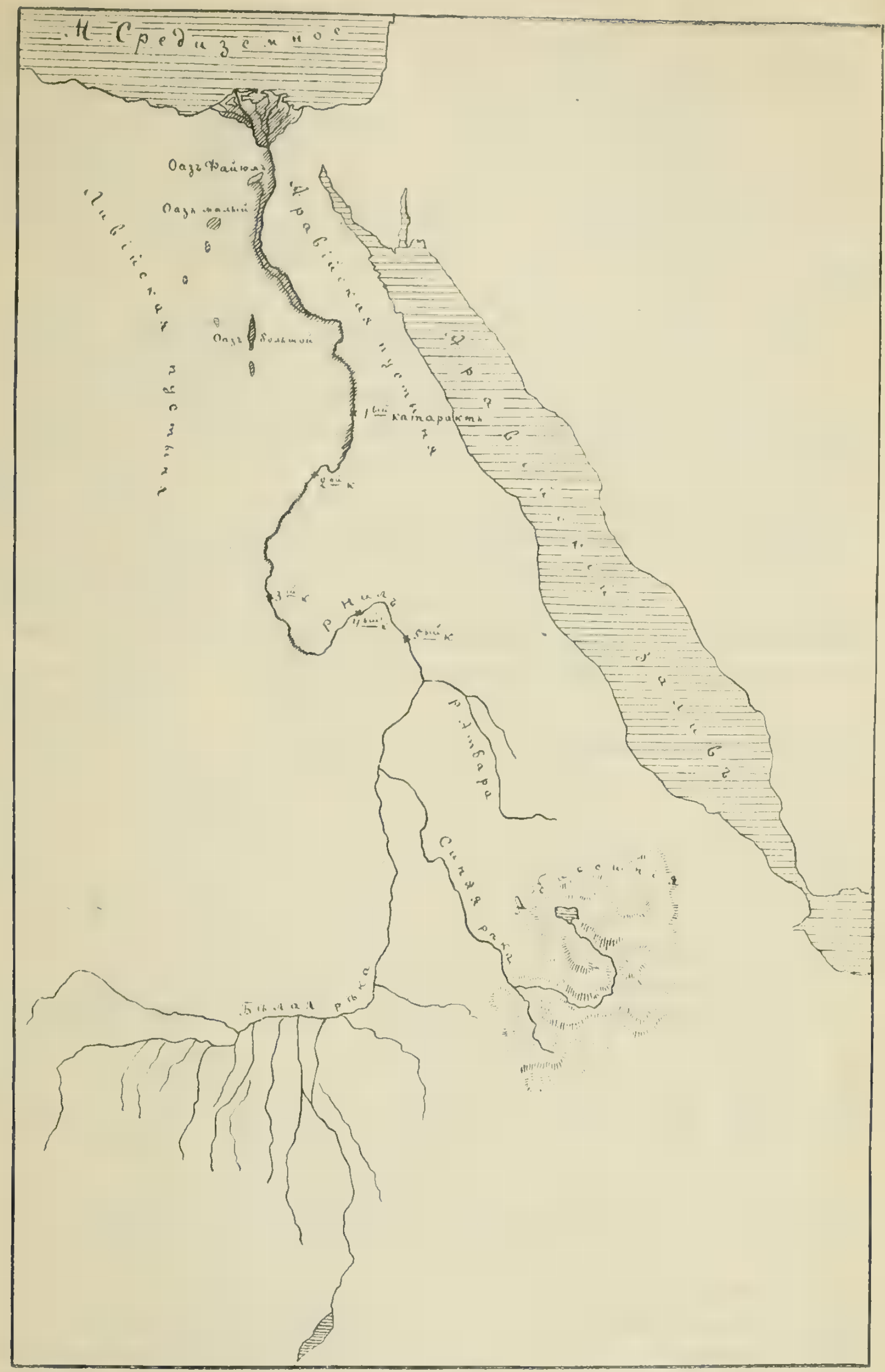
Нилъ вступаетъ въ Египетъ, пробивая поперечный гранитный гребень. За порогами и островами этого перваго катаракта поперечникъ долины становится шире. Еще дальше онъ раздвигается до 20—30 километровъ ширины. Соотвѣтственно мѣняется и ширина разлива. Но нигдѣ она не достигаетъ болѣе 15 километровъ.

Восточный гребень большею частью имѣетъ крутые склоны и часто близко подступаетъ къ Нилу. Западный состоитъ изъ болѣе отлогихъ волнообразныхъ холмовъ и отходитъ дальше отъ рѣки. Здѣсь по лѣвую сторону Нила протекаетъ отдѣлившійся отъ главной рѣки на ея поворотѣ къ западу большой рукавъ—Баръ-Юсуфъ (Іосифовъ каналъ). Пробиваясь черезъ западную цѣпь возвышенностей, онъ заполняетъ большой оазъ Файюмъ и не доходитъ до моря. По лѣвую сторону Нилъ вообще сопровождаетъ рядъ оазовъ, которые тянутся широкой дугой по Ливійской пустынѣ (Большой, Фарафра, Малый и Файюмъ, самый крупный).

Политико-географическія условія Нильской долины. Плодоносная культурная земля Египта растянута и раздроблена на большомъ пространствѣ, но съ боковъ она хорошо защищена, и доступъ къ ней возможенъ лишь на краяхъ. Съ юга долина Нила загорожена тѣмъ самымъ гранитнымъ хребтомъ, который останавливаетъ судоходство по рѣкѣ порогами. На западѣ и на востокѣ страна защищена пустынями. Ливійская западная пустыня вовсе необитаема; въ восточной, лежащей между Ниломъ и Аравійскимъ заливомъ, кочевали дикія племена (у грековъ называвшіеся Трогодитами), которыя по малочисленности своей не были опасны для культурнаго населенія Египта.

Но на востокѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ дуга Нила приближена къ морю, открывается впадина, образующая дорогу къ берегу. Въ настоящее время здѣсь идетъ караванный путь отъ Нильской долины, на концѣ котораго расположенъ единственный портъ Египта у Аравійскаго залива—Коссейръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣется цѣлый рядъ доказательствъ, что впервые сильное государство возникло въ Верхнемъ (южномъ) Египтѣ; наибольшая масса старинныхъ памятниковъ, оставшихся отъ воинственныхъ царей Верхняго Египта, найдены какъ разъ на заворотѣ Нила къ морю (въ мѣстностяхъ Негада, Балласъ, Коптосъ и др.), тамъ, гдѣ прилегаетъ къ долинѣ упомянутая дорога, ведущая отъ морского берега. Отсюда можно заключить, что этимъ именно путемъ прошли изъ Азіи первые завоеватели Египта, переправившіеся черезъ узкій морской заливъ съ Аравійскаго полуострова.

Завоевателямъ открывались еще два входа въ долину Египта на сѣверѣ по обѣ стороны Дельты, гдѣ возвышенности отступаютъ отъ рѣки. Съ запада къ Дельтѣ примыкаетъ равнина Ливійскаго берега,



Теченіе Нила и его составныхъ частей. Штриховкой показана аллювіальная полоса вдоль рѣки.

по которой свободно могли проникнуть въ Египетъ сѣверно-африканскія воинственныя племена. На востокѣ также вдоль моря идетъ ровная дорога черезъ Суэцкій перешеекъ изъ Сиріи. Этотъ путь очень растянутъ и проходитъ частью по пустынѣ. Поэтому съ восточной стороны Египту грозила опасность лишь въ томъ случаѣ, когда азіатскіе завоеватели соединялись въ большую сплоченную силу. Въ первый разъ это случилось при нападеніи хиксовъ, около 1700 г. до Р. Х. Затѣмъ повторилось съ возникновеніемъ ассирійской и персидской державы.

Исторія Египта начинается съ образованія небольшихъ общинъ, которыя сохранились потомъ въ видѣ административныхъ дѣленій объединеннаго государства (въ эллинистическую эпоху округа называются *номами*). Всѣ области Нильской долины расположены вертикально въ видѣ цѣпи по одной длинной линіи вдоль рѣки; номъ занимаетъ то оба противоположные берега, то одинъ лѣвый или одинъ правый. Лишь на сѣверѣ среди Дельты области лежатъ компактной массой. Единственнымъ путемъ сообщенія и обмѣна между старинными областями служила рѣка и ея рукава. По ней устремились завоеватели, объединившіе весь длинный растянутый по меридіану египетскій оазъ. Главнымъ орудіемъ подчиненія была рѣчная флотилія воителей, передъ которой не могли устоять разрозненныя общины, покорявшіяся поодиночкѣ. Перевѣсъ при этомъ естественно имѣли тѣ группы, которыя приходили съ юга и подвигались по теченію рѣки, помогавшему ихъ натиску. Области долины Нила (Верхній и Средній Египетъ) не могли долго имъ сопротивляться. Труднѣе было южнымъ завоевателямъ подчинить себѣ Дельту (Нижній Египетъ), разрѣзанную рукавами и защищенную болотами. Здѣсь долго держалось отдѣльное царство, и лишь послѣ упорной борьбы южане объединили всю страну до моря.

Равнина Двурѣчья не имѣетъ такихъ отчетливыхъ границъ, какъ Нильская долина. На сѣверѣ и востокѣ довольно круто подымаются высокія горныя цѣпи Арменіи и Ирана, опредѣляющія теченіе Тигра и посылающія къ нему рядъ многоводныхъ притоковъ. На западѣ и на югѣ равнина разстилается безъ перерывовъ; область, орошаемая Евфратомъ, ничѣмъ не отдѣлена отъ сирійской и аравійской пустыни. Плодородная часть равнины не составляетъ непрерывной ленты вдоль рѣки, а распадается на нѣсколько оазовъ, раздѣленныхъ безплодной степью.

Двѣ главныя рѣки («сестры» по терминологіи вавилонской) непохожи на соединенный Нилъ и скорѣе всего напоминаютъ его правый горный истокъ, Синюю рѣку; это—быстрые потоки, несущіе лѣтомъ стаявшіе снѣга и размельченныя частицы вывѣтрившихся горныхъ массъ, неровные, бурные, изобилующіе стремнинами. Тигръ таковъ

не только въ верхнемъ, но и въ среднемъ теченіи. Евфратъ, выбившись изъ каменныхъ тѣснинъ, постепенно успокаивается. Въ своемъ нижнемъ теченіи, гдѣ воды ихъ сливаются вмѣстѣ и въ свою очередь распадаются на нѣсколько рукавовъ, они образуютъ страну, похожую на Нильскую Дельту. Но на ихъ протяженіи нѣтъ какъ разъ области, которая была бы похожа на Средній и Верхній Египетъ съ ихъ отчетливо отграниченной правильно наводняемой долиной.

Евфратъ и Тигръ начинаются въ горахъ Арменіи весьма близко другъ отъ друга. Но Евфратъ дѣлаетъ большой загибъ къ западу, какъ бы устремляясь къ Средиземному морю, между тѣмъ какъ Тигръ сразу направляется къ юго-востоку, куда потомъ поворачиваетъ и Евфратъ. Вслѣдствіе этого Тигръ гораздо короче (Евфратъ 2600 километровъ, Тигръ—1835 г.). Обѣ рѣки два раза еще приближаются другъ къ другу: около нынѣшняго Багдада и при впаденіи въ море. Онѣ образуютъ, такимъ образомъ, два продолговатыхъ овала, нѣчто въ родѣ цифры восемь: сѣверо-западный, болѣе значительный (эль-Джезире) и есть древняя *Месопотамія*; юго-восточный меньшій (у арабовъ Иракъ Араби) былъ знаменитой черной землей (Савадъ), культурной страной Вавилона. Въ Библіи она называется *Сенааръ*.

Месопотамія составляетъ холмистую плоскогорную степь съ бѣдной растительностью и отсутствіемъ лѣса. Евфратъ прорѣзываетъ здѣсь русло въ каменистой почвѣ; берега его мѣстами такъ круты и недоступны, что деревни расположились на островахъ. Съ лѣвой стороны онъ принимаетъ нѣсколько притоковъ, изъ которыхъ самый большой Хабуръ. Справа Евфратъ, начиная отъ поворота къ юго-востоку и до конца, не получаетъ ни одной капли воды; только пустыя впадины (уади) тянутся къ нему поперекъ великой пустыни. Въ сѣверной части Месопотаміи по самому Евфрату и по его притокамъ, въ которыхъ вода есть только весною, возможна обработка земли, и страна была хорошо заселена. Южная часть Месопотаміи за Синджарскимъ хребтомъ—унылая степь, въ которой кочуютъ жалкіе номады. Евфратъ на большомъ протяженіи течетъ среди безлюдныхъ береговъ. Особенно мрачный характеръ принимаетъ мѣстность, гдѣ рѣка прорѣзываетъ большую полосу асфальтовыхъ холмовъ и течетъ между черныхъ утесовъ среди дымящихся источниковъ нефти (продолженіемъ этой полосы на западѣ является Мертвое море). Болѣе оживленный край лежитъ по среднему теченію Тигра съ восточной его стороны, гдѣ въ большую рѣку впадаютъ сбѣгающіе съ горъ Загроса притоки Верхній и Нижній Забъ. Это область старинной *Ассиріи*.

Подъ 34° сѣверной широты обѣ рѣки, выше расходившіяся на 300—400 километровъ, начинаютъ сближаться, и подъ Багдадомъ отстоятъ



Теченіе рѣкъ Евфрата и Тигра.

другъ отъ друга на 30 километровъ съ небольшимъ. Лѣтомъ воды ихъ здѣсь сливаются, и онѣ кажутся одной большой рѣкой. Отсюда начинается область аллювія, нанесеннаго вѣками ровнаго слоя, который, въ свою очередь, ежегодно покрывается наводненіями. Обѣ рѣки раздѣляются на рукава, при чемъ Тигръ, русло котораго расположено выше, имѣетъ наклонность отсылать часть своихъ водъ въ Евфратъ. Въ настоящее время Евфратъ и Тигръ соединяются въ Шатъ-эль-Арабъ и впадаютъ однимъ большимъ устьемъ въ Персидскій заливъ. Въ древности море заходило гораздо глубже на сѣверъ, и Евфратъ съ Тигромъ, не успѣвъ слиться вмѣстѣ, достигали его отдѣльными устьями. Но зато Тигръ отдѣлялъ большой рукавъ, устремлявшійся прямо на югъ и впадавшій въ Евфратъ. Этотъ рукавъ считался главнымъ теченіемъ Тигра еще въ эпоху Аббасидовъ. Въ настоящее время онъ превратился въ пересыхающее русло (его арабское названіе Шатъ-эль-Хай).

Евфратъ течетъ здѣсь по мѣстности необычайно ровной, и его рукава то и дѣло теряются въ обширныхъ болотахъ. Подъ Вавилономъ отъ главной рѣки отдѣляется къ западу каналъ, воды котораго останавливаются въ большомъ озерѣ-болотѣ, Баръ-Неджефъ. Теперь, когда искусственные каналы и плотины заброшены, пески занесли область аллювія, и наводненія уходятъ въ стоячіе бассейны, въ странѣ чередуются голыя пустыни съ солончаками, трясинами и озерами, поросшими осокой и тростникомъ.

Очень трудно возстановить очертанія территоріи старинной культурной полосы Вавилоніи, или Сенаара. За руководство приходится принимать распредѣленіе насыпей (по-арабски *теллей*), которыя обозначаютъ мѣста древнихъ поселеній; съ другой стороны, необходимо обратить вниманіе на расположеніе большихъ впадинъ и стоячихъ рукавовъ Евфрата и Тигра, показывающихъ обширную систему старинныхъ оросительныхъ каналовъ. Въ общихъ чертахъ выясняется такое протяженіе «черной земли». На сѣверѣ она сосредоточивалась около нынѣшняго Багдада, главнымъ образомъ, по Тигру и его лѣвому притоку Дійялѣ. Южнѣе полоса культуры переходила къ Евфрату, и здѣсь ея средоточіемъ была мѣстность старипнаго Вавилона. Въ теченіе первыхъ столѣтій нашей эры это и была главная житница Передней Азіи, предметъ спора между римлянами и Византіей, съ одной стороны, парѳянами, ново-персами и арабами, съ другой. Старо-персидское государство Кира и Дарія, халдейское Навуходоносора извлекали главный доходъ изъ той же страны. Но въ болѣе раннее время культурная полоса простиралась южнѣе, по нижнему Евфрату и правому рукаву Тигра, называемому теперь Шатъ-эль-Хай: на это обстоятельство указываютъ многочисленные телли данной мѣстности. Здѣсь были расположены города,

значительно превосходившіе Вавилонъ стариной: Уръ, Урукъ, Эриду, Лаганъ. Ихъ процвѣтаніе приходится на вѣка, предшествующіе 2-ому тысячелѣтію до Р. Х. Возвышеніе Вавилона уже есть результатъ паденія южнаго края. Въ свою очередь, переходъ культурнаго центра съ Евфрата на Тигръ, изъ Вавилона въ Селевкію (въ греко-пароянскую эпоху) и въ Багдадъ (въ эпоху арабскую), показываетъ повтореніе той же катастрофы и дальнѣйшее распространеніе упадка съ юга на сѣверъ.

Условія ранняго паденія Двурѣчья. Сколько можно судить по явленіямъ арабско-турецкаго періода, запустѣніе Савада получилось отъ хищническаго хозяйства завоевателей, налагавшихъ на земледѣльческое населеніе непосильное бремя налоговъ и поборовъ, вслѣдствіе которыхъ обработка земли становилась невыгодной, и приходилось забрасывать систему искусственнаго орошенія. Можетъ быть, таковы же были условія гибели южнаго края въ старину.

Но это не единственная причина упадка. Для выясненія другихъ условій важно сравнить судьбы Нижняго Двурѣчья съ Египтомъ. Нильская долина также была всегда приманкой для завоевателей, и также ея земледѣльческое населеніе терпѣло отъ непосильнаго бремени поборовъ. Въ Египтѣ были также эпохи упадка культуры и обѣдненія, но никогда катастрофа не принимала характера окончательнаго разрушенія. Слѣдовательно, въ судьбѣ Двурѣчья сказался еще одинъ невыгодный факторъ, и его надо искать въ числѣ условій физическихъ. Между тѣмъ, какъ разливы Нила находятъ опредѣленныя границы въ строеніи возвышенностей, окаймляющихъ долину, равнина Двурѣчья не представляетъ никакихъ сдержекъ разливающейся стихіи. Лишь съ величайшими усиліями можно было загородить главные рукава рѣкъ плотинами; крупныя сооруженія, служившія для охраны собственно оросительной системы, было труднѣе возвести, чѣмъ въ Египтѣ, а съ другой стороны, ихъ порча грозила несравненно большими бѣдствіями. Съ извѣстнаго момента почвенныя условія настолько ухудшаются, что борьба со стихіей становится невозможной: вода послѣ разлива уходитъ въ низменныя мѣстности и превращаетъ большія пространства въ болота и стоячія озера. Обратно, болѣе высокія мѣстности, вслѣдствіе этого, получаютъ недостаточно орошенія и засыпаются песками сосѣдней пустыни. Положеніе остающихся подъ обработкой земель становится безнадежнымъ, и весь край начинаетъ пустѣть.

Торговое значеніе Двурѣчья. Такъ же, какъ къ Месопотаміи, прилегаетъ съ востока равнина Ассиріи, и къ Вавилоніи выходитъ съ той же стороны хорошо орошаемая низменность рѣки Керкха (древній Хоаспъ), лежащая глубоко среди возвышенностей Ирана. Это—область стариннаго Элама, или Сузіаны.

Въ противоположность Египту, Двурѣчье совершенно открыто во всѣ стороны. Съ запада и юга оно ничѣмъ не защищено отъ степныхъ номадовъ Сирійской и Аравійской пустынь. На сѣверѣ и востокѣ окаймляющія Тигръ горы не загораживаютъ путей завоевателю; напротивъ, проходы, открывающіеся въ Двурѣчье изъ Ирана и Арменіи, позволяютъ нападающимъ легко проникать въ культурныя полосы. Взамѣнъ того, страна занимаетъ исключительно выгодное положеніе для торговли. Устья двухъ большихъ рѣкъ выводятъ къ Персидскому заливу, а море въ свою очередь открываетъ дорогу въ восточную Аравію, Индію и къ дальнему Востоку. Въ верхней части своего теченія Евфратъ близко подходитъ къ другому морю, Средиземному. Разстояніе отъ западнаго загиба рѣки до морского берега не болѣе 180 километровъ; караванный путь изъ Месопотаміи еще облегчается тѣмъ, что навстрѣчу Евфрату идетъ долина Оронта, главной рѣки Сиріи.

Большая линія сношеній между двумя морями, обозначенная теченіемъ Евфрата, пересѣкается другой группой дорогъ, края которыхъ на одной сторонѣ лежатъ у входовъ въ горныя страны Арменіи и Ирана, на другой—подводятъ къ Египту и Аравіи. Важнѣйшая изъ этихъ дорогъ проходитъ по Сиріи. Она примыкаетъ къ сѣверному месопотамскому концу главной Евфратской артеріи, и ее можно разсматривать, какъ продолженіе или вѣтвь того же пути, рѣзко, почти подъ прямымъ угломъ поворачивающую къ югу. Другія дороги начинаются отъ разныхъ пунктовъ Евфратской равнины и прорѣзываютъ большую сирійско-аравійскую пустыню, пользуясь ея оазами; важнѣйшій изъ этихъ оазовъ—Пальмира (Тедморъ). Самая южная изъ караванныхъ дорогъ пустыни примыкаетъ къ другому концу Евфратской линіи, тамъ, гдѣ рѣка впадаетъ въ Персидскій заливъ; она служитъ уже сообщенію съ восточной и южной Аравіей.

Сирія и Аравія. Между двумя старинными культурными полосами Египта и Двурѣчья, въ качествѣ разрѣза и вмѣстѣ соединительнаго звена, лежитъ вертикально возвышенность Сиріи и западной Аравіи.

По своему географическому строенію Сирія и западная Аравія представляютъ глубокій разрѣзъ плоскогорія съ возвышенными краями. Южная часть разрѣза—Аравійскій заливъ; края его—западная Аравія и восточный Египетъ, очень похожій на Аравію. На сѣверѣ разрѣзъ суживается: сначала въ видѣ восточной вѣтви большого залива, потомъ въ видѣ глубокой впадины, въ которой лежитъ Мертвое море и долина Іордана съ Генисаретскимъ озеромъ. Далѣе на сѣверъ разрѣзъ прерывается возвышенностью Гермона. За нимъ опять начинается впадина Кёле-Сиріи (т.-е. сирійской долины), образуемая теченіемъ двухъ рѣкъ, Леонта и Оронта, которыя направляются въ противоположныя

стороны, и обѣ, прорѣзавши западный хребетъ, впадаютъ въ Средиземное море. Сирійская долина окаймлена возвышенностями Ливана и Антиливана. Въ своей сѣверной части Сирія соединяется съ верхне-месопотамскимъ плоскогоріемъ.

Вся эта длинная полоса земли въ большей своей части безплодна и необитаема; ея культурная область раскинута небольшими оазами на всемъ протяженіи. Пустыня съ востока вплотную подступаетъ почти всюду къ большой впадинѣ. На сѣверѣ склоны Антиливана, обращенные къ пустынѣ, имѣютъ крайне унылый безнадежный видъ. На югѣ вулканическая полоса, идущая отъ Двурѣчья, вторгается въ глубину разрѣза плоскогорія; здѣсь въ самомъ низкомъ мѣстѣ впадины лежитъ въ асфальтовыхъ, совершенно безжизненныхъ берегахъ Мертвое море. Для обработки пригодны только западные склоны Ливана, обращенные къ морю (Финикія), долина Кёле-Сиріи, большой оазъ Дамаска на восточномъ склонѣ Гермона, наконецъ, возвышенность Палестины и прилегающая къ ней Іорданская долина. Изъ этихъ мѣстностей оазъ Дамаска, орошаемый группой рѣкъ, стекающихъ потомъ въ соленыя озера, похожъ на большія хлѣбородныя поля Двурѣчья и Нильской долины; въ остальныхъ преобладаетъ садовая культура винограда, оливокъ и плодовыхъ деревьевъ.

Сирія и западная Аравія такъ же открыты къ большой внутренней степи, какъ Двурѣчье. Номады со своими стадами могутъ вплотную подходить къ полевой и садовой землѣ; они могутъ своимъ бытомъ врѣзываться въ самую середину культурной полосы, тѣмъ болѣе, что возвышенности, напр., въ Палестинѣ, открываютъ просторъ для пастбищъ.

Политико-географическія условія Передней Азіи. Передъ соединеніемъ номадовъ въ большія воинственныя группы культурная земля совершенно беззащитна. Вся исторія Передней Азіи заполнена нашествіями и завоеваніями, которыя неизмѣнно проходятъ однимъ и тѣмъ же порядкомъ. По какой-либо дорогѣ, ведущей изъ центральной большой пустыни, нападаетъ нѣсколько номадныхъ племенъ, собравшихся въ грозную завоевательную силу. Нашествіе начинается у нижняго Евфрата, или въ Месопотаміи, или въ сѣверной Сиріи, или у долины Іордана. Оно слѣдуетъ иногда по линіи болѣе растянутой: или на западъ, вдоль берега Средиземнаго моря, въ Египетъ, или на югъ по большой поперечной впадинѣ вдоль восточнаго края Аравійскаго залива, и тогда дальше расходится по двумъ направленіямъ: либо съ переправой черезъ заливъ, и опять въ Нильскую долину, либо продолжая путь по берегу, въ южную Аравію (Іеменъ).

Въ исторіи Передней Азіи можно установить 4 крупныя эпохи движенія номадовъ на культурныя страны: 1) Въ концѣ 4 тысячелѣ-

тія (до 3000 г.) появляются на восточной окраинѣ пустыни племена, занимающія Ассирію и Вавилонію; въ качествѣ государства Аккадскаго, они напираютъ на болѣе старинныхъ сумеровъ, утвердившихся раньше въ южной части Сенаара. 2) Съ 2500 г. приблизительно на обѣихъ окраинахъ пустыни, западной и восточной, появляются *аморитьı* (среди нихъ израильтяне въ Палестинѣ, въ Вавилоніи къ нимъ принадлежитъ династія Хаммураби). 3) Съ 1500 г. приблизительно выступаютъ, главнымъ образомъ на западной и сѣверной окраинѣ, *арамейцы*; на востокѣ около Вавилона появляются близкіе къ арамейцамъ *халдеи*. 4) Съ VIII в. до Р. Х. начинаютъ надвигаться съ юга изъ глубины большого полуострова *арабскія* племена, напирающія на Сирію и Палестину. Большой и продолжительный наплывъ арабовъ заканчивается образованіемъ мусульманскаго халифата въ VII в. послѣ Р. Х. по обѣ стороны пустыни.

Всѣ эти народности, водворявшіяся послѣдовательно въ культурныхъ полосахъ и оазахъ, кольцомъ обходящихъ большую пустыню, носятъ въ наукѣ имя *семитовъ*. Обозначеніе взято изъ Библіи, дающей въ книгѣ Бытія таблицу происхожденія всѣхъ народностей міра отъ трехъ сыновей Ноя. Утверждать, что всѣ семиты отъ временъ Хаммураби (2000 г. до Р. Х.) до Мохамеда (600 г. по Р. Х.) принадлежатъ къ одной расѣ, конечно, нельзя. Но цѣлый рядъ языковъ, смѣнившихся въ Передней Азіи, дѣйствительно образуютъ одну семью: финикійскій, древне-еврейскій, затѣмъ языкъ клинообразныхъ надписей Ассиріи и Вавилоніи, наконецъ, арабскій. Отсюда можно заключить, что между племенами, колонизовавшими изъ глубины пустыни оазы Сиріи и Двурѣчья, существовалъ издавна тѣсный обмѣнъ и преемственность культуры.

Народности культурныхъ полосъ Сиріи, Месопотаміи и нижняго Евфрата имѣли, помимо номадовъ пустыни, еще другого постояннаго врага. Съ горъ, которыя огибаютъ кольцо оазовъ внѣшнимъ полукругомъ, спускались въ свою очередь воинственныя племена. Каждая ихъ группа видѣла передъ собой, у подножія гористой страны своей, культурный оазъ, манившій завоевателя. Перебирая ихъ съ западнаго угла, отъ Малой Азіи, отмѣтимъ *хетитовъ*, занимавшихъ восточную часть гористаго полуострова противъ сѣверной Сиріи, *урарту* въ нынѣшней Арменіи—противъ Месопотаміи, *мидянъ* въ нынѣшнемъ Адзербейджанѣ—противъ Ассиріи, и *кашшу*, или коссеевъ, въ горахъ Загроса—противъ Вавилона.

Роль этихъ окраинныхъ горныхъ племенъ въ образованіи государствъ Передней Азіи была иная, чѣмъ номадовъ центральной пустыни. Завоеватели, приходившіе съ горъ, располагали своими центрами осѣд-



Культурные оазы и устремленныя на нихъ нападенія степняковъ и горцевъ. На картѣ совмѣщены движенія, относящіяся къ разнымъ временамъ.

лости; ихъ походы имѣли цѣлью увозъ добычи, сборъ дани, самое большее присоединеніе провинціи. Хетиты овладѣли сѣверными частями Сиріи и Месопотаміи, мидяне заняли лѣвый берегъ средняго Тигра, коссейскіе цари въ теченіе нѣкотораго времени правили въ Вавилонѣ. Иначе семитскіе завоеватели. Пока они оставались разрозненными группами, набѣги ихъ ограничивались грабежомъ. Но когда они сплочивались значительными массами, нападеніе ихъ принимало видъ настоящаго вступленія колонизаторовъ въ страну. Они садились гарнизонами по укрѣпленнымъ пунктамъ и сосредоточивались въ политическомъ центрѣ вокругъ главнаго вождя и его двора. Они оставались не только военнымъ классомъ, но и принимали въ свои руки всю администрацію страны, разсаживались по завоеванной территоріи въ качествѣ крупныхъ владѣльцевъ земли, стадъ и сокровищъ, и въ видѣ чиновниковъ.

Такимъ образомъ, и возникли большія державы Вавилона, Ассиріи и Египта (если допустить, что основатели первыхъ династій, объединившихъ Нильскую долину, были также вождями номадныхъ группъ, передвинувшихся въ Египетъ изъ Аравіи).

Крупныя государства возникали однако лишь въ большихъ оазахъ, гдѣ завоеватели находили сосредоточенными большія богатства; только на такіе соединенные доходы могли они поддерживать значительныя военныя силы и многочисленную администрацію. Эти условія основатели государствъ находили въ нижнемъ Двурѣчьи и въ Нильской Дельтѣ съ прилегающими къ ней большими оазами Файюма и Средняго Египта.

Сирія, Палестина и западная Аравія, въ которыхъ культурныя полосы лежатъ разбросанными небольшими клочками, не давали мѣста для основанія значительныхъ политическихъ тѣлъ. Возникавшія здѣсь княжества должны были искать опоры у крупныхъ сосѣдей, становиться въ вассальную отъ нихъ зависимость. Въ такой зависимости почти постоянно находилась Палестина отъ Египта. Сѣверная Сирія подпадала господству то хетитовъ Малоазійскаго плоскогорія, то ассиріянъ, когда они завладѣвали Месопотаміей и придвигались къ Средиземному морю. Дамаскъ, сначала самостоятельный, долженъ былъ подчиниться ассиріянамъ. Сама Сирія не могла объединиться для того, чтобы дать отпоръ всѣмъ окружавшимъ ее завоевателямъ. Для этого она была слишкомъ разрознена. Въ свою очередь, рѣдко слагалось такое равновѣсіе между большими державами, чтобы они могли мирно раздѣлить въ Сиріи сферы своего вліянія. Большею частью поднималась борьба за исключительное преобладаніе. Въ этой борьбѣ чаще одолѣвали силы государствъ Двурѣчья. Нѣсколько разъ удавалось Вавилону и Ассиріи объединить обѣ окраины большой пустыни и вмѣстѣ съ Сиріей

захватить себѣ доступъ къ берегамъ Средиземнаго моря; Финикія, Дамаскъ и Іерусалимъ становились тогда провинціями большого пріевфратскаго государства. Такъ было во времена Саргона I (начало 3 тысячелѣтія до Р. Х.), въ эпоху Хаммураби (конецъ 3-го тысячелѣтія), затѣмъ при образованіи большой ассирійской державы (въ IX и VIII в. до Р. Х.) и подъ конецъ исторіи Вавилона при Навуходоносорѣ (халдейское царство начала VI в. до Р. Х.). Только одинъ разъ удалось египетскимъ властителямъ въ свою очередь подчинить себѣ всю Сирію до горъ Тавра на сѣверѣ (при 18-ой династіи въ XV вѣкѣ до Р. Х.).

2. Начало большихъ государствъ въ Египтѣ и Двурѣчьи.

Для выясненія ранней исторіи Нильской долины и нижняго Двурѣчья мы располагаемъ данными троякаго характера: 1) результатами научныхъ изысканій самихъ древнихъ, 2) показаніями памятниковъ, вскрываемыхъ археологіей, 3) этнологическими аналогіями и выводами, которые добыты путемъ реконструкціи старинныхъ учрежденій изъ позднѣйшихъ переживаній.

Данныя исторической науки древнихъ. Около 280 г. до Р. X. въ правленіе греко-македонскаго царя Птолемея-Филадельфа Манеѳонъ изъ Себеннита, главный жрецъ и составитель храмовой лѣтописи, написалъ на греческомъ языкѣ обширную хронику египетской исторіи. Манеѳонъ распредѣлилъ всѣхъ правителей Египта, начиная отъ основателя обще-египетскаго государства Менеса до Александра Македонскаго по династіямъ (31-ой), и это распредѣленіе, а также счетъ династій, введенный Манеѳономъ—несмотря на различные недостатки—держится въ новой европейской наукѣ до сихъ поръ. Отъ Манеѳона мы приняли также дѣленіе исторіи Египта на три періода: Древняго, Средняго и Новаго царствъ. Первый изъ нихъ характеризуется для насъ по преимуществу 4-ой династіей (строителей пирамидъ близъ Мемфиса), второй—12-ой династіей ѳиванскихъ фараоновъ-завоевателей; третій—18-ой, 19 и 20-ой династіями завоевателей азіатскихъ странъ и великодержавныхъ правителей большой египетской имперіи.

У Манеѳона были въ распоряженіи довольно старые своды и хронологическія таблицы египетской исторіи. Однако, сколько мы можемъ судить по дошедшимъ до насъ обрывочнымъ спискамъ царей (напр., списку, занесенному на храмѣ въ Карнакѣ при царѣ Тутмесѣ III, или списку, сохранившемуся въ такъ наз. Туринскомъ папирусѣ), записи отстоятъ очень далеко отъ событій, приблизительно на $1^1/_2$ тысячелѣтія. Онѣ составляютъ результатъ своего рода научныхъ изысканій, предпринятыхъ въ эпоху реставраціи Новаго царства, возникшаго въ Египтѣ въ XVI-омъ вѣкѣ, послѣ изгнанія чужеземнаго господства хиксовъ.

Эти изысканія не опирались въ свою очередь на записи, одновременныя событіямъ; изслѣдователи читали имена царей на памятникахъ, сопоставляли съ ними извѣстныя въ общихъ чертахъ крупныя событія, пользовались легендами; хронологическія опредѣленія ихъ могли быть совершенно произвольны.

Въ результатѣ приходится признать, что первый царь первой династіи, по Манеѳону, былъ только самой отдаленной фигурой изъ тѣхъ, кого удалось возстановить египетской наукѣ. Что Менесъ былъ для изслѣдователей совершенно абстрактной фигурой, видно изъ разсказа Манеѳона о его смерти: первый царь погибаетъ по легендѣ отъ гиппопотама. Такимъ образомъ, могила его была неизвѣстна въ эпоху, когда въ немъ стали признавать основателя государства.

Въ такомъ же, если не въ худшемъ положеніи мы находимся относительно датъ старинной исторіи Двурѣчья. Почти одновременно съ Манеѳономъ и также по-гречески написалъ общую исторію Двурѣчья ученый халдейскій священникъ Беросъ, извѣстный также популяризаціей вавилонской астрологіи. Но отъ исторіи Бероса дошло до насъ гораздо меньше данныхъ, чѣмъ отъ Манеѳона: отрывки миѳическаго періода, къ которому проставлены слишкомъ высокія, такъ сказать, необузданныя хронологическія цифры, и нѣсколько свѣдѣній изъ конечной эпохи, изъ судебъ Ассиріи. Видимо, однако, что и вообще трудъ Бероса не отличался той систематичностью, стройностью въ дѣленіи на періоды, какъ Манеѳонова хроника Египта. Этотъ недостатокъ объясняется большей раздробленностью исторіи Двурѣчья.

Что касается документальнаго изученія старины, дѣло обстояло въ Двурѣчьи не лучше, чѣмъ въ Египтѣ. Вавилонскіе и ассирійскіе цари поздней эпохи очень интересовались своими предшественниками, собирали съ большимъ усердіемъ старинные документы, такъ что напр. бо́льшая часть древнихъ сумерскихъ текстовъ третьяго тысячелѣтія до Р. Х. дошла до насъ только благодаря коллекціонерству ассирійскаго царя Ассурбанипала (668—626). Но связныя общія хроники событій и здѣсь, какъ въ Египтѣ, начались повидимому, весьма поздно. Намъ неизвѣстны пріемы вавилоно-ассирійской науки при вычисленіи хронологіи раннихъ временъ, но во всякомъ случаѣ они насъ удовлетворить не могутъ. Изъ Бероса видно, что составители исторіи были склонны къ фантастическимъ цифрамъ. Но даже при болѣе осторожныхъ вычисленіяхъ въ ихъ работѣ могли быть крупныя хронологическія ошибки. Напр., на основаніи изысканій, предпринятыхъ послѣднимъ халдейскимъ царемъ Набонедомъ (556—539), время перваго крупнаго царя Евфратской долины, Саргона Аккадскаго, было отнесено на 32 вѣка назадъ, т.-е. къ XXXVIII-ому вѣку до Р. Х.

(3800—3700 гг.). Современные европейскіе ученые выяснили, что вычисленія эпохи Набонеда заключаютъ въ себѣ ошибку, по крайней мѣрѣ, на цѣлое тысячелѣтіе; время Саргона опредѣляютъ между XXVIII-мъ и XXVI вѣкомъ до Р. Х. (2800—2500 гг.).

Итакъ, историческіе выводы науки древнихъ служатъ намъ плохой опорой, особенно, въ отношеніи болѣе отдаленныхъ эпохъ. А если такъ неточны научныя опредѣленія людей, имѣвшихъ еще передъ глазами множество старинныхъ памятниковъ, то не представляется ли совершенно безнадежнымъ положеніе современной науки, для которой огромное большинство этихъ памятниковъ совсѣмъ утрачено, а ничтожное меньшинство существуетъ въ видѣ руинъ?

Данныя археологіи. Несмотря на огромныя затрудненія, современная наука находится не въ худшемъ, а въ лучшемъ положеніи, чѣмъ наука древнихъ. Ея перевѣсъ создается болѣе широкимъ и многостороннимъ опытомъ и болѣе совершенными пріемами изслѣдованія. Для того, чтобы сдѣлать, напр., заключеніе о времени, къ которому восходитъ тотъ или другой археологическій кладъ на востокѣ, современный ученый пользуется указаніями очень хорошо разработанной археологіи Европы. Разсуждая посредствомъ аналогіи и примѣняя систему археологическихъ вѣковъ, установленную для европейскихъ странъ, современный изслѣдователь ранней восточной культуры можетъ опредѣлить порядокъ техническихъ изобрѣтеній и ходъ культурнаго прогресса и для восточныхъ странъ.

Благодаря этому ученый новѣйшаго времени восходитъ ко временамъ болѣе раннимъ, чѣмъ, напр., Манеѳонъ или Беросъ или даже ихъ предшественники. Менесъ египетскій и Саргонъ евфратскій для современной науки уже не основатели государствъ, не «первые» цари, а лишь звенья цѣлой цѣпи представителей объединяющей и завоевательной силы. Въ Египтѣ удалось открыть могилы нѣсколькихъ властителей, именующихъ себя «почитателями бога Хора». Ихъ главная опора была въ верхней части Нильской долины, въ области будущаго ѳиванскаго царства; отсюда они спускались внизъ къ Дельтѣ, подчиняли населеніе этого богатаго земледѣльческаго края и подавляли въ потокахъ крови возстанія, происходившія здѣсь. По оставленнымъ этими объединителями памятникамъ видно, что лишь путемъ послѣдовательныхъ и упорныхъ войнъ, тянувшихся въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, удалось достигнуть объединенія, которое традиція представляетъ, какъ дѣло одного великаго Менеса.

Не легко, однако, соединить тотъ рядъ явленій, который открывается путемъ археологическихъ изысканій, съ тѣмъ, который отмѣченъ писанной литературной традиціей самихъ древнихъ. Среди «почи-

тателей бога Хора» выдѣляется, напр., очень характерная фигура воинственнаго и жестокаго султана, имя котораго современные египтологи читаютъ «Пармеръ». Такого имени у Манеѳона нѣтъ. Возникаетъ вопросъ: должно ли намъ этого Пармера помѣщать въ число забытыхъ потомъ традиціей предшественниковъ Менеса, или онъ тождественъ съ однимъ изъ царей, упомянутыхъ въ традиціонномъ спискѣ, можетъ быть, съ самимъ Менесомъ?

Подобные вопросы, разумѣется, нельзя считать мелочными, потому что отъ того или иного разрѣшенія ихъ зависитъ установленіе хронологіи культурно-историческихъ явленій. Могилы «почитателей Хора» представляютъ богатый бытовой матеріалъ. Мы узнаемъ технику, характеръ оружія, обстановку султанскаго двора, религіозно-политическую символику и т. д. Къ какому же времени все это относится, какъ далеко отстоитъ, напр., отъ эпохи строителей пирамидъ, которые въ свою очередь имѣютъ болѣе точную дату? Насколько мы въ правѣ судить по знакомымъ намъ фактамъ администраціи и хозяйства эпохи мемфійскихъ царей о соотвѣтствующихъ явленіяхъ времени Пармера?

Всѣ указанныя затрудненія не позволяютъ намъ вполнѣ отчетливо нарисовать картину возникновенія объединеннаго государства Нильской долины. Еще труднѣе разобраться въ судьбахъ нижнеевфратскаго міра, такъ какъ здѣсь и традиція хуже, и тѣ слои земли, которые составляютъ предметъ археологическихъ изысканій, подверглись большему разрушенію. Можно пытаться возстановить лишь общія очертанія той большой группы событій, которую мы называемъ возникновеніемъ крупнаго государства.

Прежде всего выдѣляется то обстоятельство, что нигдѣ мы не знаемъ такого ранняго политическаго объединенія большой территоріи, какъ въ Египтѣ и на Евфратѣ. Очевидно, здѣсь впервые скопились значительные запасы богатствъ, безъ которыхъ нельзя себѣ представить существованіе большого государства, и здѣсь же сложились особенно благопріятныя условія для того, чтобы дать перевѣсъ организаціи завоевателей и объединителей. Изъ цѣлаго ряда историческихъ примѣровъ извѣстно, что такой перевѣсъ обыкновенно стоитъ въ связи съ крупнымъ *техническимъ переворотомъ*. Если искать подобнаго рода условій для Египта и Двурѣчья, то, кажется, можно остановиться на одномъ явленіи, очень важномъ съ точки зрѣнія археологіи: на развитіи *металлической техники*. Имѣется цѣлый рядъ указаній на весьма ранее появленіе металлической техники въ Передней Азіи и Египтѣ сравнительно съ другими странами. Металлическое оружіе при встрѣчѣ съ каменнымъ и костянымъ должно было создать рѣшительное преобладаніе для той группы, которая могла его монополизировать.

Однимъ изъ важныхъ условій развитія металлическаго производства было чисто внѣшнее обстоятельство. Выдѣлка металловъ вначалѣ тѣсно связана съ мѣстами нахожденія руды. Лишь позднѣе развилась торговля металлами и доставка ихъ изъ отдаленныхъ краевъ. Мѣдная руда, необходимая для приготовленія бронзы, стариннѣйшаго металлическаго оружія, встрѣчается въ цѣломъ рядѣ странъ, окаймляющихъ Египетъ и Двурѣчье, особенно на Синайскомъ плоскогоріи и въ горахъ Ирана и Малой Азіи. Какъ извѣстно, однако, мѣдь безъ приплава олова слишкомъ мягка. Откуда жители аллювіальныхъ равнинъ или ихъ сосѣди могли получать олово, вообще мало распространенное на земномъ шарѣ? Впослѣдствіи страны Передней Азіи получали олово путемъ заморской торговли изъ отдаленныхъ западныхъ странъ, Испаніи, Британіи (или также, можетъ быть, съ востока изъ Дальней Индіи). Для болѣе ранняго времени археологи предполагаютъ существованіе рудниковъ олова въ близкомъ сосѣдствѣ съ Передней Азіей, а именно въ прикаспійскихъ странахъ.

Есть основанія предполагать, что новая металлическая техника, точнѣе говоря, приготовленіе бронзы и примѣненіе ея для оружія, возникла не въ средѣ самихъ культурныхъ обществъ, подчинившихся завоевателямъ, а была принесена именно этими посторонними группами, стоявшими вообще на болѣе низкой ступени культуры. Въ Двурѣчьи при Хаммураби кузнецы и оружейники занимали особый поселокъ и находились наравнѣ съ военно-поселенцами подъ особымъ наблюденіемъ верховной власти; они какъ бы пришли въ страну вмѣстѣ съ завоевателями, составившими господствующій слой войска и заполнившими всю администрацію. Въ старинномъ Египтѣ до его объединенія извѣстна была мягкая мѣдь; но издѣлія изъ этого металла были незначительны и, такъ сказать, тонули среди массы искусно выработаннаго камня, кости, рога и т. п.; бронзы не знали. Настоящая металлическая техника и здѣсь, повидимому, явилась со стороны, сразу.

Культура Египта въ 5-мъ тысячелѣтіи до Р. Х. Завоеватели, вооруженные новымъ несокрушимымъ металломъ, въ остальномъ застали у покоряемыхъ высокое развитіе богатства, искусства и знаній.

Археологи отмѣчаютъ необыкновенно высокое достоинство каменныхъ и костяныхъ издѣлій послѣднихъ вѣковъ неолитическаго періода въ Египтѣ: кремневыя орудія въ своемъ родѣ верхъ совершенства, фигуры изъ слоновой кости необыкновенно изящны и реалистичны, очень хороша разрисованная посуда и т. д. Между прочимъ на этой посудѣ, распространенной и въ области Эгейскаго моря, имѣются марки въ видѣ алфавитныхъ знаковъ; въ связи съ этимъ можно признать весьма раннее появленіе въ Египтѣ письма. Вѣроятно, къ тому

же времени были въ ходу крупныя сооруженія плотинъ и каналовъ, которые обезпечивали правильное и широкое распредѣленіе рѣчныхъ разливовъ по культурной землѣ. Надо думать также, что вмѣстѣ съ тѣмъ въ аллювіальной полосѣ развилась та система обработки земли съ плугомъ и домашними животными, которую мы называемъ *земледѣліемъ*. Въ областяхъ обѣихъ большихъ рѣкъ, Нила и Евфрата, плотно сидѣло населеніе, трудолюбивое и запасливое, живое и интеллигентное; скопились значительныя богатства, и появилось соціальное неравенство и раздѣленіе на классы.

Можно утверждать также, что въ обѣихъ странахъ существовала высокая *умственная культура*. Въ самомъ дѣлѣ, большія работы по урегулированію наводненій предполагають развитіе инженернаго искусства. Ежегодно приходилось производить новое точное размежеваніе земельныхъ участковъ, границы которыхъ уничтожаются всякій разъ наводненіемъ, а для такого межеванія нуженъ былъ значительный теоретическій навыкъ въ области геометріи или геодезіи. Наконецъ, мы имѣемъ очень ясныя доказательства того, что въ Египтѣ рано было развито *календарное* дѣло, въ свою очередь невозможное безъ высокаго совершенства въ астрономическихъ наблюденіяхъ и вычисленіяхъ.

Дѣло въ томъ, что гражданскій годъ считался въ 365 дней, т.-е. на нѣсколько часовъ менѣе дѣйствительнаго солнечнаго года. Египетская астрономія очень рано замѣтила этотъ дефектъ и приняла за исходный моментъ въ вычисленіи истиннаго года—первое появленіе надъ горизонтомъ самой яркой звѣзды сѣвернаго полушарія, Сиріуса (по-египтски Соптетъ, по гречески Сооисъ). Восходъ этой звѣзды представлялся въ какой-то таинственной связи съ великими нильскими наводненіями. По прошествіи одного года расхожденіе новаго восхода Сиріуса съ окончаніемъ гражданскаго года въ 365 дней будетъ равняться лишь недосчитаннымъ часамъ земного оборота вокругъ солнца. Но на 5-ый годъ окажется, что Сиріусъ опаздываетъ на цѣлый день, т.-е. на столько же времени отсталъ гражданскій годъ. Такъ восходъ Сиріуса будетъ перемѣщаться каждые 4 года на одинъ день и обойдетъ въ ($4 \times 365 =$)1460 лѣтъ всѣ дни года вплоть до перваго замѣченнаго дня восхода. Эти 1460 истинныхъ, или сиріусовыхъ лѣтъ составятъ 1461 гражданскій годъ, такъ какъ изъ недочетовъ гражданскаго года получится тѣмъ временемъ цѣлый годовой оборотъ. Составители египетскаго календаря знали очень хорошо это равенство (1461 гражданскій годъ = 1460 сиріусовымъ годамъ) и считали 1461 годъ великимъ вѣкомъ, или періодомъ Соптета. Это было идеальное научное счисленіе, сохранявшееся рядомъ съ популярнымъ.

У насъ есть возможность опредѣлить время введенія этого двойного научно-обоснованнаго календаря. Сиріусъ имѣлъ ближайшее отношеніе къ началу нильскихъ разливовъ. Нилъ очень правильно начинаетъ прибывать съ 15 іюня по нынѣшнему григоріанскому календарю. Надо думать, что счисленіе вѣками Сиріуса началось въ такой годъ, когда первый восходъ звѣзды (приблизительно въ мѣстности Мемфиса, гдѣ сосредоточивались главныя ученыя корпораціи жрецовъ) приходился на 15 іюня. Новѣйшіе европейскіе астрономы установили, что такіе восходы Сиріуса были въ 1321 г., въ 2781 г. и въ 4241 г. до Р. Х. Мы знаемъ, что въ эпоху Древняго царства, т.-е. въ началѣ 3-яго тысячелѣтія уже считали періодами Сиріуса; слѣдовательно, 2781 г. пришелся послѣ введенія этого календаря. Надо думать, что сиріусовъ календарь былъ введенъ цѣлымъ полуторавѣковымъ срокомъ раньше, т.-е. въ 4241 г.

Въ видѣ завершенія эпохи, отмѣченной высокимъ развитіемъ техники, искусства, науки и богатства, стоитъ фактъ возникновенія большого государства. Отчасти надо разсматривать этотъ фактъ, какъ результатъ матеріальнаго и умственнаго развитія народностей, населявшихъ аллювіальныя равнины. Но что̀ это значитъ, говоря точнѣе и конкретнѣе? Есть историки, которые считаютъ именно образованіе государства изначальнымъ фактомъ культурнаго развитія: по ихъ мнѣнію, лишь крупная политическая организація, лишь охрана, исходившая отъ сильной благожелательной и мудрой власти, могла создать основы для матеріальнаго благоденствія странъ, для большихъ общеполезныхъ техническихъ сооруженій и даже для успѣховъ науки и искусства. Вѣрно-ли это представленіе? И какъ тогда рисовать себѣ болѣе раннее догосударственное существованіе народа? Какъ понять вообще фактъ почти чудеснаго возникновенія могущественной, благой и мудрой организаціи государства?

Реконструкція. Ни литературная традиція самихъ древнихъ, ни археологія не даютъ отвѣта на эти вопросы. Но положеніе науки опять не является здѣсь безнадежнымъ. Она имѣетъ въ своемъ распоряженіи пріемъ реконструкціи, т.-е. заключенія отъ болѣе позднихъ явленій къ болѣе раннимъ; она можетъ по остаткамъ старины, по ея разрозненнымъ слѣдамъ и переживаніямъ возстановить цѣльную картину предшествующаго строя жизни; она можетъ достовѣрныя позднѣйшія явленія принимать за руководящіе примѣры и аналогіи для выясненія болѣе старинныхъ.

Этимъ путемъ можно прежде всего выяснить характеръ *основателей государствъ*. Нѣсколько разъ мы видимъ потомъ особенно на судьбахъ Двурѣчья, что государство образуется изъ завоеванія, что по-

сители политической власти—посторонніе пришельцы. Чаще всего это—группы номадовъ, вступающіе большой сплоченной воинственной организаціей въ мирныя культурныя земледѣльческія области. Хотя номады отличаются большей дикостью быта и понятій, перевѣсъ ихъ объясняется и большей ихъ подвижностью—они обыкновенно обладаютъ хорошей конницей или вообще развитыми средствами перевоза и передвиженія—и ихъ воинственностью, связанной съ ихъ безпечнымъ нравомъ, нелюбовью къ труду и охотой до грабежа. Въ судьбѣ Двурѣчья мы видимъ послѣдовательный рядъ завоеваній, исходящихъ отъ семитскихъ номадныхъ племенъ большой пустыни. Такой характеръ носило появленіе въ Вавилонѣ династіи, въ которой выдается знаменитый Хаммураби (на смѣнѣ третьяго и второго тысячелѣтія). Можно думать, что и болѣе ранняя держава на Евфратѣ возникла изъ такого же завоеванія со стороны номадовъ. Ничто не мѣшаетъ намъ считать основателей египетскаго государства—какъ бы они ни звались—Менесъ, Нармеръ или еще какъ-нибудь—также вождями большой группы воинственныхъ номадовъ, вторгшихся въ земледѣльческую страну.

Занявши культурную область, завоеватели осѣдали въ ней въ качествѣ постоянныхъ гарнизоновъ, намѣстниковъ, сборщиковъ дани, стражниковъ и т. п. чиновниковъ. Свое владѣніе они загораживали отъ нападеній новыхъ группъ кочевниковъ, продолжавшихъ двигаться черезъ пустыню. Если новый притокъ становился очень силенъ, осѣвшіе въ въ странѣ бывшіе завоеватели уступали мѣсто болѣе счастливымъ соперникамъ. Иногда эта смѣна господствующихъ группъ происходитъ такимъ образомъ: обладатели власти, не имѣя болѣе достаточной военной опоры, обращаются сами къ воинственнымъ дѣтямъ пустыни, вызываютъ ихъ въ качествѣ наемниковъ. Вожди наемниковъ сознаютъ свою силу и скоро забираютъ фактическую власть, а потомъ уже свергаютъ правящую династію.

Слагающееся такимъ образомъ государство и есть только организація правящаго военнаго класса. Оно носитъ всѣ типичныя черты строя, который для средневѣковой Европы получилъ названіе феодализма. Военные, они же чиновники, образуютъ іерархію нѣсколькихъ ступеней, воспроизводящую родовую и племенную организацію кочевниковъ. Глава воителей требуетъ отъ нихъ неуклоннаго несенія повинностей, но принимаетъ свои общія рѣшенія въ совѣтѣ старшихъ командировъ: начальники областей постоянно вызываются къ центральному двору. Самъ главный вождь также не остается на одномъ мѣстѣ; со своей свитой онъ странствуетъ, переѣзжаетъ, проявляетъ свою власть въ непосредственныхъ приговорахъ и постановленіяхъ. Вообще въ

функцiонированiи государства остается еще много слѣдовъ номадной подвижности.

Если эти черты мы ясно читаемъ, напр., въ государствѣ египетскомъ около 2800 г. до Р. Х., или въ вавилонскомъ временъ Хаммураби, то мы въ правѣ сдѣлать отсюда заключенiе о характерѣ болѣе ранняго государства, если можно такъ сказать, первоначальнаго. Но въ выясненiи вопроса о происхожденiи государства, возникаетъ другая проблема: а что именно смѣнилось военнымъ управленiемъ номадовъ, какiя формы болѣе старинныя оно застало и подчинило себѣ? Для ея разрѣшенiя приходится опять идти путемъ реконструкцiи отъ позднѣйшаго.

Старинныя теократическiя общины. Какъ въ Египтѣ, такъ и на Евфратѣ мы встрѣчаемся съ подраздѣленiями государства, съ административными единицами, которыя выступаютъ очень отчетливо и производятъ впечатлѣнiе чего-то твердаго, неподвижнаго. На Евфратѣ по городамъ, центрамъ небольшихъ областей, сидятъ въ третьемъ тысячелѣтiи до Р. Х. феодальные владѣтели, именующiе себя *патеси*; они явно принадлежатъ къ группѣ пришельцевъ и завоевателей, но сѣли они въ рамкахъ болѣе старинной организацiи. Каждый городъ чтитъ особаго бога-покровителя, имѣетъ черты своеобразнаго культа. Въ южномъ Сенаарѣ г. Эриду, гавань у Персидскаго залива,—центръ культа морского бога Эа, городъ Уръ чтитъ бога луны подъ именемъ Синъ, Урукъ—бога Ану и богиню Нанаи-Иштаръ, Ларса—бога солнца (Шамашъ). Въ сѣверной Вавилонiи Ниппуръ почитаетъ бога Белъ-Эллиля, Сиппаръ—Солнце, Кутха—бога Нергалъ, Борсиппа—бога Нэбо, Вавилонъ—Мардука. Разстоянiя между этими городами очень небольшiя, 20—30 километровъ, иногда еще меньше. Вавилонъ и Борсиппа лишь раздѣлены Евфратомъ. Подъ новымъ военнымъ намѣстничествомъ кроется какая-то старая общинная форма, нѣчто въ родѣ кантона, въ свое время очевидно вполнѣ самостоятельнаго и независимаго.

Еще яснѣе это наслоенiе новаго на старое въ Египтѣ. Тамъ до самаго поздняго времени, вплоть до римской имперiи, держались старинныя административныя области, извѣстныя подъ греческимъ названiемъ *номъ*. Въ эллинистическомъ государствѣ Птолемеевъ номы составляли главную сѣть управленiя, и въ свою очередь греко-македонскiе властители Египта цѣликомъ усвоили ее отъ предшествующихъ государствъ, персидскаго и старо-египетскаго. Но еще и въ эту позднюю пору можно было разобрать черты религiозной самостоятельности номъ: онѣ сохранили въ именахъ, въ гербахъ своихъ старинную символику, частью звѣриную. Для примѣра: въ Нижнемъ Египтѣ номы Ибиса, Тельца, Черной коровы, западной и восточной Гарпуны, въ среднемъ—Ножа,

Розоваго лавра, Шакала, Газели, Зайца, Змѣиной горы, въ Верхнемъ— Двухъ ястребовъ, Трещотки, Двухъ перьевъ, и т. д.

Мѣстные боги, изъ которыхъ иные получили потомъ общее значеніе, изображались въ видѣ звѣриномъ или со звѣриной головой, сохраняя, такимъ образомъ, явные слѣды стариннаго кланового тотемизма: змѣя Уазитъ и Собекъ въ видѣ крокодила, Тоутъ въ видѣ ибиса, богиня Бастетъ въ видѣ кошки, нѣсколько божествъ въ видѣ быковъ и коровъ (напр., богиня небеснаго свода Хаторъ), богъ Озирисъ, обозначаемый своеобразнымъ символомъ древа жизни въ видѣ мачты съ поперечными балками, или станового хребта. Области, покровительствуемыя этими богами, очень малы, иногда между городскими центрами 20—30 километровъ разстоянія. Еще въ греческую эпоху сохранились особыя святилища, формы культа и корпораціи священниковъ, связанныя съ главными городами отдѣльныхъ номъ. Въ предшествующія эпохи постоянно и непрерывно сказывается вліяніе этихъ корпорацій, составляющихъ штатъ мѣстнаго божества. Черезъ всю исторію Египта, начиная съ очень раннихъ памятниковъ, напр., 4-го тысячелѣтія, видно также примѣненіе звѣриныхъ и другихъ символовъ, связанныхъ съ мѣстной общинной жизнью.

У насъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что номы и составляютъ остатокъ стариннѣйшихъ политическихъ группировокъ, тѣхъ самыхъ, которыя были принудительно объединены завоевательной силой. Судя по тому, какъ въ позднѣйшую государственную пору номы враждовали между собою и цѣпко отстаивали каждая интересы и претензіи своей колокольни, можно судить, что это были раньше совершенно независимые кантоны. Мы можемъ рисовать себѣ ихъ общинную жизнь, ихъ автономію, привычку къ свободѣ, а также оборотную ея сторону, мелочность притязаній,—по типу хорошо намъ извѣстныхъ греческихъ кантоновъ V и IV вѣка до Р. X.

Можно сдѣлать еще одно заключеніе. Какъ номы—остатокъ старыхъ автономныхъ общинъ, такъ корпораціи священниковъ, сохранившіяся въ позднія времена, составляютъ въ свою очередь слѣдъ правящихъ группъ въ древнихъ кантонахъ. Маленькая теократія въ видѣ господства немногихъ семей, близко стоящихъ къ богамъ, извѣстна намъ потомъ на почвѣ Греціи, Малой Азіи, Палестины, она кажется намъ и здѣсь чѣмъ-то архаичнымъ, какимъ-то продолженіемъ очень старинной формы общежитія. Весьма правдоподобно, что эта форма, правленіе священнической аристократіи, установилась въ Египтѣ и въ Сенаарѣ раньше, чѣмъ гдѣ-либо, такъ какъ культурныя области аллювія вообще упреждаютъ въ развитіи своемъ другія страны.

Прямыхъ слѣдовъ этого стариннѣйшаго управленія и дѣятельности

первоначальной теократіи мы не имѣемъ. Лишь косвенно можно судить о результатахъ ея культурной работы, такъ какъ хозяйство, право, религія, наука послѣдующаго времени, въ своихъ основахъ опираются на изобрѣтенія и технику старинной интеллигенціи, стоявшей во главѣ управленія общинъ. Завоеватели ничего не могли здѣсь прибавить по существу; отъ самихъ основателей большихъ государствъ идетъ только одно: команда и администрація, т.-е. формы эксплоатаціи богатствъ, созданныхъ чужимъ интеллектомъ и чужой работой. Но сама жизнь въ большихъ государствахъ съ широкой системой податей и повинностей, съ развитіемъ принудительной власти глубоко видоизмѣнила культуру старины.

Есть однако и потомъ одна область жизни, въ которой продолжаются пріемы и обычаи старинной теократіи: это—*практика церкви*. Вѣроятно, изъ глубокой старины идетъ обычай взноса десятины въ пользу корпораціи священниковъ. Обратная сторона этого обычая—раздачи бѣднымъ и призрѣваемымъ церковью, производимыя изъ общаго достоянія, т.-е. изъ совокупности взносовъ со всей общины—также очень старый пріемъ. То и другое рисуетъ намъ хозяйство, финансы и администрацію древнихъ теократій. Изъ практики церкви можно также сдѣлать заключеніе объ организаціи власти въ аристократическихъ общинахъ старины. Носители власти—пожизненныя, но не наслѣдственныя должностныя лица; замѣщеніе ихъ происходитъ по очереди или по жребію, путемъ гаданія, и должности не выходятъ изъ среды семей, благословенныхъ божествомъ.

Соединеніе теократій съ военными государствами. Ничего не извѣстно о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ произошла смѣна общинныхъ теократій большимъ военнымъ государствомъ. Надо думать, что слабымъ мѣстомъ теократій былъ недостатокъ взаимнаго согласія между ними и отсутствіе или бѣдность военной защиты. Завоеватели могли подчинить себѣ кантоны поодиночкѣ, легко справляясь со слабыми силами разрозненнаго сопротивленія. Но спрашивается, не шли ли сами теократіи до извѣстной степени навстрѣчу объединенію, не исходила ли отъ нихъ самихъ подготовка большого государства?

Въ этомъ смыслѣ имѣются любопытныя указанія какъ въ Египтѣ, такъ и на Евфратѣ, и уже само повтореніе факта усиливаетъ его значеніе. Въ той и другой странѣ цари, по происхожденію военные вожди, добиваются для санкціонированія своей власти благословенія боговъ опредѣленнаго святилища, и слѣдовательно, одобренія со стороны опредѣленной теократической корпораціи: въ Египтѣ у священниковъ города *Геліополя* (по-египетски Онъ) въ началѣ развѣтвленія нильской Дельты, въ Сенаарѣ у храма бога Солнца въ *Ниппурѣ*.

Одобреніе божества достигается большими приношеніями со стороны царя, и дѣло завершается торжественнымъ ритуаломъ, аналогичнымъ современному коронованію и помазанію на царство. Большого вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что обрядъ происходитъ въ томъ и другомъ государствѣ, при храмѣ бога Солнца, т.-е. того божества, съ которымъ по преимуществу были связаны религіозно-объединительныя, монотеистическія направленія. И мы видимъ, какъ разъ у египетскихъ жрецовъ Геліополя старательную и настойчивую выработку богословскаго ученія о великомъ единомъ Божествѣ всего міра.

Могущественная корпорація священниковъ встрѣтилась, повидимому, съ вождями большихъ военныхъ организацій въ объединительныхъ стремленіяхъ. Они заключили тѣсный союзъ, напоминающій соединеніе имперіи и церкви въ Константино-Θеодосіеву эпоху. Священники дали военнымъ вождямъ высшую санкцію власти, окружили авторитетъ ихъ новымъ ореоломъ, властители въ свою очередь приняли корпорацію жрецовъ на свою службу, ввели въ составъ своего двора и сановниковъ. Поступленіе духовенства на царскую службу можно очень явственно наблюдать въ эпоху царей-строителей пирамидъ: первосвященникъ храма бога Птахъ является настоящимъ министромъ публичныхъ работъ при фараонѣ. Еще позднѣе мы находимъ въ Египтѣ попытку царей ввести государственную церковь и вмѣстѣ съ тѣмъ дать преобладаніе жрецамъ бога Солнца. Эти позднѣйшіе факты тѣснаго союза фараоновъ и духовенства позволяютъ сдѣлать заключеніе о времени болѣе раннемъ.

Не вполнѣ ясно только, какъ осуществилось сближеніе. Можно однако отмѣтить слѣдующую любопытную черту. Геліополисъ, центръ самой вліятельной корпораціи священниковъ, лежитъ у выхода Нила въ равнину Дельты. Объединители пришли съ юга, изъ Верхняго Египта, и отняли Дельту у болѣе раннихъ завоевателей, повидимому, ливійцевъ, нападавшихъ со стороны западнаго приморскаго плоскогорія. Можетъ быть, теократическая община Геліополя, тѣснимая ливійцами, сама обратилась къ болѣе отдаленнымъ южнымъ завоевателямъ и отдалась подъ ихъ защиту, выбирая изъ двухъ золъ меньшее, приблизительно, какъ папы въ VIII в. позвали въ Италію франковъ противъ лангобардовъ, а затѣмъ дали санкцію власти франкскихъ королей и такимъ образомъ помогли созданію имперіи.

Смѣна и столкновеніе завоевателей. Въ образованіи большого государства на Нилѣ и на Евфратѣ можно отмѣтить еще одну общую черту. Объединители не выступаютъ въ качествѣ одной единственной сплоченной силы противъ разрозненныхъ группъ. Напротивъ, мы видимъ конкуренцію, столкновеніе соперниковъ, борющихся за обладаніе богатымъ краемъ. Столкновеніе проходитъ въ обѣихъ странахъ въ одной

и той же географической обстановкѣ. Первые завоеватели появляются въ низинахъ и устьяхъ рѣкъ: въ Египтѣ—ливійцы, на Евфратѣ—сумеры, по типу и языку совершенно чуждые послѣдующимъ завоевателямъ Двурѣчья, семитамъ. И тамъ, и здѣсь, первую группу завоевателей вытѣсняетъ другая, которая спускается внизъ по теченію рѣки.

Въ Египтѣ болѣе счастливые воители выходятъ изъ Тиниса, Абидоса, Гіераконполя и другихъ мѣстностей верхней части Нильской долины; по оставленнымъ ими памятникамъ видно, что они неуклонно стремились въ Нижній Египетъ. Когда южане завоевали сѣверъ, имъ пришлось нѣсколько разъ подавлять тамъ возстанія, т.-е. имѣть дѣло съ сопротивленіемъ военныхъ элементовъ, раньше здѣсь утвердившихся. Они основывали свои резиденціи на границѣ покореннаго края, у вступленія въ Дельту, чтобы ближе быть къ источнику доходовъ и строже наблюдать за покоренной страной. На Евфратѣ старинное господство сумеровъ, располагавшихъ сложной письменностью, было также опрокинуто надвигавшимися сверху по теченію рѣки семитскими завоевателями. Владѣтелямъ сѣверной верхней части аллювіальной полосы удалось покорить болѣе старый по культурѣ югъ и, такимъ образомъ, объединить всю «черную землю» Двурѣчья.

Въ обѣихъ странахъ объединенное государство сохранило слѣды своего происхожденія изъ двухъ половинъ въ титулѣ царя, въ символикѣ, въ названіяхъ должностей: въ Египтѣ царь назывался властителемъ юга и сѣвера, и его головной уборъ составлялъ соединеніе бѣлой короны юга и красной короны сѣвера; на Евфратѣ властитель зовется царемъ Сумера и Аккада (что́ означаетъ сѣверную часть Сенаара, или верхнюю, собственно Вавилонію). Но въ отличіе отъ египетскихъ объединителей—евфратскіе, послѣ завоеванія, не переносятъ своей резиденціи ниже по рѣкѣ, а остаются въ своемъ прежнемъ центрѣ. Эта политика, можемъ быть, находится въ связи съ фактомъ физическаго свойства: нижнія части рѣчной равнины приходятъ въ упадокъ, опустошаются, вслѣдствіе этого ухудшается ихъ культура, уменьшается богатство, а потому перемѣщается и политическій центръ. Другое отличіе въ судьбахъ государствъ, возникавшихъ на Евфратѣ, опредѣляется открытымъ положеніемъ равнины, ея незащищенностью.

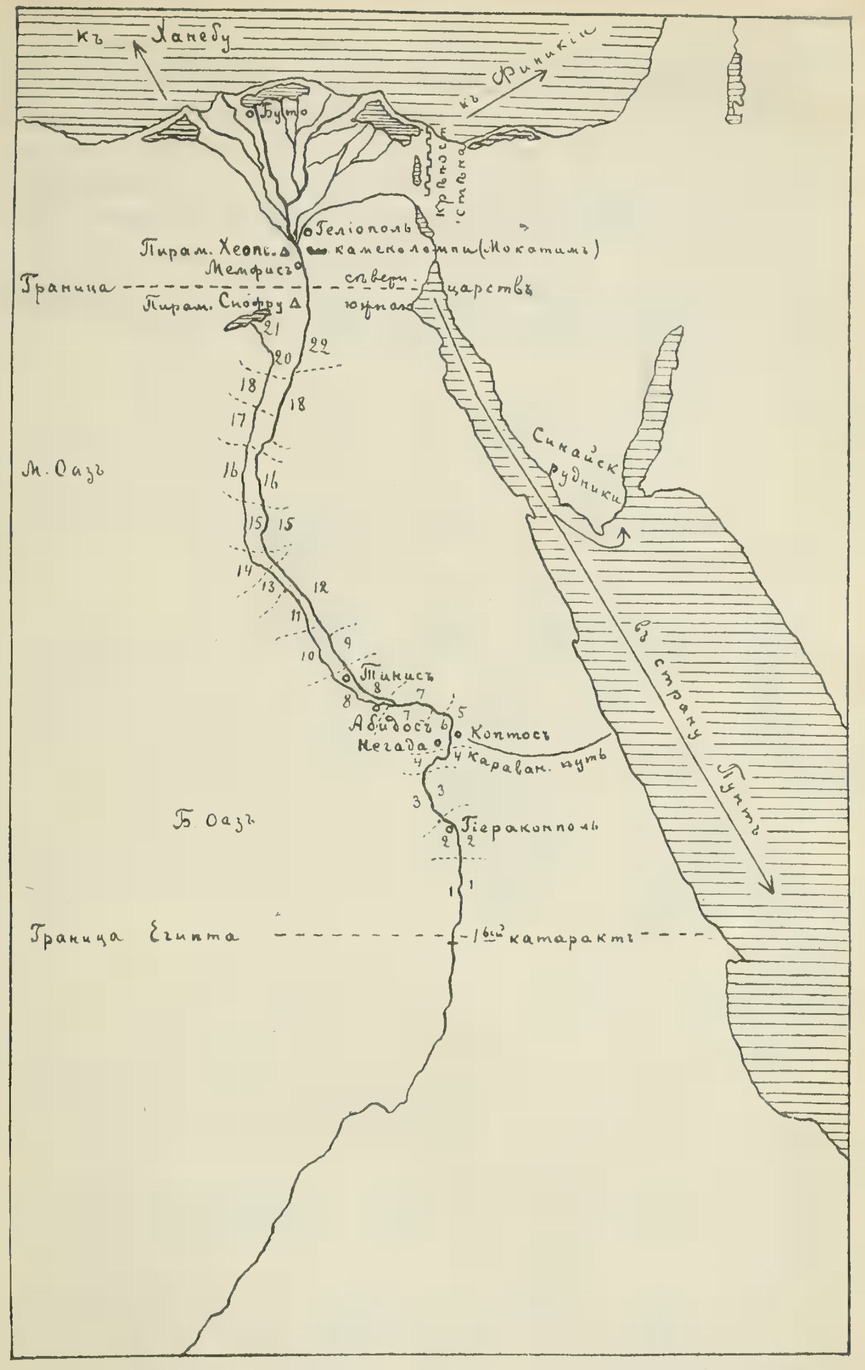
Объединенный Египетъ оставался долгіе вѣка цѣльнымъ государствомъ; мѣнялись династіи, но сохранялся тотъ же административный аппаратъ, и удерживалось господство той же расы. Моменты появленія постороннихъ завоевательныхъ силъ были рѣдки, и въ концѣ-концовъ преходящи: въ XVIII в. пришли изъ Азіи хиксы (уже черезъ $1^1/_2$ вѣка, въ XVI столѣтіи до Р. Х. они изгнаны), въ X в. съ юга нубійцы, въ VII в. опять изъ Азіи ассиріяне.

Напротивъ, исторія Двурѣчья есть смѣна завоеваній. Сумеровъ, утвердившихся въ приморской мѣстности, въ евфратской Дельтѣ, смѣняетъ семитская группа, центромъ которой является верхняя Вавилонія (начиная съ 3000 г.). Напоръ семитовъ съ запада перебивается движеніемъ съ востока эламитовъ. Къ концу 3-го тысячелѣтія первыхъ семитскихъ завоевателей оттѣсняетъ вторая группа, такъ назыв., аморитская. Центромъ ея дѣлается Вавилонъ; въ числѣ аморитскихъ властителей былъ знаменитый Хаммураби. Вавилонскія династіи въ свою очередь, уступаютъ мѣсто коссеямъ, завоевателямъ, выходящимъ изъ горъ, окаймляющихъ Иранъ съ запада (въ XVIII в. до Р. Х.). Потомъ центръ политическій передвигается опять на сѣверъ, на средній Тигръ, выступаетъ Ассирія, и Вавилонъ становится отъ нея въ вассальную зависимость (въ XI и IX вв.). Еще позже нижній Евфратъ захватываютъ съ запада халдеи (въ VII в.).

Хронологія возникновенія государства на Нилѣ и на Евфратѣ. Въ 5-омъ тысячелѣтіи старая культура достигаетъ высокаго расцвѣта. Яркимъ знакомъ этого подъема можетъ служить примѣненіе въ Египтѣ солнечнаго календаря, засвидѣтельствованное (вычисленіемъ періодовъ Сооиса-Сиріуса) подъ 4241 г. до Р. Х.

Въ 4-мъ тысячелѣтіи старинныя мелкія общины наводняются группами завоевателей изъ центральной степной полосы. На нижнемъ Евфратѣ утверждаются сумеры, въ Дельтѣ—ливійцы (?). Въ это время въ культурныхъ странахъ уже примѣнялось письмо. Во второй половинѣ этого тысячелѣтія политическія образованія становятся крупнѣе. Въ XXXIV и XXXIII вѣкахъ до Р. Х. (3400—3200 гг.) съ верхняго Нила устремляется рядъ завоевателей въ Дельту. Одно время, существовали рядомъ два государства, одно въ Дельтѣ, другое въ долинѣ Нила, при чемъ второе соединяло почти весь позднѣйшій Средній Египетъ съ Нижнимъ. Резиденціи ихъ лежатъ на противоположныхъ другъ другу краяхъ: въ первомъ Буто (въ Дельтѣ близъ моря), во второмъ Гіераконполь (выше позднѣйшихъ Ѳивъ). Эти два государства были похожи по своему характеру: властители обоихъ назывались почитателями бога Хора. Возможно, что оба они были основаны одной группой завоевателей, вожди которыхъ подѣлили владѣнія между собою. Спустя нѣкоторое время, болѣе сильные южане одолѣли государство сѣверной низменности и объединили весь Египетъ; въ администраціи, въ титулахъ, въ символахъ остались слѣды происхожденія великаго государства изъ двухъ частей.

Литературная традиція египтянъ называетъ первымъ царемъ объединеннаго Египта Менеса Тинитскаго (Тинисъ въ Верхнемъ Египтѣ нѣсколько ниже Ѳивъ). Археологіи до сихъ поръ не удалось установить



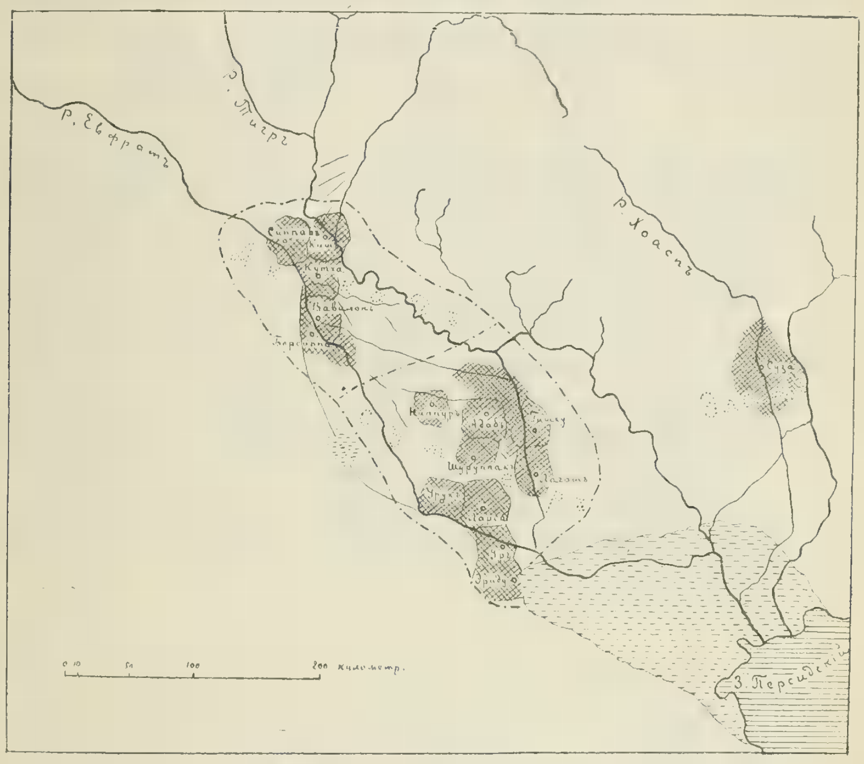
Египетъ эпохи архаической и Древняго царства. Цифры показываютъ номы Верхняго и Средняго Египта.

его могилу. Напротивъ, раскопки открыли памятники, относящіеся къ двумъ властителямъ объединеннаго Египта, не извѣстнымъ Манеѳону и не встрѣчающимся въ спискахъ царей. Имя одного изъ этихъ царей скрывается подъ символомъ Скорпіона; имя другого, окруженное рамкой дворцоваго портала, надъ которымъ сидитъ ястребъ (символъ бога Хора), читается Нармеръ. Памятники эти найдены на мѣстѣ города Ястреба (по-гречески Гіераконполя). Можетъ быть, Менесъ и Нармеръ одна и та же личность; возможно, что Менесъ преемникъ Нармера. Согласно позднѣйшимъ разсказамъ, сохранившимся у Геродота (II, 99), Менесъ соорудилъ громадную плотину, чтобы загородить область Мемфиса отъ наводненій большого лѣваго Нильскаго рукава (нынѣшняго канала Баръ-Юсуфъ, уходящаго въ Файюмъ); тотъ же царь основалъ городъ Мемфисъ, будущую столицу близъ выхода Нила въ Дельту. Эти разсказы должны имѣть реальную основу: Менесъ, очевидно, отвѣчаетъ эпохѣ объединенія Египта подъ властью южныхъ царей. Это одинъ изъ первыхъ фараоновъ, носившихъ обѣ короны, бѣлую и красную, Верхняго и Нижняго Египта.

Не легко было подчинить сѣверъ. Памятники южныхъ царей передаютъ о сильныхъ возстаніяхъ, которыя подавлялись съ большой жестокостью. Объединители устраивали всякій разъ свою резиденцію вблизи границы покоренной страны, нѣкоторые строили здѣсь свои гробницы. Но эти могилы большею частью дошли въ разоренномъ видѣ: господство пришлыхъ южанъ не разъ опрокидывалось, и нужны были новыя усилія, новые походы, чтобы возстановить власть. Большая часть гробницъ южныхъ властителей выстроена въ безопасной части ихъ владѣній въ Верхнемъ Египтѣ; преемники Менеса похоронены около Абидоса.

Въ этомъ положеніи стояли дѣла при *первой* и *второй* династіяхъ (приблизительно 3300—2900 гг. до Р. Х.). Лишь около 2900 г. основателю *третьей* династіи, царю Зосеру, удалось прочно утвердить единство всего Египта. Манеѳонъ называетъ эту династію Мемфійской, т.-е. хочетъ сказать, что резиденція объединеннаго государства окончательно перемѣстилась изъ Верхняго Египта къ границѣ двухъ старинныхъ царствъ. Зосеръ распространилъ свою власть за предѣлы Египта, на долину Нубіи и на Синайскій полуостровъ. Съ него начинается строительство большихъ пирамидъ. Зосерова пирамида (около нынѣшней Саккары) поднимается въ видѣ шести уступовъ (тогда какъ послѣдующія пирамиды имѣютъ заровненные плоскіе бока). Съ этой династіи начинается собственно періодъ *Древняго царства*, достигающій особаго блеска въ 4 и 5 династіи (2800—2500 гг. приблизительно).

Даты одновременной исторіи Евфратской равнины менѣе ясны, но все же въ промежуткѣ между XXXIII и XXVIII столѣтіями можно отмѣтить слѣдующія событія. Между городами южнаго Сенаара идетъ борьба за преобладаніе: то одинъ, то другой изъ нихъ забираетъ гегемонію; остальные владѣтели становятся вассалами (*патеси*), зависимыми отъ главнаго царя. Въ теченіе этого *древневавилонскаго* періода (надо имѣть въ виду условность подобнаго обозначенія, такъ какъ городъ Вавилонъ еще не играетъ роли) сначала идетъ борьба между



Старинныя общины нижняго Двурѣчья и ихъ объединеніе.

городами нижней части равнины, Лагашъ (Ширпурла) и Гишху. Владѣтель Лагаша Эаннатумъ завладѣваетъ Гишху и другими городами юга, на сѣверѣ захватываетъ пограничный городъ Кишъ (на Тигрѣ), на востокѣ одолѣваетъ Эламъ и провозглашаетъ себя «царемъ Лагаша». Но уже столѣтіе спустя властитель Гишху, Лугалзаггиси, опрокидываетъ лагашскую династію, соединяетъ подъ своею властью все нижнее Двурѣчье, города Уръ, Ларса, Ниппуръ и столицей избираетъ городъ Урукъ. Добившись освященія своей короны у бога Эллиля, царящаго въ Ниппурѣ, Лугалзаггиси называетъ себя «великимъ па-

теси Эллиля». Въ надписи о своихъ подвигахъ онъ разсказываетъ, что во главѣ «богоспасаемаго» войска, «обильнаго, какъ трава», онъ покорилъ земли отъ восхода солнца до заката; отъ Нижняго моря Тигра и Евфрата (т.-е. отъ Персидскаго залива) до Верхняго моря (Средиземнаго) богъ Эллилъ разровнялъ его пути.

Всѣ эти цари и патеси пишутъ по-сумерски и стоятъ во главѣ воинственной народности сумеровъ, представителей наиболѣе старинной, сколько намъ извѣстно, культуры Двурѣчья. Они ведутъ ожесточенную борьбу съ семитами, надвигающимися съ сѣвера, которые рѣзко отличаются отъ сумеровъ по языку, типу и религіи.

Лугалзаггиси былъ послѣднимъ крупнымъ сумерскимъ царемъ. Скоро послѣ него семиты укрѣпляются въ сѣверной Вавилоніи. Изъ ихъ среды выходитъ герой древневавилонской легенды Саргонъ (Шаргани), о рожденіи котораго разсказывается миѳъ (покинутый матерью, будущій богатырь спасается чудомъ), потомъ перенесенный на Моисея, Кира и Ромула. Саргонъ называется царемъ Аккада. Онъ совершаетъ еще болѣе крупныя завоеванія, чѣмъ сумерскіе предшественники, овладѣваетъ всей аллювіальной полосой Двурѣчья, покоряетъ Эламъ, Месопотамію, Сирію и Палестину, доходитъ на западѣ до моря, переправляется на о. Кипръ. Надписи Саргона составлены сумерійскимъ письмомъ на семитскомъ (ассиро-вавилонскомъ) языкѣ. Его царство представляетъ торжество семитскаго элемента въ Двурѣчьи. Одновременно семиты сильно приливаютъ къ другой западной окраинѣ пустыни, Сиріи и Палестинѣ. Время Саргона опредѣляютъ различно (между 2800 и 2500 гг. до Р. Х.).

3. Древнее и Среднее царства въ Египтѣ.

(приблиз. 2900—1800 до Р. Х.)

Хронологія Древняго и Средняго царствъ. Періодъ Древняго царства прежде начинали, согласно Манеѳону, съ Менеса. Но со времени открытія старинныхъ памятниковъ въ Верхнемъ Египтѣ, въ Негада и Гіераконполѣ, египтологи приняли нѣсколько иную періодизацію. Царей «Скорпіона» и Нармера вмѣстѣ съ тремя первыми династіями относятъ теперь къ *архаическому* періоду. Собственно Древнее царство начинаютъ съ 4-ой династіи, выдѣляющейся царями-строителями крупныхъ пирамидъ. Въ тѣсномъ смыслѣ подъ Древнимъ царствомъ разумѣется время трехъ династій, 4-ой, 5-ой и 6-ой (приблиз. 2900—2500 или 2800—2400 до Р. Х.). Дальнѣйшее раздѣленіе остается согласно Манеѳону. Послѣ смутнаго и малоизвѣстнаго времени 7—10 династій наступаетъ (съ 2150 г.) вторая эпоха процвѣтанія и внѣшняго могущества Египта, такъ наз. Среднее царство. Она заполнена тремя династіями 11—13, изъ которыхъ самая сильная—12-ая (приблиз. 2000—1800 л. до Р. Х.).

Культура Древняго царства по памятникамъ. Политическая исторія и юридическій строй первой половины 3-яго тысячелѣтія не оставили слѣдовъ въ видѣ какихъ-либо документовъ. Но матеріальная и религіозная жизнь отражены очень обильными памятниками; особенно богата эпоха крупными гробницами и необыкновенно отчетливыми картинами частнаго быта, изображенными на стѣнахъ этихъ гробницъ. Никогда потомъ не приходилось заготовлять и перевозить такія колоссальныя груды строительнаго матеріала, возводить такія массивныя зданія, какими были пирамиды. Искусство стоитъ очень высоко, почти недосягаемо для послѣдующихъ поколѣній. Въ области скульптуры замѣчательны по натуралистической передачѣ индивидуальности портретныя статуи, помѣщавшіяся внутри могилъ: задачей изображенія было привлечь духъ умершаго въ привычную жизненную обстановку, какъ бы закрѣпить его въ качествѣ вѣчной личности. Съ большимъ мастер-

ствомъ сдѣланы также мелкія вещи, напр., фигурки рабочихъ, модели лодокъ съ гребцами и т. под. игрушечные предметы, частью также принадлежащіе къ обстановкѣ могилъ.

Для историка памятники эти важны не только по своему матеріальному содержанію, насколько они даютъ возможность возстановить картину хозяйственнаго и религіознаго быта или передаютъ нѣкоторыя событія, напр., торговыя поѣздки, военныя экспедиціи и т. п. Они важны и по манерѣ исполненія; художникъ обнаруживаетъ такое искусство, въ изображеніяхъ столько живости, непосредственности, артистическаго увлеченія, техника должна преодолѣвать такія трудности и рѣшать такія сложныя проблемы, что это одно даетъ право высоко оцѣнить культуру эпохи. Уже отсюда можно сдѣлать нѣкоторыя существенныя заключенія для *соціальной исторіи*. Общество, среди котораго возникли крупныя сооруженія и художественныя вещи Древняго царства, находилось въ обладаніи большихъ сосредоточенныхъ богатствъ; только опираясь на этотъ капиталъ, правящій слой могъ организовать громадныя работы, необходимыя для доставленія матеріала и примѣненія его. Съ другой стороны, художественное и техническое совершенство исполненія предполагаетъ наличность интеллигентнаго слоя, хорошо подготовленнаго и такъ или иначе поступившаго на службу къ властителямъ страны. Наконецъ, то обстоятельство, что богатѣйшія колоссальныя гробницы существовали лишь для ничтожнаго меньшинства высшаго класса и должны были обезпечивать умершимъ царямъ и магнатамъ вѣчную жизнь, тогда какъ массы оставались при старомъ способѣ погребенія, служившемъ признаніемъ смертности обыкновенныхъ людей,—показываетъ, что египетское общество было рѣзко раздѣлено на классы господъ и подчиненныхъ, жившіе разными религіями.

Эти общія впечатлѣнія подтверждаются и получаютъ еще болѣе отчетливыя очертанія при дальнѣйшемъ анализѣ памятниковъ.

Кругъ сношеній Египта въ началѣ 3-го тысячелѣтія. Картины торговыхъ поѣздокъ, военныхъ экспедицій, дефилированія плѣнниковъ и добычи показываютъ, что государство египетское значительно расширилось за предѣлы собственно Египта. Еще при первыхъ династіяхъ властители Нильской долины захватили оазы, лежащіе на западѣ въ Ливійской пустынѣ и покорили ливійскія племена въ области, прилегающей къ Дельтѣ. По другую сторону нильскихъ рукавовъ на востокѣ они побѣдили номадовъ, заграждавшихъ пути къ синайскимъ рудникамъ. Такъ какъ все время приходилось оберегаться отъ нападенія азіатскихъ племенъ, египетскіе цари вывели въ самомъ узкомъ мѣстѣ Суэцкаго перешейка, между Средиземнымъ моремъ и горько-

солеными озерами «стѣну владыки для защиты отъ азіатовъ». При тѣхъ же первыхъ династіяхъ египтяне строили большія суда и ѣздили по морю на сѣверъ: упоминаемые въ надписяхъ заморскіе вассалы Египта Ханебу, вѣроятно, означаютъ населеніе о. Крита.

Въ эпоху Древняго царства сношенія Египта раздвигаются еще шире. Завоеватели переходятъ на югѣ естественную границу страны, пороги (1-ый катарактъ у Ассуана) и направляются вверхъ по узкой культурной полосѣ вдоль Нила, нынѣшней Нубіи. Югъ доставляетъ имъ потомъ новыя группы воителей: въ египетское войско отряды чернокожихъ, на полицейскую службу нубійцевъ. Далѣе египтяне заводятъ обширную торговлю съ восточной Африкой: ихъ суда направляются вдоль узкаго Аравійскаго залива къ странѣ Пунтъ, т.-е. къ берегамъ Абиссиніи и Сомали; они привозятъ оттуда золото, слоновую кость, цѣнные сорта дерева, мирру, и кромѣ того живой товаръ, невольниковъ какой-то пигмейской расы, на которыхъ большой спросъ при царскомъ дворѣ и въ быту магнатовъ, гдѣ карлики примѣняются въ низшихъ хозяйственныхъ должностяхъ, въ качествѣ шутовъ и т. д.

Продолжая держать защиту противъ азіатскихъ номадовъ въ видѣ стѣны укрѣпленій на Суэцѣ, египетскіе цари старались распространить вліяніе свое на ближайшія по сосѣдству азіатскія страны, Палестину и Финикію. Первый царь 4-ой династіи Снофру, одинъ изъ строителей большихъ пирамидъ, посылаетъ корабли за доставкой ливанскихъ кедровъ. На одной картинѣ времени 5-ой династіи изображено взятіе египтянами укрѣпленнаго азіатскаго города. Къ сожалѣнію, картина дошла въ обрывкахъ, но детали ея ясны: туземцы бьются палицами, египтяне убиваютъ ихъ стрѣлами и сѣкирами съ полукруглымъ металлическимъ клинкомъ; завоеватели штурмуютъ городъ, подкапываясь заостренными шестами подъ кирпичныя стѣны; внутри вождь осажденныхъ въ отчаяніи рветъ на себѣ волосы; другіе убиваютъ женъ и ломаютъ луки. Есть также изображенія кораблей, возвращающихся изъ дальней экспедиціи: солдаты привѣтствуютъ царя и заставляютъ простираться передъ нимъ плѣнныхъ семитическихъ вождей.

Въ цѣломъ торговыя поѣздки и походы, образующіе расширеніе сферы египетскаго вліянія, показываютъ, что въ объединенномъ государствѣ Нильской долины скопилось много военныхъ элементовъ. Вожди вынуждены занимать своихъ солдатъ все новыми предпріятіями; съ другой стороны, тѣ же вожди, царь и его свита, или дворъ, стараются использовать большіе рессурсы страны, собираемые ими въ видѣ налоговъ и натуральныхъ поборовъ, на закупки и захваты у сосѣдей и въ болѣе отдаленныхъ странахъ. Капиталъ, извлекаемый

изъ обработки культурной полосы Нильской долины, вкладывается въ аннексіи новыхъ податныхъ областей и въ болѣе отдаленныя предпріятія, приносящія новую добычу. Запасы страны увеличиваются предметами иностраннаго подвоза; растетъ блескъ и роскошь обстановки; властители пріобрѣтаютъ въ лицѣ привозныхъ невольниковъ новую массу рабочихъ.

Столицы Древняго царства. Все это накопленное страной, привезенное отъ сосѣдей, отнятое войнами богатство сосредоточивается въ политическомъ центрѣ, гдѣ резидируетъ царь и его дворъ. Централизація казны и управленія доведена до высшей степени развитія; власть окружена сіяніемъ недосягаемаго авторитета.

Политическій центръ окончательно перемѣстился изъ южнаго Египта къ естественной серединѣ страны, гдѣ прежде была граница двухъ царствъ, т.-е. близко къ выходу Нила въ равнину Дельты. Но опредѣленной постоянной столицы нѣтъ. Дворъ странствуетъ. Каждый властитель при воцареніи выбираетъ резиденціей одно изъ поселеній на лѣвомъ западномъ берегу Нила и начинаетъ строить себѣ громадную усыпальницу позади своего дворца на одномъ изъ каменистыхъ уступовъ, образующихъ край западной Ливійской пустыни. Такимъ образомъ въ каждое царствованіе перемѣщается горизонтальная линія, на которой стоятъ слѣдующіе пункты: на краю пустыни наверху царская пирамида, внизу въ центрѣ царская резиденція и у рѣки пристань, служащая для административныхъ цѣлей, для подвоза строительнаго матеріала и для доставки товаровъ, потребляемыхъ при дворѣ.

Предѣлы, въ которыхъ можно прослѣдить это перемѣщеніе двора, отмѣчены дошедшими до насъ пирамидами или ихъ развалинами. Всего сохранилось около 70 пирамидъ. Наибольшая масса ихъ приходится на шесть группъ, занимающихъ протяженіе въ 35 километровъ вдоль Нила на сѣверъ и на югъ отъ города Мемфиса; нѣсколько отступя отъ этой линіи пирамидъ къ югу расположены еще двѣ группы; самая южная приходится уже около поворота къ большому оазу Файюма.

Пирамиды представляютъ памятникъ, любопытный не только въ техническомъ отношеніи, какъ самыя крупныя и массивныя сооруженія въ свѣтѣ; онѣ являются символомъ своеобразной политической и религіозной формы. Археологи установили этапы эволюціи царской гробницы; эти ступени отвѣчаютъ возрастанію новой вѣры въ безсмертіе избранныхъ людей. Въ силу ученія о безсмертіи великому человѣку нуженъ «великій домъ»: хотя душа его послѣ смерти улетаетъ въ далекій западный край, но въ то же время возможно возвращеніе жизни въ бездыханномъ тѣлѣ; путемъ молитвъ и заклинаній можно

привлечь духовное начало, представляющееся «двойникомъ» умершаго (по египетски каи); необходимо также поставить надъ могилой вѣрное изображеніе умершаго въ видѣ статуи и позаботиться о снабженіи его всѣми предметами обихода, одеждой, пищей и т. д. Все это должно себѣ найти мѣсто въ крѣпкомъ каменномъ строеніи.

Первой формой «вѣчнаго дома» для усопшаго служитъ большая прямоугольная или квадратная часовня, выложенная надъ могилой, представляющей въ свою очередь глубокую подземную шахту. Подъ такими строеніями, которыя принято называть арабскимъ именемъ *мастаба*, похоронены цари архаическаго періода. Впослѣдствіи мастабы остаются гробницами для магнатовъ; цари начинаютъ расширять старую форму усыпальницы, громоздить ее этажами одну на другую. Такой видъ шестиэтажной мастабы, съуживающейся кверху, имѣетъ пирамида послѣдняго царя 3-ей династіи Зосера (пирамида въ Саккарѣ). Послѣдующіе строители стараются выстлать камнемъ углы и загладить стороны пирамиды въ видѣ сплошныхъ плоскостей, поднимающихся наклонно къ основанію. Можетъ быть, на пути этого развитія стоитъ пирамида Снофру, такъ наз., скошенная пирамида (въ Мейдумѣ). Она состоитъ изъ трехъ этажей, но каждый подымается подъ своимъ особымъ косымъ угломъ. Преемники Снофру, цари 4-ой династіи Хеопсъ (по-егип. Хуфу), Хефренъ (Хафре) и Микеринъ (Менкуре), строятъ на Гизехскомъ плато къ сѣверу отъ Мемфиса пирамиды уже въ ихъ законченномъ классическомъ видѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пирамиды достигаютъ наибольшихъ своихъ размѣровъ; царя Хеопса уже не могъ превзойти ни одинъ изъ послѣдующихъ строителей.

Пирамида остается надстройкой надъ собственной могилой, представляющей подземную камеру. Сплошная почти каменная гора, поднимающаяся надъ усыпальницей, выстроена не сразу по какому-либо широкому первоначальному плану. Напротивъ, надо предполагать, что сначала царь, принимавшійся за постройку тотчасъ по воцареніи, выкладывалъ сравнительно небольшую пирамиду. Если его царствованіе благополучно продолжалось, пирамида подвергалась перестройкѣ: ее расширяли равномѣрнымъ дополненіемъ широкаго слоя со всѣхъ сторонъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поднимали верхушку пирамиды. Такое расширеніе могло происходить нѣсколько разъ, и лишь тогда пирамида принимала свой колоссальный видъ. Если царствованіе было недолго, пирамида могла остаться неоконченной.

Въ пирамидѣ хоронили одного царя; своему родству, женамъ и дѣтямъ, а также особенно приближеннымъ придворнымъ онъ лишь позволялъ устроить могилы поблизости. Мастабы царскихъ родственниковъ и магнатовъ образуютъ обширныя кладбища вокругъ пира-

мидъ. Въ этой іерархіи могильныхъ зданій отражается понятіе о царской власти. Чѣмъ значительнѣе человѣкъ, тѣмъ продолжительнѣе его загробная жизнь. Наиболѣе приближается къ вѣчности верховный властитель. Его домъ несравненно крупнѣе и прочнѣе, чѣмъ у другихъ, и въ своемъ величественномъ одиночествѣ царь поднимается неизмѣримо надъ всей остальной массой людей. Изъ этой массы выдѣлены его милостью нѣсколько приближенныхъ; но и они далеки отъ его сверхчеловѣческой личности, они какъ бы тонутъ въ сіяніи его величія.

Администрація Древняго царства. Загробныя взаимоотношенія составляютъ точную копію земныхъ. Символической картинѣ великой пирамиды, возвышающейся среди мастабъ надъ низкой равниной безвѣстныхъ могилъ, отвѣчаетъ устройство двора, управленія и титулы властителя. Теорія божественной власти государя вполнѣ развита. Египетская надпись, найденная на Синаѣ, называетъ Менеса «великимъ богомъ». Придворные зовутся «ежедневно славящими бога». Одинъ изъ двухъ канцлеровъ, соотвѣтствующихъ двумъ половинамъ государства, именно управляющій югомъ, именуется «канцлеръ божій» (другой, канцлеръ сѣвернаго царства, какъ низшаго по рангу, не имѣетъ этого титула). Высшій сановникъ, состоящій при царѣ, какъ бы его великій визирь, «судья великихъ вратъ» называется также «тайнымъ совѣтникомъ неба, зрящимъ тайну небесную». Этикетъ требуетъ, чтобы высокую особу царя не называли по имени: постепенно вырабатывается обычай примѣнять неопредѣленное выраженіе «высокій домъ», (пар-хо, въ іудейскомъ произношеніи *фараонъ)* на манеръ оборота «Оттоманская Высокая Порта».

Вокругъ царя не видно иной аристократіи, кромѣ сановниковъ придворной и административной службы. Египетъ Древняго царства— вполнѣ сложившаяся бюрократическая монархія. Чиновники выходятъ изъ своего рода школъ, состоящихъ при храмахъ, или изъ числа молодыхъ людей, выросшихъ при дворѣ въ качествѣ сверстниковъ царскихъ дѣтей. Они начинаютъ службу при одномъ изъ большихъ складовъ и запасныхъ магазиновъ, каковы «домъ средствъ питанія», «домъ оружія», «домъ хлѣбнаго зерна» и т. п. Отсюда они поднимаются милостью фараона на различныя высшія должности при дворѣ и въ мѣстномъ управленіи. Перемѣщенія съ одной должности на другую происходятъ очень быстро, административная карьера носитъ обыкновенно характеръ весьма пестрый. Очень замѣтно преобладаніе придворныхъ чиновъ надъ мѣстными провинціальными. Главная масса магнатовъ сидитъ при дворѣ, составляя свиту царя и заполняя царскую трапезу, наподобіе палатиновъ Карла Великаго: это, видимо,—оста-

токъ завоевательной эпохи, когда дружина помѣщалась вмѣстѣ съ вождемъ въ центрѣ захваченныхъ богатствъ.

Въ областяхъ и городахъ не видно ни малѣйшаго намека на самоуправленіе; сборъ податей, наблюденіе за порядкомъ, за исполненіемъ барщинъ и повинностей, судъ надъ мѣстнымъ населеніемъ находится въ рукахъ присланныхъ изъ центра чиновниковъ. Главный городъ области—не что иное, какъ резиденція намѣстника; его титулъ—начальникъ большой крѣпости (такого-то города) и людей (такой-то прилегающей къ нему области). Постоянно онъ носитъ также чинъ «судьи», или священника Маатъ (богини справедливости). Для выправленія барщинъ и натуральныхъ повинностей, выполняемыхъ крѣпостными, намѣстникъ имѣетъ при себѣ многочисленный штатъ мелкихъ писцовъ, слугъ и стражниковъ. Въ судебныхъ рѣшеніяхъ намѣстникъ подчиненъ высшей инстанціи «шести великихъ домовъ», засѣдающей въ столицѣ и состоящей изъ крупныхъ сановниковъ.

У царя обширныя вотчины, особенно въ Нижнемъ Египтѣ,—результатъ покоренія сѣвернаго царства южнымъ. Эти земли обрабатываются, повидимому, своего рода государственными крестьянами, крѣпостными царя. Можетъ быть, въ теоріи вся земля считается собственностью царя. Во всякомъ случаѣ верховный властитель страны выдаетъ придворнымъ и чиновникамъ въ награду за службу имѣнія и угодія съ принадлежащимъ къ нимъ рабочимъ населеніемъ. Кромѣ полученій со своихъ вотчинъ, поступающихъ въ большіе склады и магазины, царскій дворъ еще извлекаетъ обширный доходъ со страны въ видѣ точно регулированныхъ податей. Уже при второй династіи (около 3000 г. до Р. Х.) происходитъ оцѣнка движимаго имущества и кадастръ земли, которые правильно возобновляются черезъ каждые два года и носятъ названіе «счисленій золота и полей». Царскіе писцы ходятъ изъ дома въ домъ, съ одного полевого участка на другой и производятъ оцѣнки сообразно наличности, а также въ соотвѣтствіи съ колебаніями дохода отъ ремесла, торговли и полеводства. Эти счисленія продолжаются потомъ при богатыхъ династіяхъ, 4-ой и 5-ой.

Безъ «писца» не обходится ни одно административное дѣло, все дѣлопроизводство—письменное. Во всѣхъ болѣе важныхъ случаяхъ чиновникъ ожидаетъ царской грамоты, которая запечатывается въ присутствіи самого фараона и пересылается по назначенію. Судъ намѣстника сопровождается подробнымъ протоколомъ, который ведутъ подчиненные ему писцы. Когда сельскіе старосты являются для сдачи продуктовъ въ запасы или приводятъ рабочихъ на барщину, ихъ встрѣчаетъ цѣлая канцелярія бухгалтеровъ, счетчиковъ и контролеровъ;

картина изображаетъ ихъ за конторками, они быстро скрипятъ перьями, позади нихъ шкапчики съ «дѣлами».

Іерархія и интеллигенція на службѣ государства. Всю эту массу обученыхъ грамотѣ и счетному дѣлу людей можно назвать средневѣковымъ европейскимъ терминомъ клириковъ. Они выучиваются своему искусству въ храмовыхъ школахъ; наука, на которую опираются ихъ свѣдѣнія, выработана старинными корпораціями священниковъ. Та же ученая среда доставила военнымъ вождямъ, ставшимъ во главѣ государства, теорію божественной власти, облекла ихъ священнымъ авторитетомъ и примѣнила къ нимъ ученіе о вѣчной жизни за гробомъ. Видимо, между завоевателями и духовенствомъ заключенъ тѣсный союзъ, въ силу котораго старинная жреческая интеллигенція отдаетъ на службу военно-административной власти свои знанія, свое техническое и художественное искусство. Въ свою очередь власть приближаетъ священниковъ ко двору и управленію и даетъ имъ почетныя и вліятельныя мѣста и должности. Ни въ чемъ такъ ярко не выступаетъ союзъ между дворомъ и духовенствомъ, какъ въ роли первосвященника бога Птахъ въ городѣ Мемфисѣ.

Властители, заказывавшіе себѣ выстроить колоссальный вѣчный домъ, нуждались въ организаторахъ и исполнителяхъ сложныхъ техническихъ и художественныхъ работъ: въ мастерахъ горнозаводческаго дѣла для выламыванія особенно прочныхъ и красивыхъ каменныхъ породъ, въ инженерахъ для подвоза этого матеріала и подъема его на громадные этажи гробницы, въ каменотесахъ и художникахъ для полировки глыбъ, разрисовки стѣнъ и т. д. Повидимому, именно храмовая школа въ Мемфисѣ доставляла кадры мастеровъ для всѣхъ этихъ дѣлъ, а главному жрецу Мемфійскаго бога было естественно поручить наблюденіе за всѣмъ ходомъ относившихся сюда работъ, начиная отъ добыванія камня и кончая освященіемъ великой гробницы. Первосвященникъ бога Птахъ назначался какъ бы начальникомъ дворцово-строительнаго вѣдомства; въ его обязанности входило также читать молитвы по умершимъ царямъ и путемъ жертвъ и волшебства содѣйствовать возвращенію ихъ духа на землю.

Духовенство вводится этимъ способомъ въ ряды сановниковъ и слугъ царскихъ. Въ свою очередь царь возводитъ въ санъ первосвященника своихъ близкихъ родственниковъ, даетъ званіе іерарха намѣстникамъ, которые становятся во главѣ мѣстныхъ культовъ. Но сліянія духовнаго и свѣтскаго чина не происходитъ. Они остаются двумя раздѣльными званіями: свѣтскіе чиновники—администраторами, судьями и военными начальниками, клирики—храмовыми служителями, учеными, техниками, при чемъ въ ихъ средѣ выдѣляется привилеги-

рованная группа приближенныхъ къ царю, какъ бы придворныхъ оффиціальныхъ прелатовъ.

Положеніе рабочаго класса. Клиръ въ качествѣ остатка стариннаго правящаго слоя, и бюрократія съ царемъ во главѣ въ качествѣ ближайшихъ преемниковъ вновь водворившейся завоевательной силы, отдѣляются какъ нельзя болѣе рѣзко отъ всей массы рабочаго населенія, несущаго подати и повинности. Художники, увѣковѣчившіе на стѣнахъ гробницъ бытъ Древняго царства, нашли способъ ярко отмѣтить разницу между господами и подчиненными въ костюмѣ, повадкѣ, жестахъ и т. д. Но помимо того краснорѣчиво и содержаніе картинъ. Умершій господинъ, магнатъ или царь, долженъ видѣть передъ собою всю свою жизнь: передъ его сановитой фигурой, исполненной спокойнаго благополучія, проходятъ длинными рядами крестьяне и крестьянки съ разными приношеніями; на господскій дворъ ведутъ скотъ, тащатъ птицу и корзины съ хлѣбомъ и фруктами; надсмотрщикъ съ палкой въ рукѣ привелъ рабочихъ и небрежно-повелительнымъ жестомъ даетъ команду кланяться въ ноги господину; передъ конторой экономіи выстроились старосты, сдающіе продукты и держащіе отвѣтъ за исполненіе работъ; въ случаѣ недобора или неисправности они отвѣчаютъ своими спинами, и новая картина изображаетъ экзекуцію: растянутаго на полу рабочаго слуги магната бьютъ палками.

Юридически приниженное положеніе сельскаго рабочаго ясно выступаетъ въ этихъ порядкахъ. Если принять во вниманіе, что имѣніе, которое царь даритъ чиновнику или отписываетъ на помишки своему духу, понимается, какъ земля съ сидящими на ней повинными службой рабочими, то будетъ правильно обозначить это состояніе терминомъ *крѣпостное право*. Зависимость крестьянъ составляетъ вѣроятно результатъ завоеванія. Крестьянскія повинности образуютъ государственный институтъ, введенный господами страны, о чемъ можно судить по тому, что земледѣльца, въ качествѣ «рабочаго вообще», тянутъ на барщину помимо собственно земледѣльческихъ работъ. Только при посредствѣ такой государственной барщины фараоны могли строить свои крѣпости-резиденціи и возводить колоссальныя могилы на лѣвой сторонѣ Нила изъ матеріала, добывавшагося въ каменоломняхъ праваго берега рѣки (въ горномъ кряжѣ Мокаттамъ). Такъ какъ въ Египтѣ эпохи Древняго царства не было вьючныхъ и транспортныхъ животныхъ, то вся перевозка тяжелаго матеріала, за выключеніемъ переправы черезъ рѣку, совершалось посредствомъ мускульной силы человѣка. О примѣненіи чужихъ рабскихъ или наемныхъ рабочихъ рукъ въ такомъ громадномъ количествѣ не могло быть и рѣчи. Нѣтъ сомнѣнія, что на постройку пирамидъ сгоняли тысячи

мѣстныхъ крестьянъ въ свободное отъ полевыхъ занятій время. Очень понятно, что народная легенда обращаетъ потомъ личности строителей величайшихъ пирамидъ въ жестокихъ угнетателей простого люда и изображаетъ паденіе династіи въ видѣ божьей кары за ихъ безчеловѣчность.

Религіозная политика 5-ой династіи. Бюрократическая монархія держалась въ Египтѣ довольно долго; на одну только 4-ю династію, заключающую самыхъ властныхъ фараоновъ Древняго царства, приходится около 200 лѣтъ. Но все же своеобразный порядокъ, при которомъ правящій классъ скопился массой въ политическомъ центрѣ, разстраивается постепенно силой нѣкотораго внутренняго процесса. Глава служебной іерархіи не можетъ накормить всѣхъ ея представителей за своей трапезой и замкнуть ихъ въ одной большой аристократической коммунѣ. Такъ же, какъ распались постепенно дворъ Карла Великаго, великое кольцо аваровъ, Золотая орда, и въ Египтѣ распадается большой дворъ, кормившійся въ области «бѣлой стѣны» (Мемфиса). Царь вынужденъ награждать сановниковъ земельными участками, выдѣлять изъ общаго хозяйства индивидуальныя доли и раздроблять свою вотчину. Съ появленіемъ магнатскихъ владѣній въ разныхъ частяхъ Египта царскіе доходы быстро сокращаются, и это обстоятельство ярко отражается въ отказѣ фараоновъ отъ возведенія крупныхъ пирамидъ, а скоро и вообще въ прекращеніи грандіозныхъ могильныхъ сооруженій. Если сказать, что причиной этой остановки въ строительствѣ пирамидъ былъ упадокъ вѣры въ безсмертіе царя, то другими словами лишь выразишь тотъ же фактъ: авторитетъ монархической власти падаетъ.

Это потрясеніе монархіи испытала еще сама 4-ая династія, погибшая среди волненій. Слѣдующая 5-ая, которая ее свергла, повела новую политику и пыталась по новому обосновать свою власть. Легенда разсказываетъ, что первые три царя 5-ой династіи были сыновьями бога солнца Ре и жены первосвященника этого бога; самому великому Хеопсу было предсказано ихъ чудесное рожденіе и будущее торжество; старшій изъ нихъ, Узеркафъ, выступаетъ первосвященникомъ въ Геліополѣ, центрѣ культа бога Ре.

Данныя легенды о близости царей 5-ой династіи къ культу бога солнца, подтверждаются памятниками. Такъ же, какъ цари 4-ой династіи строятъ одинъ за другимъ большія пирамиды, ихъ преемники, фараоны 5-ой династіи усердно возводятъ на той же высокой окраинѣ западной пустыни храмы богу солнца. Археологи пытались реконструировать большое сооруженіе царя Нусерре (среди пирамидъ Абусира, близъ Мемфиса). Повидимому, снизу изъ резиденціи по пи-

рокой, выстланной камнемъ дорогѣ былъ проложенъ крытый ходъ къ святилищу, расположенному на высокомъ выступѣ плоскогорія, приподнятомъ еще каменнымъ фундаментомъ. Фараонъ слѣдовалъ длиннымъ темнымъ корридоромъ и, выходя на свѣтъ, обращался лицомъ на востокъ и привѣтствовалъ поднимавшееся свѣтило. Само святилище не было похоже на старинные храмы. Оно состояло изъ высокаго обелиска, поднимавшагося на кубическомъ основаніи, и большого алтаря передъ нимъ. Изображеній божества не было, такъ какъ святилище и не считалось мѣстопребываніемъ бога; при немъ хранились только символическія лодки, знаки небеснаго плаванія бога солнца.

Устройство святилища бога Ре показываетъ, что фараоны 5-ой династіи проводили извѣстнаго рода *религіозную реформу*. Эта реформа была осуществленіемъ сложной группы отвлеченныхъ идей, богословскаго вѣроученія, которое могло быть выработано только корпораціей священниковъ, составлявшей цѣлую школу. Попытка возвести бога солнца на степень творца жизни и міроправителя и сдѣлать его культъ общегосударственнымъ, была повторена потомъ въ религіозномъ и церковномъ переворотѣ царя 18-ой династіи Аменофиса IV (послѣ 1400 г.), который объявилъ Ре единственнымъ божествомъ Египта. Безъ сомнѣнія, уже при 5-ой династіи была цѣль провести солярный монотеизмъ. Богословская теорія вѣроятно совпадала съ политической задачей—укрѣпить единство Египта провозглашеніемъ центральнаго культа. При помощи этой новой системы офиціальныхъ обрядовъ старались обосновать свою власть фараоны, которые можетъ быть, происходили сами изъ среды геліопольскихъ священниковъ. Они вѣроятно искали въ новой церковной организаціи опоры противъ растущей силы служащей аристократіи, представители которой стали превращаться благодаря царскимъ же дареніямъ въ мѣстныхъ крупныхъ магнатовъ-землевладѣльцевъ. Богословіе должно было оказать очень опредѣленную услугу политикѣ: при 5-ой династіи появляется ученіе о томъ, что фараонъ—земное воплощеніе бога Ре.

Въ дѣйствительности фараоны и этой династіи вынуждены были уступать ходу политическаго развитія, которое шло къ сокращенію царскаго достоянія, паденію авторитета двора и усиленію мѣстныхъ правителей. Вѣроятно они продолжали раздачи земель изъ короннаго имущества, а этимъ довершали важную бюрократическую перемѣну, состоявшую въ томъ, что намѣстники областей изъ часто смѣняемыхъ чиновниковъ обратились въ пожизненныхъ и наслѣдственныхъ обладателей власти въ своемъ округѣ.

Политическое раздробленіе Египта. Отмѣченная перемѣна ярко отражается въ устройствѣ и размѣщеніи могилъ. Между тѣмъ, какъ

сановникъ эпохи 4-ой династіи тянется ко двору и старается устроить себѣ мѣсто вѣчнаго успокоенія у подножія великой царской пирамиды, намѣстникъ болѣе поздняго времени строитъ могилу себѣ и своимъ близкимъ подъ стѣнами того города, гдѣ онъ правитъ, и гдѣ будетъ править его сынъ. Согласно этой увѣренности мѣстнаго правителя въ прочности своего положенія, независимомъ отъ прихотей двора и усмотрѣнія центральнаго вѣдомства, мѣняется тонъ и выраженія въ могильныхъ надписяхъ. Вмѣсто того, чтобы писать: «Его Величество назначилъ меня правителемъ (такой-то) области», намѣстникъ отмѣчаетъ: «я поднялся, чтобы владычествовать надъ (такою-то) областью». Онъ перечисляетъ свои заслуги передъ населеніемъ, свои заботы о его благосостояніи, свои благотворительныя дѣла; о фараонѣ едва упоминается въ косвенной формѣ: «я, любимый царемъ...»

Ясно, что авторитетъ центральнаго правительства упалъ, намѣстники стали вполнѣ независимыми владѣтелями, и египетская держава раздробилась. Правители областей зовутся помимо своего служебнаго титула «князьями» или «господами». Они считаются наслѣдственными первосвященниками мѣстныхъ культовъ. На мѣстахъ счетъ времени ведется по годамъ ихъ правленія, вмѣсто прежняго счисленія по годамъ царствованія фараоновъ. Имя мѣстнаго владыки призывается при произнесеніи присяги; къ нему, какъ прежде къ имени фараона, прибавляется пожеланіе: «да здравствуетъ впредь и во вѣки!»

Все сильнѣе развиваются эти порядки, начиная съ 6-ой династіи (съ середины 3-го тысячелѣтія). Естественнымъ результатомъ раздробленія Египта былъ упадокъ его внѣшней силы. При царѣ Пепи I пришлось уже вести упорную войну за обладаніе Палестиной. Вскорѣ послѣ этого азіатскія владѣнія и связи были, повидимому, совсѣмъ утрачены. Сходство съ событіями и порядками Европы IX—X вв. по Р. X. дало основаніе историкамъ говорить объ *египетскомъ феодализмѣ.* Но мы имѣемъ опредѣленное представленіе только о положеніи крупныхъ сеньеровъ, правившихъ въ областяхъ, и этихъ магнатовъ, если угодно, можно сравнивать съ европейскими князьями, герцогами и графами. Что же касается порядковъ быта мелкихъ вассаловъ, или характерныхъ для европейскаго средневѣковья феодальныхъ хартій, то о нихъ ничего не извѣстно. Поэтому осторожнѣе будетъ назвать эпоху удѣльнымъ или сеньеріальнымъ періодомъ исторіи Египта.

Съ развитіемъ сеньёрій общее политическое положеніе страны становится неяснымъ. Повидимому, центральное правительство, попрежнему резидирующее близко къ выходу Нила въ равнину Дельты, сохраняетъ власть только надъ Нижнимъ Египтомъ. Выше по рѣкѣ, въ южной части Средняго Египта и въ Верхнемъ Египтѣ, образовались

совершенно независимыя отъ царя крупныя княжества. Каждый изъ князей держитъ дворъ и канцелярію, подобно фараону: при владыкѣ состоитъ хранитель печатей, или канцлеръ, главный начальникъ военныхъ силъ, майордомъ его имѣній, начальники гробницъ, мастерскихъ, складовъ, запасныхъ и потребительныхъ магазиновъ. Между сеньёріями идетъ часто жестокая борьба; по Нилу направляются воинственныя флотиліи, нападаютъ на сосѣдей и грабятъ ихъ.

Въ этихъ столкновеніяхъ постепенно выдѣляется фактъ, который сказался уже въ началѣ образованія египетскаго государства: чѣмъ выше по рѣкѣ расположена политическая организація, тѣмъ сильнѣе она. Одно время выдвинулись удѣльные князья, или сеньеры области Сикомора съ главнымъ городомъ Ликополисъ (нынѣшній Сіутъ). Связанные интересами съ 8-ой царской династіей, которая резидировала уже не въ Мемфисѣ, а въ *Гераклеополѣ*, ликопольскіе князья энергически защищали фараона противъ мятежныхъ южанъ и, повидимому, побѣдоносно пройдя до границы Египта на югѣ, возстановили единство государства. Эти вассалы были сильнѣе своего сюзерена.

Возвышеніе Ѳивъ. Скоро поднялись еще болѣе могущественные князья въ лицѣ правителей области Скиптра, одной изъ самыхъ южныхъ, четвертой отъ границы, образуемой нильскимъ катарактомъ. Здѣсь, около святилища бога Амона впослѣдствіи выросъ огромный городъ, который греки называли по непонятному намъ созвучію *Ѳивами* («стовратныя» Ѳивы упоминаются уже въ Иліадѣ). Сила ѳиванскаго князя, повидимому, опиралась на иностранныя сношенія и на торговлю, которая велась по караванному пути, соединяющему черезъ восточную пустыню Нилъ съ Аравійскимъ заливомъ. Тамъ, гдѣ Нилъ приближается къ восточному морю, отъ его излучины идетъ глубокая поперечная впадина (нынѣшняя Уади-Хамаматъ) къ морскому берегу. Этимъ путемъ открывались для Верхняго Египта самостоятельныя сношенія съ Синайскимъ полуостровомъ, съ Аравіей и со страной Пунтъ. Ѳивы сдѣлались центромъ и складочнымъ пунктомъ обширнаго подвоза. Очень возможно, что тѣмъ же путемъ прибывали изъ Аравіи военные элементы, усиливая такимъ образомъ завоевательныя средства ѳиванскихъ князей. Стоитъ отмѣтить еще одно обстоятельство, имѣющее отношеніе къ росту города Ѳивъ. Та же караванная дорога, идущая къ морю, пересѣкаетъ гребень Хамаматъ, богатый крѣпкими породами камня. Хамаматскій камень былъ для крупныхъ построекъ въ Ѳивахъ тѣмъ же, что̀ каменоломни Мокаттама для Мемфиса и находившихся около него пирамидъ.

Опираясь на эти рессурсы, ѳиванскіе сеньеры, въ домѣ которыхъ смѣняются имена Антефъ и Ментухотепъ, соединяютъ въ своихъ ру-

кахъ весь Верхній Египетъ до Ликополя. Подвигаясь внизъ по рѣкѣ, они привлекаютъ на свою сторону другихъ князей и составляютъ коалицію противъ фараона. Въ результатѣ успѣшнаго движенія союза сеньеровъ, оиванцы завладѣваютъ центромъ, и Ментухотепъ IV уже считается «господиномъ обѣихъ странъ бога Ре» (это— 11-ая династія египетской хроники, около 2150 г. до Р. Х.).

Такъ какъ оиванскіе фараоны сами вышли изъ среды мѣстныхъ владѣтелей и обязаны были достиженіемъ высшей власти другимъ сеньерамъ, они вынуждались сохранить за намѣстниками ихъ властное положеніе. Если сравнивать эти египетскіе порядки со средневѣковой Европой, то можно сказать, что 11-ая династія поступала, подобно «сильнымъ королямъ» феодальной эпохи: не отмѣняя наслѣдственности сеньёрій, не трогая самостоятельности мѣстной администраціи, фараоны требовали только правильнаго несенія вассальныхъ повинностей со стороны князей. Оброки и приношенія попрежнему направлялись ко дворамъ мѣстныхъ владыкъ, и царь ограничивался лишь тѣмъ, что присылалъ для регистраціи доходовъ чиновника центральной канцеляріи, который скрѣплялъ документы царской печатью. Цари придавали дѣлу объединенія характеръ принципіальной реставраціи старины: «исправить то, что было разстроено, возвратить то, что одинъ городъ взялъ у другого, чтобы каждый городъ зналъ свои границы съ сосѣднимъ городомъ, укрѣпить межи земли и опредѣлить пользованіе водой соотвѣтственно старымъ документамъ, отмѣряя всякому согласно тому, что̀ было въ древности».

Слѣдующая династія, знаменитая 12-ая, вышла, повидимому, изъ среды визирей, или майордомовъ при оиванскихъ фараонахъ. Обстоятельства, при которыхъ произошло паденіе 11-ой династіи, неясны. Аменемхетъ I, основатель новаго правящаго дома, перенесъ столицу опять въ середину страны (около нынѣшняго Дахшура), недалеко отъ мѣста, гдѣ резидировали фараоны Древняго царства. Новая столица была окружена стѣной и фортами, необычайно крѣпкими для того времени. Повидимому, укрѣпленія должны были защищать резиденцію со стороны Дельты, и это показываетъ, что въ началѣ 12-ой династіи, равнина Нижняго Нила еще не была замирена, и прежнее единство Египта еще не было вполнѣ достигнуто.

Образованіе оиванской имперіи. Постепенно положеніе фараоновъ упрочилось. Къ прежнимъ рессурсамъ оиванскихъ владѣтелей Аменемхеты и Сезострисы 12-ой династіи (съ 2000 г. приблизительно) прибавили еще одинъ. Они расширили при помощи большихъ сооруженій, шлюзовъ и водоемовъ культурную область оаза Файюма, въ который вливается рукавъ Нила, нынѣшній Баръ-Юсуфъ (въ передачѣ гре-

ковъ эти работы очень преувеличены: дѣло идетъ о сооруженіи громаднаго водохранилища, регулирующаго нильскія наводненія, подъ именемъ Мёридова озера, откуда выводится имя царя-соорудителя, Мёриса). Въ расширенномъ оазѣ, самой плодородной полосѣ Египта, цари расположили свои главныя доходныя имѣнія, какъ въ свое время фараоны Древняго царства въ Дельтѣ. Самый могущественный изъ этихъ царей, Аменемхетъ III, устроилъ резиденцію среди самого оаза; здѣсь былъ сооруженъ колоссальный храмъ, извѣстный у грековъ подъ именемъ Лабиринта, гдѣ каждая нома Египта имѣла особый залъ для культа своего главнаго божества.

Другой новой доходной статьей фараоновъ дѣлаются золотые пріиски въ Нубіи. Еще ѳиванскіе удѣльные князья ходили войной за нильскіе пороги у Ассуана. Теперь цари покоряютъ долину великой рѣки на большомъ разстояніи вверхъ. Сезострисъ I идетъ съ ополченіемъ «Козьей» области «до конца свѣта»; у второго порога (нынѣшняя Уади Хальфа) онъ ставитъ побѣдный памятникъ, гдѣ изображенъ ѳиванскій богъ Монту, влекущій къ фараону плѣнниковъ. Походы эти доставили египетскимъ властителямъ обладаніе золотыми рудниками въ плоскогоріи среди восточной нубійской пустыни (у нынѣшняго Уади-Аллаки). Транспорты драгоцѣннаго металла должны были проходить довольно растянутой дорогой до Нила; ихъ охраняли военные отряды, и однажды во главѣ эскорта находимъ наслѣдника престола. Въ концѣ караваннаго пути на Нилѣ была выстроена крѣпость для защиты противъ воинственныхъ туземцевъ. Для свободнаго объѣзда пороговъ, составляющихъ первый катарактъ, въ хребтѣ, который преграждаетъ дорогу рѣкѣ, былъ проложенъ каналъ, называвшійся «Прекрасны пути Кекуре» (имя Сезостриса III).

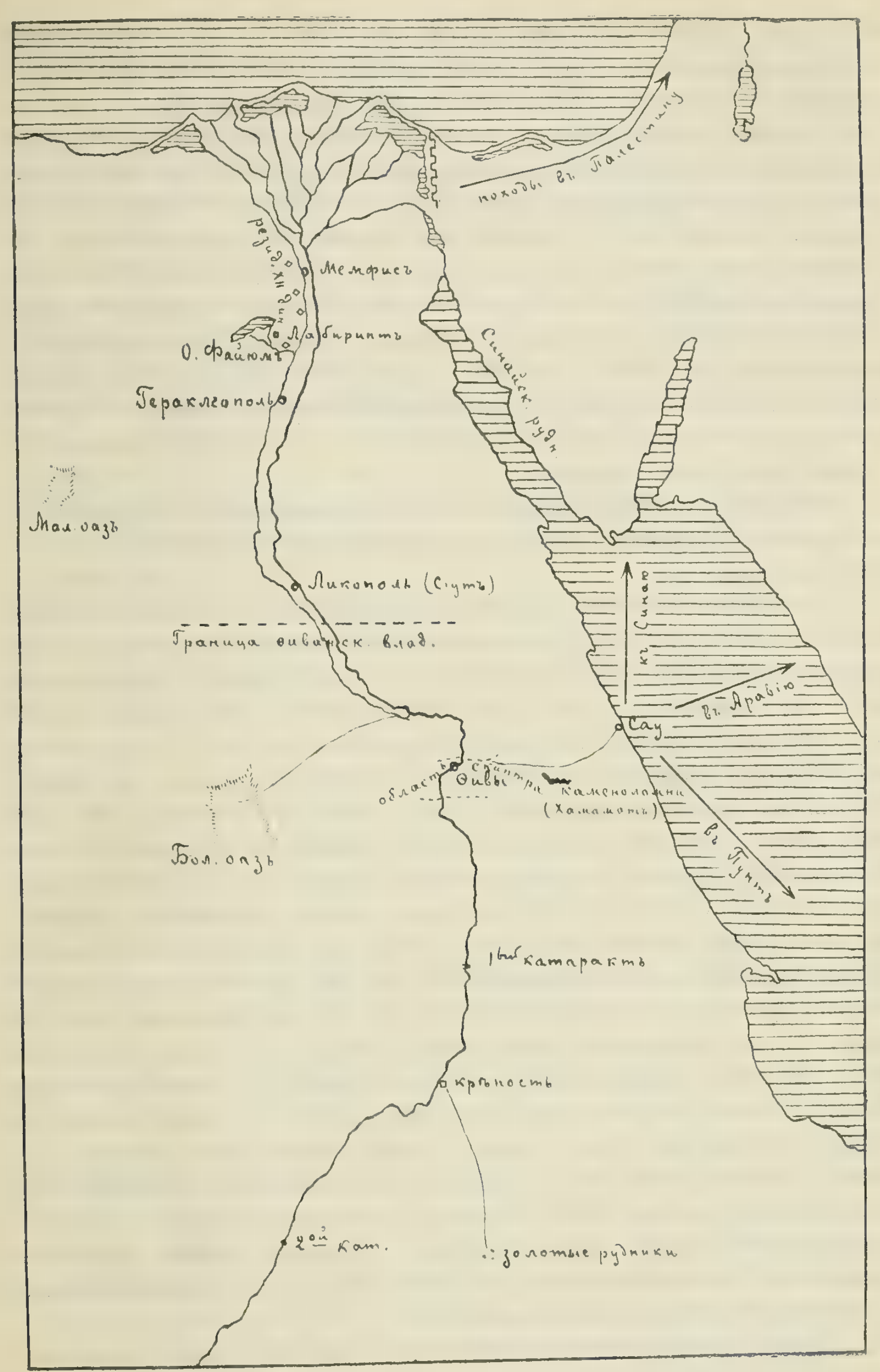
Богатство 12-ой династіи ярко отражается въ постройкахъ и сооруженіяхъ царей. На окраинахъ (въ Нубіи, на Синаѣ, у Дельты) поднимаются внушительныя крѣпости. Старыя святилища, небольшія часовни эпохи Древняго царства, перестраиваются въ крупные храмы; ихъ обстановка наполняется блескомъ при помощи нубійскаго золота. Не даромъ греки считали Лабиринтъ однимъ изъ главныхъ чудесъ Египта; этотъ образъ переходитъ въ ихъ сказанія такъ же, какъ сказочной фигурой становится и царь-завоеватель той же династіи, Сезострисъ III, предшественникъ Аменемхета III (эти два длинныхъ царствованія почти заполняютъ XIX вѣкъ до Р. Х.).

Опираясь на крупныя вотчины свои, на новые доходы отъ рудниковъ и иностранной торговли, фараоны 12-ой династіи могли окончательно сломить силу мѣстныхъ владѣтельныхъ князей и вернуться къ прежней централизаціи. Въ ихъ внутренней политикѣ любопытна, пре-

жде всего, система, въ силу которой царствующій фараонъ дѣлалъ соправителемъ своего наслѣдника и этимъ обезпечивалъ переходъ власти отъ замѣшательствъ и дворцовыхъ переворотовъ. Можетъ быть, это былъ сначала пріемъ, посредствомъ котораго фараоны защищали непрерывность династіи отъ попытокъ князей замѣщать царскій санъ посредствомъ выбора. Весьма характерное учрежденіе также—особый составъ офицеровъ свиты, образующихъ какъ бы кавалерскій орденъ при высочайшей особѣ. Лично связанные съ государемъ, они должны за нимъ «слѣдовать во всѣхъ его путяхъ»; онъ вознаграждаетъ ихъ драгоцѣннымъ оружіемъ, а также «золотомъ похвалы», т.-е. украшеніемъ, надѣвавшимся на шею—прототипъ европейскихъ орденскихъ знаковъ Новаго времени.

Въ областяхъ снова возстановляется авторитетъ центральнаго правительства. Въ удѣльную эпоху намѣстники распоряжались безконтрольно мѣстными кассами и складами, изъ которыхъ они и вознаграждали подчиненныхъ, поставленныхъ какъ бы въ вассальное къ нимъ отношеніе. Теперь цари пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы ликвидировать наслѣдство умершаго магната; опредѣляютъ преемника, передаютъ ему офиціально титулъ и выдѣляютъ его личныя вотчины отъ остальныхъ доходныхъ статей области; всѣ второстепенные чиновники переводятся на жалованье и на выдачи, назначаемыя и контролируемыя прямо изъ центра.

Правительство преобразуетъ на широкихъ началахъ свое центральное финансовое и податное вѣдомство. Для регистраціи тѣхъ натуральныхъ оброковъ, которые намѣстникъ обязанъ былъ отсылать въ «царскій домъ», у визиря имѣлись списки всего населенія Египта. Эти списки составлялись путемъ правильнаго статистическаго опроса, причемъ глава каждой семьи, занумерованный въ регистрахъ, обязанъ былъ подъ присягой показать личный составъ хозяйства, домочадцевъ и слугъ. Счисленія имѣли цѣлью регулировать установленіе податей и взысканіе другихъ повинностей населенія, напр., призыва въ ополченіе. Въ административномъ отношеніи Египетъ былъ раздѣленъ на три части со своеобразными названіями, сводящимися на исконное дѣленіе сѣвера и юга: Дельта осталась «сѣверной землей»; долина Нила распалась на собственно «югъ» (Средній Египетъ) и «голову юга» (Верхній Египетъ, совпадающій съ ѳиванскимъ княжествомъ до объединенія Египта ѳиванцами). Для финансовой администраціи ѳиванскихъ фараоновъ характерна слѣдующая мѣра. Аменемхетъ III приказалъ начальнику крѣпости Семнехъ, у второго катаракта въ Нубіи, отмѣчать на скалѣ уровень Нила во время наводненій; черезъ нѣсколько лѣтъ на скалѣ получился Ниломѣръ, отчетливо сохранившійся до нашего времени (Нилъ не доходитъ теперь на 25—30 футъ до тогдашняго уровня).



Египетъ эпохи Средняго царства.

Свѣдѣнія о наибольшей высотѣ воды въ данномъ году сообщались въ центральное вѣдомство, гдѣ предположительно вычисляли предстоящій урожай и сообразно устанавливали размѣръ обложенія.

Вмѣстѣ съ возстановленіемъ централизаціи, возвращается и прежняя терминологія, возвеличивающая царскую власть. Одинъ изъ сановниковъ, служившихъ при Аменемхетѣ III, велѣлъ выгравировать на своей могильной плитѣ поученіе къ дѣтямъ, въ качествѣ «вѣчнаго правила новой жизни». Онъ пишетъ здѣсь: «хвалите въ груди своей царя, прославляйте его въ сердцѣ своемъ; ибо онъ богъ мудрости, глаза котораго проникаютъ въ сердце каждаго, сіяющій Ре, который болѣе, чѣмъ солнце, освѣщаетъ Египетъ, болѣе, чѣмъ Нилъ, даетъ странѣ благоденствіе, онъ—богъ Хнуму, который создаетъ людей, охраняетъ своихъ почитателей, какъ богиня Бастетъ, и уничтожаетъ непослушныхъ, какъ богиня Сехметъ».

Египетъ и азіатскія области. Сила объединеннаго и расширеннаго государства выражается также въ возобновленіи притязаній на сосѣднія страны.

У насъ любопытный документъ, относящійся къ эпохѣ Сезостриса I и рисующій культурныя отношенія Египта къ Палестинѣ: одинъ изъ крупныхъ магнатовъ египетскихъ, Синухэ, бѣжавшій, при извѣстіи о смерти Аменемхета I, за границу Египта на востокѣ, разсказываетъ о своихъ приключеніяхъ въ Азіи. Онъ переходилъ отъ одного шейха къ другому, добрался до Библа на финикійскомъ берегу, вездѣ его хорошо принимали. Одинъ изъ князей горной Палестины, Амми-Энши, при дворѣ котораго проживало много египтянъ, убѣждалъ Синухэ остаться у него: «тебѣ будетъ хорошо у меня и ты услышишь египетскій языкъ». Синухэ обратно склоняетъ князя подчиниться фараону: «истинно, онъ благодѣтельствуетъ странѣ, которая ему предана». Но Амми-Энши не хочетъ и слышать объ этомъ, дѣлаетъ Синухэ своимъ зятемъ и выдаетъ ему богатую страну Яа. «Тамъ были смоквы и виноградъ, и больше вина, чѣмъ воды. Богатъ былъ медъ этой страны и много масла, всякаго рода плоды на деревьяхъ... у меня было вареное мясо и жареные гуси, дичь изъ пустыни, которую ловили для меня въ западняхъ... кромѣ той, которую загоняли мои охотничьи собаки... Всякій, кто былъ посланъ (изъ Египта) и направлялся на сѣверъ или на югъ ко двору, останавливался у меня; я давалъ пріютъ всѣмъ... Когда бедуины собирались войной, я участвовалъ въ обсужденіи похода, такъ какъ князь долгіе годы назначалъ меня предводителемъ своихъ воиновъ».

Тоска по родинѣ однако никогда не покидала Синухэ, его сталъ усердно звать новый фараонъ, и, наконецъ, онъ возвратился съ поче-

томъ домой. Его исторія показываетъ, какъ далеко распространялось въ Азіи вліяніе египтянъ. Въ свою очередь, по картинкамъ въ Бени-хасанѣ (въ Среднемъ Египтѣ), изображающимъ цѣлое переселеніе внутрь страны инородцевъ азіатскаго типа (похожихъ на израильтянъ) съ женами, дѣтьми, стадами и товарами, видно, что номады тянулись въ Нильскую долину, вели съ нею оживленную торговлю или состояли ея данниками. Но Палестина не была провинціей Египта; она была раздроблена между мелкими владѣтелями, которые, хотя и не признавали фараона своимъ сюзереномъ, но очень желали пользоваться его помощью противъ бедуиновъ, нападавшихъ со стороны пустыни. Такое положеніе вещей продолжалось до тѣхъ поръ, пока не собрался въ большой азіатскій походъ воинственный Сезострисъ III. Фараонъ дошелъ до города Секмемъ, заставилъ его сдаться, и вернулся съ тріумфомъ домой (Секмемъ объясняютъ, какъ Сихемъ, извѣстный потомъ центръ Израиля).

Общій характеръ культуры Средняго царства. При сравненіи быта Ѳиванской имперіи съ предшествующимъ бытомъ Мемфійской эпохи получается прежде всего впечатлѣніе, что страна стала населеннѣе, культура интенсивнѣе. Въ эпоху Древняго царства главное питаніе доставляла Дельта, весь почти высшій классъ сидѣлъ сосредоточенно у входа къ житницѣ Египта, мѣстная жизнь въ долинѣ Нила была развита слабо. Время удѣльнаго раздробленія было напротивъ благопріятно для расцвѣта новыхъ центровъ, разбросанныхъ по Нильской долинѣ: около мѣстныхъ княжескихъ дворовъ возникали промышленные и торговые города. Одинъ изъ этихъ городовъ, Ѳивы, въ сущности лежавшій на окраинѣ, доросъ до размѣровъ столицы, превзошелъ старую резиденцію, Мемфисъ. Повидимому, очень сильно увеличилось общее населеніе страны. Это можно заключить изъ настойчиваго стремленія объединителей 12-ой династіи увеличить территорію культурной земли и расширить кругъ питанія. Въ результатѣ Египетъ раздвигается далеко за прежніе свои предѣлы: вверхъ по рѣкѣ египтяне завоевываютъ узкую ленту нубійской долины, въ серединѣ разрабатываютъ западные оазы, особенно Файюмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются и пріобрѣтаютъ болѣе правильный характеръ торговыя сношенія съ восточной Африкой, съ ближней Азіей и съ сѣверными заморскими странами.

Успѣхи Средняго царства составляютъ результатъ организаціи новаго богатства, развившагося въ эпоху раздробленія и увеличеннаго крупными предпріятіями новыхъ объединителей. Конецъ ѳиванской державы (въ XVIII столѣтія до Р. Х.) былъ въ свою очередь результатомъ катастрофы, получившейся отъ крупныхъ передвиженій въ ближнихъ областяхъ Азіи и отъ возникновенія въ Сиріи и западной Аравіи большой полуномадной имперіи хиксовъ.

4. Царство Сумеро-Аккадское и царство Вавилонское.

(приблизительно отъ 2800 или 2500 до 1800 г.)

Двурѣчье въ 3-емъ тысячелѣтіи до Р. Х. Исторія Евфратской равнины въ эпоху, современную египетскимъ Древнему и Среднему царствамъ, представляетъ нѣкоторое сходство съ судьбами Нильской долины. За моментомъ централизаціи при аккадскихъ царяхъ Саргонѣ и Нарамсинѣ, слѣдуетъ распаденіе, выдвигаются мѣстные центры, управляемые самостоятельными и полузависимыми владѣтелями (патеси), потомъ опять наступаетъ объединеніе (при первой вавилонской династіи, къ которой принадлежитъ знаменитый Хаммураби, въ концѣ 3-яго тысячелѣтія).

Важное отличіе исторіи Двурѣчья, однако, состоитъ въ томъ, что моменты объединеній были коротки, а періоды раздробленнаго состоянія продолжительны. Объединеніе не удавалось или скоро разстраивалось потому, что равнина нижняго Евфрата и Тигра постоянно служила предметомъ спора между конкурентами, приблизительно равными по силамъ. Претенденты съ востока, *эламиты*, легко захватывали преобладаніе въ близкой къ нимъ южной части плодородной полосы, гдѣ лежали старые города, Уръ, Лагашъ, Ларса; претенденты съ сѣверо-запада, *семиты*, спускаясь по теченію рѣкъ, напротивъ, скорѣе овладѣвали сѣверной частью аллювіальной области съ городами Вавилономъ, Сиппаръ и др. У послѣднихъ все таки было больше данныхъ для объединенія всего Двурѣчья (т.-е. Сенаара и приморской полосы, вмѣстѣ съ Месопотаміей и Ассиріей), потому что семитскіе вожди имѣли опору въ многочисленныхъ племенныхъ силахъ номадовъ, изъ среды которыхъ они сами выходили.

Всякій разъ объединеніе Двурѣчья сопровождалось движеніемъ завоевателей на западъ вверхъ по Евфрату къ Средиземному морю и на захватъ Сиріи. Составлялась какъ бы соединенная держава изъ всѣхъ номадныхъ группъ, облегавшихъ полукружіемъ большую си-

рійско-аравійскую пустыню. Владыки Двурѣчья обезпечивали себѣ покойное обладаніе житницей Передней Азіи, усмиряя не осѣвшія еще западныя племена или нанимая ихъ на свою службу: надо полагать, что военные ленники Хаммураби, главная опора царской власти, для которыхъ въ его Судебникѣ имѣется опредѣленный уставъ, были по большей части пришлые, не туземные люди. Еще другой важной цѣли достигали объединители. Добираясь до берега Сиріи и Финикіи, они открывали на всемъ протяженіи большую торговую дорогу между Средиземнымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливалось сообщеніе черезъ Сирію между двумя культурными странами, Двурѣчьемъ и Египтомъ. Города, расположенные по Евфрату, особенно Вавилонъ, находящійся на мѣстѣ наибольшаго приближенія къ Тигру, который въ свою очередь притягиваетъ восточныя страны, дѣлались складочными пунктами и транзитными перекрестками для товаровъ огромнаго круга. Обширная и разносторонняя торговля, разъ утвердившись въ большомъ объединенномъ государствѣ, не ослабѣвала и потомъ въ періоды раздробленія. Благодаря этому Вавилонъ, хотя и перестаетъ быть политической столицей черезъ сто лѣтъ послѣ объединителя Хаммураби, но остается великимъ центромъ обмѣна и умственной культуры.

Аккадскіе объединители. Саргонъ и его сынъ Нарамсинъ (хронологическія опредѣленія ихъ царствованій колеблются между 2800 и 2500 гг. до Р. Х.) установили строй, напоминающій египетскую бюрократію Древняго царства (по времени они приблизительно совпадаютъ съ 4-ой и 5-ой династіями). Саргонъ раздаетъ своимъ слугамъ населенныя земли; онъ назначаетъ, подъ старымъ теократическимъ титуломъ патеси, намѣстниковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ характерное обозначеніе «писцовъ», т.-е. технически образованныхъ чиновниковъ. Саргонъ и еще болѣе его сынъ, Нарамсинъ, выписываютъ издалека особенно прочные и красивые сорта дерева и камня для своихъ большихъ дворцовыхъ сооруженій, для изображенія собственной подлежащей обоготворенію личности. Саргонъ вывозитъ кедры Ливана и эксплуатируетъ каменоломни Сиріи, Нарамсинъ получаетъ крѣпкій діоритъ и красный порфиръ изъ странъ Маханъ и Мелуха (повидимому, то и другое, области Аравіи, первая, можетъ быть, у Персидскаго залива, вторая у Аравійскаго).

Опираясь на военныя силы, можетъ быть, главнымъ образомъ наемныя, собранныя Саргономъ, его сынъ Нарамсинъ держится очень увѣренно: Саргонъ звался еще «царемъ Аккада»; Нарамсинъ уже принимаетъ титулъ «царя четырехъ странъ свѣта (шаръ кибратимъ арбаимъ). Онъ ставитъ передъ своимъ именемъ символъ божества, изображается

съ божьимъ атрибутомъ въ видѣ двухъ рогъ на шлемѣ, зовется «богомъ Аккада».

Чрезвычайно выразительна рельефная картина, изображающая побѣду Нарамсина надъ врагами (въ числѣ другихъ достопримѣчательностей она была потомъ похищена эламитами и открыта въ новѣйшее время въ Сузѣ, вмѣстѣ съ кодексомъ Хаммураби). Царь поднимается со своимъ побѣдоноснымъ войскомъ на горныя высоты; разгромленные враги одни повержены во прахъ, другіе, обезумѣвши отъ ужаса, молятъ о пощадѣ, ломаютъ въ отчаяніи копья; царь въ видѣ необыкновеннаго существа вдвое выше ростомъ своихъ воиновъ, стоя наверху горнаго перевала, у подножья горной вершины, господствуетъ надъ всѣмъ окружающимъ.

Такъ же, какъ фараоны, аккадскій царь ищетъ союза съ богами, одаряетъ храмы и строитъ большія святилища. Особенно заботится Нарамсинъ о возвеличеніи стариннаго ниппурскаго бога, Эллиля. Онъ расширяетъ «горный домъ» (зиккуратъ) бога, изстари вѣнчавшаго царей; получается колоссальная постройка, по архитектурнымъ формамъ похожая на пирамиды (особенно на уступообразную Саккарскую царя Зосера). На кирпичахъ, изъ которыхъ сложенъ большой ниппурскій зиккуратъ, всюду штемпель съ именемъ царя; изъ этого дѣлаютъ заключеніе, что матеріалъ готовился на царскихъ заводахъ.

Раздробленіе нижнеевфратскаго государства. Послѣ Нарамсина большая держава, имѣвшая центръ въ сѣверной Вавилоніи, распадается. Но вліяніе ея завоеваній и заведенныхъ ею торговыхъ сношеній, чувствуется всюду. Особенно это видно на дѣятельности патеси Гудеа лагашскаго (около середины 3-яго тысячелѣтія), извѣстной намъ по многочисленнымъ надписямъ, которыя открыты раскопками въ Телло (на Шатъ-эль-Хай, составляющемъ старинное русло Тигра).

Гудеа не называетъ нигдѣ своего отца; онъ, очевидно, первый правитель этого имени, надо полагать, назначенный въ Лагашъ патеси. Въ то же время онъ не упоминаетъ о какомъ-либо суверенѣ надъ собою, какъ будто онъ вполнѣ самостоятельный князь. Повидимому, послѣ Нарамсина въ нижнемъ Двурѣчьи наступили порядки, похожіе на такъ наз. египетскій феодализмъ. Гудеа былъ, вѣроятно, однимъ изъ крупныхъ сеньеровъ, происшедшихъ изъ среды бюрократіи и отдѣлившихся отъ центра и отъ главнаго государя.

Въ заявленіяхъ Гудеа мы встрѣчаемъ мотивы, знакомые по надписямъ египетскихъ князей времени раздробленія. Считая «своимъ царемъ» бога-покровителя Лагаша, Нингирсу, Гудеа объявляетъ, что богъ «избралъ его законнымъ пастыремъ страны». Управленіе его такъ хорошо, что «богатый не притѣсняетъ бѣднаго, сильный не обижаетъ

слабаго». Гудеа особенно почтилъ божественнаго патрона своего владѣнія, расширилъ и изукрасилъ его храмъ. Подробно разсказываетъ онъ о празднествѣ освященія новаго храма Нингирсу, при чемъ мы узнаемъ о любопытныхъ обычаяхъ, соблюдаемыхъ во время священныхъ праздничныхъ дней: всѣ работы пріостанавливаются, всѣ отличія ранга и званія отмѣняются, ни одинъ рабъ не подлежитъ наказанію, замолкаетъ судъ, ни одинъ покойникъ не можетъ быть похороненъ.

Гудеа сообщаетъ намъ, откуда онъ получалъ матеріалъ для своихъ построекъ: кедры изъ сѣверной Сиріи, камень изъ Аравіи и т. п. «Нингирсу открылъ мнѣ пути отъ моря верхняго (Средиземнаго) къ нижнему (Персидскому)». Гудеа называетъ пути, открытые для торговли со времени завоеваній Саргона и Нарамсина, и перечисляетъ страны, захваченныя ими. Хотя завоеванія потеряны, но торговыя связи остались: Гудеа имѣетъ возможность закупить дальніе товары, между прочимъ тяжелый и громоздкій строительный матеріалъ, и выписать ихъ къ себѣ, при чемъ иное идетъ караваннымъ путемъ черезъ пустыню, иное по рѣкѣ, а часть продуктовъ моремъ (можетъ быть, даже далекимъ объѣздомъ кругомъ всего Аравійскаго полуострова, если Мелуха означаетъ сѣверо-западную Аравію).

Очевидно, торговля, центромъ которой сдѣлалось нижнее Двурѣчье, нисколько не пострадала отъ политическаго раздробленія страны. Можетъ быть, напротивъ, развитіе мѣстной жизни оказалось выгоднымъ для товарнаго обмѣна. Во всякомъ случаѣ, для сосѣда-завоевателя являлась новая приманка: большая дельта двухъ рѣкъ была теперь не только страной обильнѣйшихъ полевыхъ и садовыхъ урожаевъ, но также мѣстомъ скопленія цѣнной движимости, особенно при большихъ городскихъ храмахъ.

Въ качествѣ претендентовъ на эти богатства выступаютъ съ юго-востока *эламиты*, съ сѣверо-запада *амориты*, т.-е. новая волна семитской номадной иммиграціи, уже наводнившая западныя области, Палестину и Сирію, и теперь приближавшаяся внизъ по Евфрату къ нижнему Двурѣчью.

Сумерская реакція. Прежде чѣмъ успѣли эти чужія народности вступить въ богатую культурную страну Двурѣчья, еще разъ мѣстная династія объединила весь большой оазъ, простирающійся отъ сближенія обѣихъ рѣкъ у Вавилона и до моря. Эта династія происходила изъ старо-сумерскаго города *Уръ* и съ нею вмѣстѣ опять оживаетъ сумерскій языкъ, появляясь въ надписяхъ. Царь Уренгуръ называетъ себя владыкой «Сумера и Аккада», т.-е. государства, объединеннаго изъ двухъ половинъ, южной и сѣверной; но сумерскій югъ явно преобладаетъ, сѣверъ занимаетъ второе мѣсто: новые объединители отличаются

этимъ отъ Саргона и Нарамсина. Сынъ Уренгура Дунги выказалъ много заботы о приморскомъ городѣ Эриду съ его культомъ бога Эа и въ то же время разграбилъ сокровища Вавилона.

Урскіе цари-объединители такъ же, какъ египетскіе фараоны Средняго царства, подчинили себѣ мѣстныхъ сеньеровъ, обратили ихъ въ назначаемыхъ и смѣняемыхъ чиновниковъ и возстановили бюрократію. Послѣ ряда внѣшнихъ успѣховъ, Дунги опять принимаетъ блистательные и гордые титулы Нарамсина. Онъ зовется «мощнымъ воителемъ, царемъ четырехъ частей свѣта», строитъ себѣ, какъ богу, храмъ, приставляетъ къ нему священника съ титуломъ патеси и называетъ своимъ священнымъ именемъ одинъ изъ мѣсяцевъ.

Царь имѣетъ возможность нанять крупные отряды наемниковъ, между прочимъ изъ среды тѣхъ самыхъ аморитовъ, которые тѣснятъ культурную полосу Двурѣчья съ сѣвера. Новые походы опять расширяютъ державу. Дунги покоряетъ прилегающія культурныя полосы, Месопотамію на сѣверѣ, Эламъ на востокѣ. Видно, однако, что напоръ степняковъ съ сѣвера становится все сильнѣе. Преемники Дунги загораживаютъ большой стѣной доступъ къ богатому земледѣльческому краю и къ центрамъ торговли. Эта защитительная линія, проходившая гдѣ-то къ сѣверу отъ Вавилона, похожа на крѣпостной валъ, которымъ египтяне отгородились на Суэцкомъ перешейкѣ отъ азіатскихъ номадовъ.

Эламиты и амориты въ нижнемъ Двурѣчьи. Урская династія, объединившая державу Сумера и Аккада, просуществовала немного болѣе столѣтія. Она рушилась подъ давленіемъ двухъ враговъ, напиравшихъ съ юга и съ сѣвера, эламитовъ и аморитовъ. Эламскій царь Кудурнахунди прошелъ опустошительной грозой по всему югу, разграбилъ храмы и унесъ изъ ризницъ богатую добычу. Впечатлѣніе отъ этого похода было необычайно сильно и осталось прочно въ памяти. Позднѣйшій ассирійскій царь Ассурбанипалъ, взявшій въ 645 г. до Р. Х. столицу Элама, Сузу, разсказываетъ, что разыскалъ здѣсь статую богини Нанаи-Иштаръ и возвратилъ ее городу Урукъ, откуда Кудурнахунди похитилъ ее за 1635 лѣтъ до того.

Если вѣрить этому вычисленію, нашествіе Кудурнахунди приходится на 2280 г. Оно и нанесло, вѣроятно, рѣшительный ударъ урскому царству; послѣдній царь урской династіи умеръ въ эламскомъ плѣну. Политическимъ центромъ нижняго Двурѣчья становится другой южный городъ *Исинъ* (до сихъ поръ неизвѣстенъ курганъ, покрывающій развалины этого города). Цари исинскіе по своимъ именамъ рѣзко отличаются отъ урскихъ: составною частью царскаго имени является всякій разъ обозначеніе семитскихъ божествъ (Ишме-даганъ,

Либит-иштаръ). Можно предположить, что эти династіи вышли изъ среды напиравшей съ сѣвера воинственной громады аморитовъ; основатель династіи могъ быть начальникомъ наемныхъ аморитскихъ отрядовъ, оттѣснившимъ старую династію урскихъ царей, при которой раньше служилъ.

Исинское царство составляло лишь небольшую часть урскаго. Отъ него отдѣлились Эламъ и Месопотамія. Но даже и не все нижнее Двурѣчье осталось въ рукахъ исинской династіи; на крайнемъ югѣ въ приморскомъ краѣ утвердились самостоятельные цари, центромъ которыхъ сдѣлался городъ *Ларса*. Тѣ и другіе, исинскіе и ларсанскіе цари заявляли одинаковыя притязанія и назывались одинаково владыками «Сумера и Аккада».

Въ сущности обладаніе аллювіальной полосой оспаривалось двумя врагами, сѣвернымъ и южнымъ, которые придвигались все ближе другъ къ другу. Если въ исинскихъ царяхъ можно видѣть какъ бы передовую группу неудержимо надвигавшихся съ сѣвера аморитскихъ племенъ, то Ларса скоро была тоже захвачена эламитами, прикончившими мѣстную династію. Между тѣмъ какъ эламиты подвигаются выше по Евфрату, занимаютъ Урукъ и самый Исинъ, въ сѣверной части Сенаара исинскую династію смѣняютъ новые вожди аморитства. Впервые получаетъ значеніе политическаго центра городъ бога Мардука, Вавилонъ, гдѣ утвердились эти уже несомнѣнные представители аморитскаго племени; ихъ династія называется *первой вавилонской*.

Вавилонское царство сначала было невелико. На сѣверѣ недалеко отъ Вавилона городъ Сиппаръ не подчинялся ему; югъ былъ въ рукахъ эламитовъ. Повидимому, былъ моментъ, когда эламиты составляли самую грозную силу Передней Азіи. Этотъ моментъ закрѣпленъ крайне любопытнымъ разсказомъ въ 14 главѣ ветхозавѣтной книги Бытія, вставленнымъ неожиданно и безъ всякой связи въ исторію Авраама и заимствованнымъ, повидимому, изъ старинной вавилонской хроники. Согласно разсказу Библіи, родоначальникъ еврейскаго народа, въ качествѣ представителя Запада, принимаетъ участіе въ отраженіи врага, носящаго вполнѣ историческое, чисто эламское имя Кедорлаомера. Эламскій царь, заставивъ повиноваться себѣ вавилонскаго царя Амрафеля, проходитъ разрушительнымъ нашествіемъ въ Палестину и достигаетъ Средиземнаго моря. Въ Амрафелѣ ученые ассиріологи признаютъ никого иного, какъ знаменитаго Хаммураби вавилонскаго. Факты сходятся: вавилонская династія въ началѣ была гораздо слабѣе, чѣмъ эламская, и Хаммураби могъ быть одно время даже вассаломъ эламита. Этотъ эламскій царь съ характернымъ начальнымъ именемъ Кедора или Кудура, повторилъ со своими

войсками, наемниками и вассалами путь Саргона къ прибрежнымъ странамъ запада, забралъ сразу большую добычу съ торговыхъ рынковъ Сиріи и Палестины и соединилъ такимъ образомъ въ одномъ большомъ захватѣ выгоды многолѣтнихъ торговыхъ сношеній.

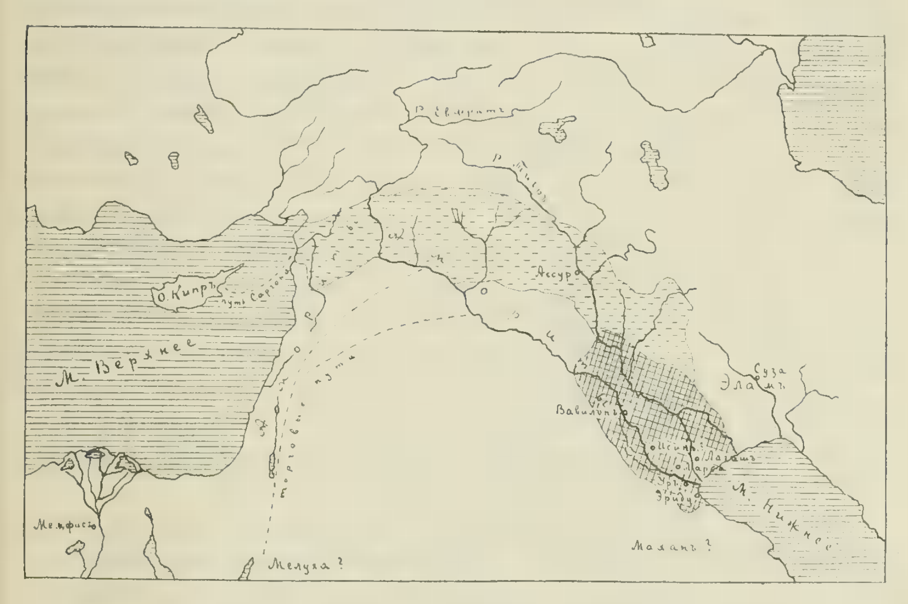
Не совсѣмъ сходятся въ этой исторіи только имена. Вавилонскіе источники не знаютъ вовсе Кедорлаомера; противникомъ Хаммураби является сильный ларсанскій царь Римсинъ, эламитъ, принявшій семитское имя. Этотъ Римсинъ сначала распоряжается полновластно въ нижнемъ Двурѣчьи. Очевидно, добившись санкціи въ Ниппурскомъ святилищѣ, онъ провозглашаетъ себя «пастыремъ всей земли Ниппура». Предшественникъ Хаммураби, вавилонскій царь Синмубалитъ вынужденъ былъ признать верховенство Римсина.

Вавилонская имперія Хаммураби. При Хаммураби (хронологическія опредѣленія его царствованія колеблются между 2200 и 1950 гг. до Р. Х.) положеніе мѣняется. Сѣверъ беретъ перевѣсъ надъ югомъ. Это усиленіе вавилонской династіи—результатъ новаго притока воинственныхъ аморитовъ. Амориты теперь уже не наемники, а господа страны. Ихъ вождь—носитель высшей власти. Хаммураби изображается съ типичными чертами аморита: вся повадка, волосы на головѣ, костюмъ воспроизводятъ наружность степняковъ и не только отличаютъ его отъ старо-сумерскаго типа, но и отъ прежняго семитскаго, какимъ мы его знаемъ по изображеніямъ аккадскихъ царей, напр., Нарамсина. По всему видно, что преобладаніе получила новая свѣжая группа завоевателей, еще не успѣвшая слиться съ туземцами и даже не вполнѣ акклиматизованная въ странѣ.

Новѣйшіе историки любятъ сравнивать захватъ стараго культурнаго Двурѣчья варварами-аморитами съ установленіемъ господства германцевъ въ западной римской имперіи. Если это сравненіе проводить въ деталяхъ, то исинская династія напоминаетъ раннихъ германцевъ въ имперіи, напр., готовъ, а вавилонская болѣе позднихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе сильныхъ и болѣе упрочившихся въ имперіи, въ родѣ франковъ, и даже еще точнѣе Каролинговъ, особенно Карла Великаго съ его попыткой реставрировать имперію, выработать великое стройное законодательство и т. д.—все такими чертами, которыя имѣются въ дѣятельности Хаммураби.

Хаммураби, въ началѣ ограниченный территоріей Вавилона, постепенно подвигается на югъ и отвоевываетъ у Римсина одинъ городъ за другимъ по Евфрату. Одновременно забираетъ Хаммураби области по Тигру, выстраиваетъ здѣсь крѣпости и отрѣзываетъ Римсину связи съ Эламомъ. Послѣ этихъ успѣховъ сѣверянъ, притиснутое къ морю южное государство должно имъ сдаться. Объединеніе всего Сенаара

выражается въ принятіи Хаммураби титула, который носилъ Нарамсинъ: «царь четырехъ частей свѣта». Опять сосредоточеніе рессурсовъ богатой страны въ однѣхъ рукахъ даетъ возможность распространить вліяніе на сѣверныя страны: Хаммураби властвуетъ надъ землями, лежащими по среднему теченію большихъ рѣкъ: Месопотаміей и Ассиріей. Можетъ быть, авторитетъ его распространялся и на западную окраину пустыни, на прибрежныя страны у Средиземнаго моря. Но этого не видно по дошедшимъ до насъ документамъ. Повидимому,



Царство Вавилонское и кругъ его вліянія.

государство 1-ой вавилонской династіи было все же слабѣе, чѣмъ держава аккадійцевъ Саргона и Нарамсина. За тѣ 500 лѣтъ, которыя отдѣляютъ вавилонское государство отъ аккадійскаго, въ Сиріи, Палестинѣ и Финикіи успѣли образоваться самостоятельныя общины и княжества; степняки, прежде только тревожившіе набѣгами культурные оазы, осѣли въ нихъ теперь въ качествѣ постоянной военной силы и съ успѣхомъ отстаивали источники своего новаго быта и благосостоянія отъ постороннихъ завоевателей, будь это египтяне или семиты Двурѣчья.

По внутреннему строенію вавилонская новосемитская держава также отличается отъ аккадійской, старосемитской. Тогда сѣверъ еще не имѣлъ настоящаго перевѣса надъ югомъ, потому и наступила слѣ-

домъ за Парамешюмъ сумерская реакція. Теперь сѣверъ наполнился новыми воинственными элементами, а югъ, съ другой стороны, былъ истощенъ непрерывными нашествіями. Разореніе юга достигло, вѣроятно, такихъ размѣровъ, что землевладѣльцы не могли болѣе поддерживать плотины и каналы, необходимые для правильнаго орошенія полей. При Хаммураби явно роль главной житницы края переходитъ къ сѣверной части Сенаара; это видно уже изъ того, что здѣсь были предприняты грандіозныя инженерныя работы по устройству искусственнаго орошенія, (напр., большой «царскій каналъ», проведенный при Хаммураби). Въ связи съ поднятіемъ производительности сѣверной части аллювіальнаго края находится *возвышеніе Вавилона*. Расположенный очень выгодно въ смыслѣ скрещенія торговыхъ путей, на сближеніи Евфрата съ Тигромъ, недалеко отъ важнаго прохода, ведущаго съ Иранскаго плоскогорія, а на другой сторонѣ въ концѣ караваннаго пути черезъ пустыню, Вавилонъ становится съ этого времени крупнѣйшимъ рыночнымъ, культурнымъ и административнымъ центромъ всего края. Напротивъ, южные города, Уръ, Урукъ, Ларса, Эриду, Лагашъ, приходятъ въ упадокъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., Лагашѣ, который такъ выдавался за 400 лѣтъ до того, судя по надписямъ и памятникамъ патеси Гудеа,—мы болѣе уже ничего не услышимъ. Можетъ быть, тогда же началось запустѣніе южной части Сенаара, въ среду большого культурнаго оаза ворвались пески пустыни, а рѣки, не регулируемыя болѣе плотинами и каналами, образовали въ низинахъ болота стоячей воды.

Въ связи съ упадкомъ юга стоитъ полное исчезновеніе сумерскаго элемента. Старая народность, властвовавшая здѣсь, передавшая семитамъ свою технику, свое графическое искусство и свою учено-религіозную литературу, вымерла или поглотилась новыми пришельцами. Многіе тексты эпохи Хаммураби составлены на двухъ языкахъ, сумерскомъ и семитскомъ, но первый изъ нихъ явно сдѣлался мертвымъ, книжнымъ языкомъ, какъ латынь въ Средніе вѣка въ Европѣ.

Общія черты управленія вавилонскаго государства. Благодаря счастливой находкѣ, сдѣланной де Морганомъ въ Сузѣ и доставившей европейскимъ ученымъ оригинальный текстъ сборника законовъ царя Хаммураби, мы можемъ нарисовать себѣ необыкновенно отчетливо культурныя условія и право Вавилоніи въ концѣ 3-го тысячелѣтія до Р. Х. Кромѣ этого кодекса Хаммураби дошло еще много документовъ въ видѣ административной переписки царя съ чиновниками, позволяющихъ дополнить данныя, которыя мы можемъ извлечь изъ стариннаго вавилонскаго Судебника. То и другое вмѣстѣ даетъ предста-

вленіе о сложномъ государственномъ механизмѣ, направители котораго вмѣшиваются во всѣ отношенія жизни и не только устанавливаютъ нормы права и веденіе судебнаго процесса, но также регулируютъ обмѣнъ, условія аренды земли, опредѣляютъ заработную плату и т. д. Количество лицъ, находящихся на постоянной службѣ различныхъ агентовъ правительства необыкновенно велико. Этотъ характеръ права и государства не есть что-нибудь новое для времени Хаммураби. Механизмъ дѣйствуетъ давно; между предшественниками Хаммураби есть нѣсколько правителей, которые уже занимались составленіемъ собранія законовъ и правительственныхъ инструкцій; Хаммураби, вѣроятно, лишь послѣдній кодификаторъ и редакторъ давно выработавшагося права. Его обширная переписка также показываетъ, что бюрократическая практика налажена, центральныя канцеляріи дѣйствуютъ съ увѣренностью, свидѣтельствующей о старинной школѣ, всюду на мѣстахъ правительственная власть располагаетъ большимъ персоналомъ агентовъ.

Всѣ эти столь характерныя для эпохи Хаммураби учрежденія стали вырабатываться, по крайней мѣрѣ, со времени перваго объединенія Двурѣчья при Саргонѣ и Нарамсинѣ, когда были заведены обширныя торговыя сношенія съ западными странами, когда цари стали нанимать большую военную силу, что̀ въ свою очередь было невозможно безъ финансовой организаціи и слѣд., безъ выработки сложной административной сѣти. Въ эпоху раздробленія и появленія новыхъ завоевательныхъ силъ эта система управленія не должна была разстроиться. Весь механизмъ продолжалъ дѣйствовать въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ: только суверенитетъ разбился между нѣсколькими патеси. Когда появлялся новый объединитель въ лицѣ мѣстнаго сумерскаго вождя или пришлаго эламскаго и новосемитскаго, онъ безъ труда опять довершалъ верхушку бюрократической пирамиды и стягивалъ вмѣстѣ главныя нити, служившія проводами къ большимъ административнымъ округамъ.

Это дѣлалось тѣмъ легче, что въ областяхъ и городахъ, повидимому, совершенно не существовало самоуправленія. По крайней мѣрѣ, при чтеніи текста Судебника и административной переписки царя Хаммураби мы не видимъ никакихъ слѣдовъ участія въ управленіи или въ судѣ выборныхъ людей, старостъ или довѣренныхъ отъ населенія. Не видно также, чтобы негоціанты, отправляющіеся въ чужія страны, составляли компаніи или товарищества, или, по крайней мѣрѣ, законъ не знаетъ такихъ ассоціацій; онъ признаетъ только индивидуальныя обязательства отдѣльныхъ купцовъ; и притомъ, въ сдѣлкахъ и контрактахъ, заключенныхъ внутри страны, кредиторами и

контрагентами торговцевъ выступаютъ представители правительственныхъ бюро. Судя по законодательству Хаммураби, нѣтъ также частной инициативы и въ другихъ предпріятіяхъ, нѣтъ свободнаго соглашенія между заказчикомъ и мастеромъ, между хозяиномъ и рабочимъ; всюду установлены подробныя таксы цѣнъ на предметы и на заработокъ; для вычисленія убытковъ существуютъ размѣренныя лѣстницы цифръ. Можно было бы сказать, что господствующій тонъ Судебника, это—матеріальная расцѣнка правонарушеній и точная таксація правополученій.

Если нигдѣ не слышно голоса общества, то нѣтъ никакихъ выговоренныхъ гарантій и у чиновничества; нѣтъ ничего похожаго на средневѣковыя феодальныя хартіи. Бюрократія подчинена безусловно своему верховному главѣ; господствуетъ ничѣмъ не ограниченный абсолютизмъ. Государственно-правовыя понятія самодержавнаго правительства съ необычайной выразительностью выступаютъ передъ нами въ одномъ единственномъ, но чрезвычайно цѣнномъ параграфѣ (109): «если въ домѣ, содержимомъ трактирщицей, собираются заговорщики, и эти заговорщики не будутъ схвачены и выданы двору царскому, то трактирщица подлежитъ смерти».

Здѣсь все характерно: и безпощадная исключительность грознаго предписанія и отвѣтственность посторонняго лица за то, чтó считается приготовленіемъ къ государственному преступленію, и наконецъ абсолютная нетерпимость къ соединеніямъ какого бы то ни было характера: власть не дѣлаетъ никакого различенія въ данномъ случаѣ, всякая коалиція признается преступной сама по себѣ. Подъ понятіе преступнаго заговора, надо думать, подходило всякое сектантское соединеніе, судя по тому, что царь не допускалъ ни малѣйшей самостоятельности въ духовныхъ дѣлахъ, распоряжаясь здѣсь, какъ безусловный суверенъ.

Царская власть, бюрократія и общество. Вавилонскій абсолютизмъ отличается вполнѣ *свѣтскимъ* характеромъ. Правда, на камнѣ, гдѣ написанъ законъ, сверху изображенъ богъ Шамашъ (солнце), какъ законодатель, а передъ нимъ царь Хаммураби, внимающій богу, лишь въ качествѣ посредника при передачѣ и возвѣщеніи закона народу. Но эта картина похожа скорѣе всего на внѣшнее украшеніе. Во вступленіи къ Судебнику Хаммураби объявляетъ себя равнымъ богамъ: когда великій богъ (Ану)... и Белъ, владыка неба и земли... отдалъ первенцу Мардуку... господство надъ человѣчествомъ... и впервые было выговорено возвышенное имя Вавилона... и въ немъ были положены основы вѣчнаго царства, подобно небу и землѣ, тогда боги Ану и Белъ произнесли мое имя, чтобы осчастливить людей, имя Хаммураби, великаго государя, богобоязненнаго, (призваннаго) установить право

въ странѣ, истребить дурныхъ и злыхъ, чтобы сильный не притѣснялъ слабаго, чтобы я, какъ Шамашъ, взошелъ надъ черноголовыми и освѣтилъ всю страну». Такимъ образомъ, по толкованію придворныхъ ученыхъ, имя царя было предопредѣлено при основаніи Вавилона; онъ самъ—богоподобное существо, его авторитетъ не нуждается ни въ какой высшей санкціи. Въ концѣ вступленія Хаммураби называетъ себя «царскимъ отпрыскомъ вѣчности, солнцемъ Вавилона, которое изливаетъ свѣтъ на земли Сумеръ и Аккадъ, царемъ, которому повинуются всѣ четыре страны свѣта», и т. д.

Въ полномъ соотвѣтствіи къ этой теоріи мы не видимъ при царѣ ничего похожаго на священническую корпорацію, которая бы скрѣпляла его рѣшенія или освящала его акты. О священникахъ, какъ органахъ власти, вообще ничего не слышно. Напротивъ, по административной перепискѣ царя можно судить, что онъ самовластно распоряжался въ дѣлахъ, касавшихся культа, переводилъ спѣшно изъ одного пункта въ другой изображенія боговъ и прислуживавшихъ имъ монахинь, вводилъ перемѣны въ календарѣ и т. д.

Совершенно ясно также, что всѣ владѣнія, имущества, запасы, накопленные при храмахъ, подчинены царю и надзору его чиновниковъ. Подъ внимательнымъ и неотступнымъ контролемъ особыхъ управляющихъ храмовыхъ имѣній находятся большіе склады, въ которые преимущественно поступаетъ хлѣбъ, шерсть, серебро отъ оброчныхъ и приписанныхъ къ святилищамъ людей, а также огромныя стада, изстари разведенныя при храмахъ; тѣ же чиновники наблюдаютъ за правильностью ссудъ и кредитныхъ операцій, совершаемыхъ изъ храмовыхъ имуществъ, за раздачей бѣднымъ и сиротамъ изъ храмовыхъ запасовъ и т. д.

Очень характерны тексты принесенія присяги. Иногда клянутся именемъ боговъ и царя, но иногда также ограничиваются именемъ одного царя. «Они поклялись именемъ царя Хаммураби»—значится въ одномъ документѣ. Крайне любопытно также, что Судебникъ не знаетъ вовсе преступленій противъ религіи, богохульства, кощунства; въ немъ нѣтъ никакихъ опредѣленій относительно преслѣдованія вѣдовства. Законодателя, проникнутаго исключительно свѣтскими интересами, вопросы религіозной чистоты мало занимаютъ и безпокоятъ.

Государство, въ своихъ органахъ и функціяхъ, поглотило и истребило всѣ другія соединенія, группировки и организаціи, или, по крайней мѣрѣ, отстранило, отодвинуло ихъ отъ какой-бы то ни было открытой публичной дѣятельности. Правда, слѣды прежней сословности еще видны. Есть старинные роды, связанные съ храмами, вѣроятно, потомки бывшихъ господъ, составлявшихъ корпораціи священниковъ.

Высшіе разряды этой древней аристократіи (ишакку) освобождены отъ рядовой военной повинности и несутъ лишь почетную гвардейскую службу при дворцѣ и особѣ государя; они пользуются особымъ привилегированнымъ судомъ. Но аристократія сохраняетъ только тѣнь прежняго величія. Она не имѣетъ сословной самостоятельности. Ея различные разряды подчинены царскимъ «писцамъ», которые контролируютъ получаемые съ нихъ взносы и требуемыя отъ нихъ службы. Чиновники набираются вообще не изъ аристократическихъ семей. Только судьи, получившіе подготовку въ храмовыхъ школахъ, повидимому, принадлежали къ кругу старинныхъ священническихъ фамилій.

Государство знаетъ только отдѣльную личность и семью, притомъ семью въ ея тѣсномъ видѣ; расширенной семьи, рода для законодателя не существуетъ. Между прочимъ очень замѣтно выдѣляется *самостоятельное положеніе женщины*; оно выражается и въ ея правѣ требовать развода при невѣрности мужа, и въ сохраненіи замужнею женщиной имущественныхъ правъ, и въ томъ обстоятельствѣ, что женщина можетъ выступать свидѣтельницей на судѣ, и наконецъ, въ правѣ вдовы военнаго ленника при малолѣтнемъ сынѣ управлять его земельнымъ участкомъ.

Очень большое количество лицъ находится на государственной службѣ въ самыхъ различныхъ функціяхъ, всѣ несутъ такъ или иначе различныя повинности на государя, его дворъ и его бюрократію. Получающіяся отсюда преимущества и обязанности—единственныя правовыя отличія въ средѣ свободнаго населенія.

Организація войска, налоговъ и торговли. Въ Судебникѣ Хаммураби нѣтъ статей, которыя бы касались положенія высшей бюрократіи. Но о другихъ разрядахъ служащихъ сказано весьма много, и на первомъ мѣстѣ поставлены *военные ленники*. Статьи, къ нимъ относящіяся, образуютъ какъ бы особый воинскій уставъ. Вавилонская система службы съ вознагражденіемъ, въ видѣ помѣстья или крестьянскаго участка земли, напоминаетъ западноевропейскихъ средневѣковыхъ рыцарей и министеріаловъ, византійскихъ стратіотовъ и московскихъ помѣщиковъ и однодворцевъ. Судебникъ Хаммураби различаетъ два разряда, которые приходится опредѣлить приблизительно какъ рядовыхъ солдатъ и офицеровъ. Вѣроятно, они отличались между собою размѣромъ земельныхъ участковъ, но условія ихъ службы были одинаковы. Ленникъ не могъ продавать участокъ, съ котораго служилъ, въ свою очередь земля никоимъ образомъ не могла быть у него отобрана, если онъ выполнялъ службу, напр., не могла идти на уплату выкупа за него, если онъ попалъ въ плѣнъ. Обратно, ленникъ не въ правѣ былъ покинуть свой участокъ, онъ былъ обязанъ обра-

батывать землю, иначе лишался ея. Въ случаѣ отказа отъ исполненія своей военной обязанности, побѣга съ поля сраженія или даже только выставленія вмѣсто себя замѣстителя, леннику грозила смертная казнь. Ленъ могъ быть переданъ по наслѣдству, если сынъ служащаго оказывался пригоднымъ къ службѣ; если у погибшаго ленника остался малолѣтній сынъ, замѣстительницей становилась его мать, получавшая треть помѣстья на воспитаніе сына.

Строго требуя отъ ленника выполненія службы, государство въ то же время охраняетъ его отъ всякаго насилія или злоупотребленія со стороны высшихъ чиновниковъ. Законъ грозитъ смертью тому намѣстнику или окружному начальнику, который станетъ отнимать у ленника его имущество, ограбитъ его, обратитъ въ рабство, выдастъ его путемъ судебнаго процесса въ руки магната или отниметъ у него царскіе подарки.

Помимо военныхъ ленниковъ, есть еще другіе служащіе, надѣленные землею отъ государства; между ними Судебникъ упоминаетъ завѣдующихъ кассами (*тамкары*). Въ Судебникѣ предусмотрѣна только одна сторона дѣятельности тамкаровъ: выдача съ ихъ стороны ссудъ тѣмъ торговымъ агентамъ и купцамъ, которые отправляются на окраины и въ другія страны за товарами и привозятъ ихъ въ Вавилонію. Изъ статей, которыя сюда относятся, видно, что всѣ кредитныя операціи, всѣ денежные расчеты находятся подъ строгимъ контролемъ государства. Но по административной перепискѣ видно, что тамкары имѣли главнымъ образомъ другую функцію: это были сборщики налоговъ и взносовъ, поступавшихъ въ казну и въ склады царя, и притомъ главнымъ образомъ шерстью, тканями, зерномъ и серебромъ. Тамкары завѣдовали также самими складами и кассами и благодаря этому являлись какъ бы оффиціальными банкирами и мѣнялами. Повидимому, они имѣли право давать ссуды изъ излишковъ поступленій или изъ сбереженій кассы, и въ этой формѣ правительство поощряло рискованное и затруднительное дѣло торговли съ отдаленными странами. Сама иностранная торговля выступаетъ въ видѣ полуправительственнаго предпріятія. Она—точно продолженіе большого транспорта и движенія доходовъ и полученій центральнаго правительства и потому находится въ вѣдѣніи финансовыхъ чиновниковъ.

Система правительственнаго контроля. Изъ административной переписки Хаммураби видно, что дѣятельность мѣстныхъ агентовъ, такъ сказать, средняго чиновничества, была подчинена очень выработанной центральной системѣ. Намѣстники, сборщики налоговъ и оброковъ, завѣдующіе кассами и складами, управители храмовыхъ имуществъ, надзиратели стадъ и загоновъ скота, завѣдующіе поставка-

ми на войско и т. д. обязаны были посылать отчеты въ центральныя вѣдомства, которыя въ свою очередь располагали обширными канцеляріями.

Но при широкихъ размѣрахъ государства и медлительности сообщеній правительство считаетъ такой контроль недостаточнымъ. Поэтому оно направляетъ по областямъ странствующую администрацію въ видѣ *царскихъ посланцевъ* (ду-габъ)—настоящій прототипъ средневѣковыхъ европейскихъ missi dominici. Разъѣзжающій администраторъ получаетъ различныя миссіи, напр., собрать оброкъ въ видѣ извѣстнаго количества головъ скота или груза серебра, перевезти изображеніе божества, отвести въ Вавилонъ бѣглыхъ рабовъ, произвести судебное разслѣдованіе и т. д. Большею частью, посланцы находились въ областяхъ, на мѣстѣ своего спеціальнаго порученія, и только время отъ времени пріѣзжали въ центръ для доклада.

Организація финансовъ, расширеніе сборовъ и налоговъ, точная регистрація полученій, вотъ главная забота администраціи. Общее впечатлѣніе отъ государственнаго хозяйства Хаммураби состоитъ въ томъ, что царское правительство заимствовало старую систему оброковъ и повинностей, группировавшуюся вокругъ храмовъ, но очень существенно расширило ее. Для регулированія раздвинутаго и умноженнаго хозяйства создана большая сѣть администраціи. Въ этой администраціи есть элементы старые, заимствованные у теократіи, и новые, принесенные завоевателями-номадами. Путешествующіе администраторы составляютъ, вѣроятно, нововведеніе, принесенное степняками; наоборотъ, всѣ должности и функціи, которыя связаны съ управленіемъ складами, запасными магазинами, мѣстными кассами, принадлежатъ теократической старинѣ и лишь расширены и дополнены устройствомъ большой централизованной царской администраціи. Вѣроятно, отъ стараго управленія остались также должности *цеховыхъ начальниковъ*, или надзирателей (акиль) различныхъ профессіональныхъ группъ, плотниковъ, каменьщиковъ, скульпторовъ, ткачей и т. п., такъ какъ прежде всѣ эти ремесленные союзы были приписаны къ храмамъ и обязаны поставками на святилища и на жившія при нихъ фамиліи. Акиль царской эпохи—не выборный староста, уполномоченный отъ рабочихъ, а чиновникъ, назначенный властями. (Можетъ быть, акиль сохранился въ векилѣ, цеховомъ надзирателѣ мусульманскихъ странъ такъ же, какъ вообще средневѣковое и даже современное восточное государство во многихъ чертахъ сохранило строеніе древней вавилонской администраціи).

Отчасти новое свѣтское правительство создаетъ для себя или организуетъ новые рабочіе и профессіональные кадры: напр., большой

составъ корабельщиковъ, строющихъ транспортныя суда и перевозящихъ въ центръ поставки, натуральные оброки и предметы потребленія при дворѣ. Совершенно отдѣльное мѣсто занимаетъ цехъ оружейниковъ; мастера этого дѣла, работающаго на армію, составляютъ особое поселеніе на рѣкѣ Тигрѣ; они стоятъ подъ прямымъ наблюденіемъ центральнаго правительства и, напр., царю докладываютъ о происшедшихъ среди нихъ столкновеніяхъ, при чемъ онъ непосредственно постановляетъ приговоры. Вѣроятно, эта важная для царской организаціи профессіональная группа появилась въ странѣ вмѣстѣ съ завоевателями, она—живой остатокъ номаднаго быта и потому выдѣлена въ особую колонію.

Рабство, какъ государственное учрежденіе. Завоеватели внесли, повидимому, новую черту въ соціальное строеніе вавилонскаго общества въ видѣ рабовладѣнія. Захваты запасовъ и людей у побѣжденныхъ перешли въ постоянный подвозъ дани и подневольныхъ рабочихъ изъ окраинъ. Рабство организовано въ царствѣ Хаммураби въ качествѣ государственнаго института. Раба отмѣчаютъ особымъ клеймомъ, выжигаемымъ на головѣ; за произвольное удаленіе клейма положено строгое наказаніе. Господинъ можетъ продать раба и отдать его въ закладъ, не не имѣетъ права жизни и смерти надъ рабомъ. За поврежденіе, нанесенное рабу постороннимъ, слѣдуетъ штрафъ, но вознагражденіе получаетъ господинъ. Большое вниманіе обращено на поимку и возвращеніе бѣглыхъ рабовъ. Поймавшій бѣглаго раба получаетъ награду, а за сокрытіе убѣжавшаго или за помощь при побѣгѣ, особенно, если бѣжавшій—царскій рабъ, назначено строгое наказаніе.

При сильномъ развитіи рабства понятно большое количество вольноотпущенныхъ. Среди нихъ привилегированное мѣсто занимаютъ царскіе либертины, составляющіе низшую свиту и придворную администрацію, и похожіе на средневѣковыхъ министеріаловъ. Благодаря близости къ царю, они считаются выше рабовъ, но штрафы за нанесенныя имъ обиды и поврежденія назначены ниже, чѣмъ въ отношеніи свободныхъ людей. Рабы, служащіе у царскихъ министеріаловъ, въ свою очередь поставлены въ лучшее положеніе сравнительно съ остальными рабами.

Вавилонская держава и римская бюрократическая имперія. Судебникъ Хаммураби и административная переписка этого царя свидѣтельствуютъ не только о крайней развитости бюрократическаго режима, но также о его несокрушимой, повидимому, силѣ и энергіи. Невольно напрашивается сравненіе съ другой эпохой величайшаго напряженія административной системы, съ римской имперіей IV в. по Р. Х., порядки которой отразились въ законодательствѣ кодекса Ѳеодосія.

При этомъ надо сказать, что тонъ администратора и законодателя вавилонскаго увѣреннѣе, чѣмъ въ поздней римской имперіи. Римскіе императоры IV в. предписываютъ, грозятъ и въ то же время постоянно признаются въ своемъ безсиліи, превращая свои приказы въ обличительныя проповѣди, въ увѣщанія чиновникамъ, сплошь погрязшимъ въ злоупотребленіяхъ. Характерна также вырывающаяся по временамъ уступка религіознымъ ревнителямъ, разрѣшеніе клиру и монашествующимъ, т.-е. не работающимъ и не служащимъ элементамъ общества, уклоняться отъ повинностей на томъ основаніи, что «государство живетъ молитвами, а не работой».

Такихъ признаній мы не найдемъ у вавилонскихъ правителей конца 3-яго тысячелѣтія до Р. Х. Они менѣе сомнѣваются въ послушаніи подчиненныхъ и болѣе проникнуты свѣтскими понятіями объ авторитетѣ государства. Административная система, повидимому, давно налажена и дѣйствуетъ безъ серьезныхъ задержекъ. Едва-ли найдется другая эпоха, которую съ большимъ правомъ можно было бы назвать классической порой самодержавнаго бюрократизма. Весьма понятно, что система управленія, документы административнаго и судебнаго права, титулы и формулы этой эпохи служатъ предметомъ заимствованія и подражанія для послѣдующихъ крупныхъ государствъ, ассирійскаго, персидскаго, эллинистическихъ, римской имперіи, Византіи и халифата.

Паденіе вавилонскаго государства и появленіе новыхъ народностей въ Передней Азіи. Прочность этихъ порядковъ въ старо-вавилонскомъ государствѣ зависѣла прежде всего отъ внѣшнихъ условій. Аморитскіе завоеватели династіи Хаммураби, опираясь на силы родственныхъ имъ номадовъ сѣверной окраины пустыни, были гораздо сильнѣе, чѣмъ организаціи нижняго Двурѣчья, составлявшія остатки стараго сумерскаго господства. Въ теченіе нѣкотораго времени амориты не имѣли также опасныхъ сосѣдей на востокѣ, со стороны горныхъ областей. Но уже при преемникѣ Хаммураби, Самсуилуна (= солнце—богъ нашъ) съ востока изъ-за Тигра появляется новая воинственная группа *кашшу* (вѣроятно, то же, что упоминаемые потомъ греками коссеи, жившіе въ горахъ западнаго Ирана). Ослабленная держава опять распадается на двѣ половины, сѣверную съ Вавилономъ во главѣ, и южную приморскую. Еще около полутораста лѣтъ существовало потомъ вавилонское государство въ своемъ уменьшенномъ видѣ. Оно разстроилось окончательно почти въ одно время съ египетскимъ Среднимъ или ѳиванскимъ царствомъ, уничтоженнымъ азіатскими хиксами. Въ то время, какъ Вавилонія и югъ были захвачены кашшу, въ сѣверной части Двурѣчья, въ Месопотаміи утвердились Митанни, одно изъ племенъ большой группы хетитовъ,

Крушеніе опванскаго и вавилонскаго царствъ—не случайное только совпаденіе. Обѣ державы, сколько намъ извѣстно, древнѣйшія на свѣтѣ, долгое время имѣвшія перевѣсъ надъ сосѣдями, благодаря своей исключительной организаціи, никѣмъ еще не достигнутой, встрѣтились, наконецъ съ опасными конкурентами. До извѣстной степени оба государства, нильское и евфратское, сами своими захватами вызвали отпоръ, создали у своихъ окраинъ враговъ себѣ и научили ихъ своимъ примѣромъ организоваться въ большія завоевательныя группы. Таково свойство политической жизни. Разъ зародившись въ извѣстной средѣ, организація военной громады, захватывающей запасы и доходы большой округи, не остается изолированной: она передается во всѣ стороны. Страсть къ пріобрѣтенію чужого, духъ предпринимательства и авантюры, соединеніе героизма и коммерческой жадности загараются въ племенахъ и общинахъ, жившихъ до тѣхъ поръ въ узкихъ условіяхъ, въ однообразной патріархальной обстановкѣ. Среди нихъ появляются «вожди», окруженные дружинами. Свиты эти нарастаютъ, увлеченіе охватываетъ широкія массы; оно можетъ дойти до того, что снимется съ мѣста цѣлый народъ, всѣ взрослые мужчины со своими семьями и имуществомъ; происходитъ «великое переселеніе», иногда, можетъ быть, на слухъ о какомъ-то далекомъ земномъ раѣ.

Въ исторіи Передней Азіи есть моментъ, когда съ особенной силой сказывается появленіе новыхъ народныхъ группъ и новыхъ политическихъ соединеній, вступающихъ въ борьбу со старыми. Это—XVIII в. до Р. Х. (1800—1700).

---

5. Малая Азія и Эгейское побережье во 2-омъ тысячелѣтіи до Р. Х.

Великія передвиженія племенъ въ XVIII в. до Р. Х. До начала 2-го тысячелѣтія политическая жизнь культурныхъ странъ Передней Азіи опредѣлялась тѣми передвиженіями, которыя происходили *внутри* большого круга сирійско-аравійской степи. Съ *внѣшней* стороны периферіи не было замѣтныхъ толчковъ; на горной окраинѣ, окаймляющей съ сѣвера и востока цѣпь оазовъ, было сравнительно тихо. Около 2000 г. положеніе мѣняется. За горами появляются новыя народныя группы, происходятъ переселенія племенъ, взаимныя столкновенія между ними, которыя съ теченіемъ времени сказываются также въ жизни культурныхъ странъ, лежащихъ у подножія горъ. Ближайшія къ оазамъ горныя племена, организованныя благодаря взаимной борьбѣ въ болѣе компактныя массы, бросаются на обработанныя территоріи и накопленныя богатства. Приходятъ въ движеніе также номады внутренней степи и вступаютъ съ новыми завоевателями въ своеобразныя комбинаціи.

Самая крупная изъ новыхъ завоевательныхъ силъ—малоазійскій народъ *хетиты* (по-египетски Хета, по-ассирійски Хатти). Памятники хетитовъ находятся на большомъ протяженіи отъ Лидіи у побережья Эгейскаго моря и до восточной окраины Месопотаміи, на сѣверѣ отъ Чернаго моря и на югѣ до середины Сиріи. Но центромъ ихъ является восточный край малоазійскаго плоскогорія, позднѣйшая область Каппадокія. Отсюда хетиты продвигаются проходами, ведущими черезъ Тавръ, въ сѣверную Сирію и подчиняютъ себѣ ее. Другая группа, родственная хетитамъ, вторгается въ Месопотамію и укрѣпляется въ культурной странѣ на восточныхъ (лѣвыхъ) притокахъ Евфрата подъ именемъ народа *Митанни*.

Эти митанійцы становятся очень опаснымъ врагомъ вавилонскаго царства. Утвердившись на верхнемъ теченіи главной рѣки края, они перерѣзываютъ линіи торговли Вавилона съ Сиріей и побережьемъ

Средиземнаго моря и отнимаютъ у вавилонской державы главный источникъ доходовъ. Этимъ наносится рѣшительный ударъ аморитскому господству въ нижней части Двурѣчья. Одновременно на Вавилонъ нападаетъ горное племя западнаго Ирана, кашшу (коссеи), изъ котораго вавилонскіе цари набирали раньше наемниковъ; наемные отряды соединяются съ независимыми единоплеменниками своими, и объединенная сила чужестранныхъ воителей навязываетъ странѣ свою династію. Въ качествѣ царства коссеевъ Вавилонъ, изолированный отъ Сиріи и Месопотаміи, нисходитъ на второстепенное мѣсто.

Хетиты и коссеи по своему языку и культурѣ не принадлежатъ ни къ семитамъ, ни къ арійцамъ. Они до извѣстной степени вдвинулись между двумя народными группами, играющими главную роль въ послѣдующей исторіи. Но семиты и арійцы въ это время входятъ также въ непосредственныя соприкосновенія другъ съ другомъ. Само движеніе хетитовъ и коссеевъ объясняется отчасти давленіемъ, которое на нихъ оказали *арійскія племена*, появившіяся позади нихъ на сѣверѣ и востокѣ, въ горныхъ странахъ Ирана, Кавказа и Малой Азіи. Нѣкоторыя группы арійцевъ пробились даже внутрь старой культурной полосы, имена арійскихъ вождей встрѣчаются въ Сиріи и Палестинѣ.

Нашествіе хиксовъ на Египетъ. Въ связи съ движеніемъ хетитовъ находится также одна изъ крупнѣйшихъ катастрофъ, постигшихъ Египетъ, именно нападеніе на Нильскую долину азіатскихъ кочевниковъ хиксовъ. Это имя приводитъ Іосифъ Флавій; памятники его не знаютъ; въ Египтѣ завоеватели зовутся Аму. Многое говоритъ въ пользу того, что хиксы, какъ народность, близко примыкали къ хетитамъ. Ихъ большое нашествіе направлено изъ Сиріи и Палестины, т.-е. представляетъ продолженіе линіи натиска съ сѣвера хетитовъ. Обратно, когда египетскимъ фараонамъ удается опрокинуть хиксовъ, они продолжаютъ свою борьбу противъ азіатовъ на почвѣ Палестины и Сиріи и вступаютъ въ столкновеніе съ хетитами.

Но все же хиксы не совпадаютъ съ хетитами. Повидимому, для большого похода на завоеваніе Египта соединились различные элементы, пришлые и мѣстные, сирійскіе, месопотамскіе и малоазійскіе; номады примкнули въ большомъ количествѣ и дали общій тонъ завоеванію. Новѣйшіе историки сравниваютъ это наводненіе Египта азіатскими завоевателями съ движеніемъ арабовъ въ эпоху Мохамеда. Дѣйствительно, извѣстная аналогія есть. Хиксы держатся за все время своего господства въ Египтѣ вполнѣ изолированно отъ подчиненнаго населенія. Они не разселяются по всей территоріи. Сосредоточенные въ немногихъ укрѣпленныхъ лагеряхъ, господа страны собираютъ дань

при посредствѣ баскаковъ, переѣзжающихъ изъ города въ городъ и снабженныхъ султанской печатью. Хиксы остаются чужды египетскимъ культамъ и чтутъ своихъ боговъ, при чемъ ихъ главное божество представляется египтянамъ владыкой пустыни. Резиденція царей-завоевателей была устроена въ Ауарисѣ на восточной окраинѣ Дельты съ явной цѣлью быть поближе къ своимъ палестинскимъ и сирійскимъ владѣніямъ, которыя и составляли главную опору господства степняковъ.

Одно время это владычество носило характеръ великой державы, широко раскинувшей кругомъ свои притязанія. Царь Апопи поставилъ алтарь своему отцу «владыкѣ Ауариса, когда онъ положилъ къ своимъ ногамъ всѣ страны». Имя другого царя хиксовъ, Хіана, написано на базальтовомъ львѣ, найденномъ въ Багдадѣ на Тигрѣ; оно встрѣчается также въ Палестинѣ и еще на Критѣ. Область господства хиксовъ, хотя оно и недолго держалось, превосходитъ размѣры государства Сезостриса и Хаммураби; оно скорѣе является предтечей позднѣйшихъ имперій, Тутмеса III египетскаго въ эпоху Новаго царства, или ассирійской монархіи Саргонидовъ.

Послѣдствія большихъ народныхъ передвиженій. Появленіе хеттовъ, митанни, коссеевъ, хиксовъ совершенно опрокинуло установившіяся политическія отношенія въ Передней Азіи. Кругъ сношеній дѣлается шире, такъ какъ завоеватели, сѣвшіе въ оазахъ старинной культуры, втягиваютъ въ оборотъ тѣ земли, откуда они сами вышли. Въ то же время политическая жизнь Передней Азіи становится пестрѣе и интенсивнѣе. Крушеніе старыхъ державъ освобождаетъ зависимыя отъ нихъ второстепенныя общины и племенныя соединенія; они организуются въ княжества и стараются удержать самостоятельность среди столкновенія крупныхъ силъ. Таковы, напр., города на морскомъ побережьѣ Сиріи въ будущей Финикіи. Наиболѣе важное изъ этихъ новыхъ политическихъ образованій—Ассирія. Первоначально небольшая территорія по среднему Тигру, зависимая отъ Вавилона, Ассирія освобождается во время нападенія на нижнее Двурѣчье коссеевъ. Позднѣе ассиріяне вступаютъ въ столкновеніе съ митанійцами, забравшими большую часть Месопотаміи. Въ борьбѣ этой впервые слагаются воинственныя черты будущей страшной завоевательной силы Передней Азіи.

Малая Азія. Изученіе большихъ народныхъ миграцій ведетъ насъ на западъ и прежде всего въ страну, которая служила всегда мостомъ между Европой и Азіей и по преимуществу являлась передаточнымъ этапомъ въ движеніяхъ народныхъ группъ. Это—полуостровъ, далеко выдавшійся впередъ, отдѣляясь отъ азіатскаго материка, и омывае-

мый съ трехъ сторонъ морями. Въ географіи за нимъ утвердилось названіе Малой Азіи; въ имени заключено чрезвычайно удачное опредѣленіе, потому что страна въ миніатюрѣ соединяетъ всѣ характерныя особенности Азіи, взятой въ ея цѣломъ. Полуостровъ очерченъ извилистой, доступной береговой линіей со множествомъ хорошихъ гаваней. И все-таки масса полуострова остается нерасчлененной; середина, загороженная почти со всѣхъ сторонъ горами, сохраняетъ вполнѣ континентальный характеръ. Такъ же, какъ въ другихъ частяхъ Азіи, и на полуостровѣ пустынныя степи и солончаки граничатъ съ цвѣтущими плодородными долинами, лежащими на склонахъ горъ и по теченію рѣкъ.

Малоазійскій полуостровъ представляетъ большое четырехугольное плоскогоріе, которое на сѣверѣ у Чернаго моря и на югѣ у Леванта рѣзко отграничено горными цѣпями, иногда почти вплотную подходящими къ берегу. На востокѣ горные хребты Малой Азіи переходятъ незамѣтно въ возвышенности Арменіи. Черезъ эту страну они соединяются съ горной системой Кавказа, а также съ большимъ Иранскимъ плоскогоріемъ, ведущимъ въ глубину Азіи. На западѣ цѣпи малоазійскихъ горъ по немногу понижаются и раздробляются между долинами, составляющими выходъ къ Эгейскому морю. Здѣсь также почти нечувствителенъ переходъ къ островамъ, а черезъ этотъ новый мостъ дальше къ протянутымъ навстрѣчу полуостровкамъ, мысамъ и косамъ юго-восточной Европы. Такимъ образомъ, получается какъ бы длинная горизонтальная параллель возвышенностей, въ которой Малая Азія образуетъ средній отрѣзокъ. Направленіе хребтовъ показываетъ главный и постоянный путь движенія народовъ съ востока или запада, гдѣ края открыты.

Но Малая Азія не просто только проходная страна. Разъ проникшему внутрь народу не трудно загородиться за ея высотами и запереть ея ущелья и горные перевалы. Такъ же, какъ на Кавказѣ, здѣсь даны всѣ условія для возведенія крѣпостей на недоступныхъ скалахъ, для храненія добычи въ замкнутыхъ долинахъ. Бо̀льшая часть внутренней области полуострова образуетъ пастбища, пригодныя для жизни номадовъ. Однако, скотоводы не будутъ здѣсь изолированы отъ земледѣльческой и садовой культуры; плоскогоріе въ разныхъ направленіяхъ изрѣзано глубоко вдавшимися внутрь долинами рѣкъ, представляющими богатые растительностью оазы. Завладѣвши ихъ продуктами и работой стараго осѣдлаго населенія, пришлые воинственные кочевники могутъ продолжать свой образъ жизни. Государства хетитовъ и сосѣдей ихъ, *урартійцевъ* на востокѣ, *фригійцевъ* на западѣ, и составляли такія смѣшанныя номадно-земледѣльческія груп-

ны, получившіяся благодаря характернымъ комбинаціямъ природныхъ условій страны.

Малая Азія даетъ еще одинъ важный рессурсъ тѣмъ, кто поселяется внутри ея горныхъ валовъ. Плоскогоріе богато металлами, особенно серебромъ и мѣдью, близко лежатъ также рудники Кипра и Кавказа. Обладаніе ими должно было создать рѣшительный военный перевѣсъ горцевъ надъ обитателями широкихъ открытыхъ равнинъ сирійско-аравійской степи. Отсюда различіе между степными и горными номадами-завоевателями. Между тѣмъ какъ напр., степные амориты приливали въ культурный край отдѣльными группами и лишь на чужой почвѣ, поступая въ наемную службу, слагались въ опасную организацію, горцы уже у себя дома обладали всѣми данными для вооруженія и подготовки крупныхъ силъ. Поэтому напр., основатель хетитской крупной державы, Суббилуліума въ XIV вѣкѣ, сразу выступаетъ во главѣ внушительной военной организаціи.

Хетиты. До самаго послѣдняго времени свѣдѣнія наши объ этомъ народѣ были нѣсколько смутны, тѣмъ болѣе, что опирались на сообщенія постороннихъ, вавилонянъ, ассиріянъ и египтянъ. Всѣ эти свидѣтели ограничиваются лишь тѣмъ, что интересовало ихъ самихъ, поскольку они сталкивались съ хетитами, какъ крупной военной силой, на полѣ сраженій и въ области дипломатіи. Египтяне со своимъ вкусомъ къ художественной изобразительности, дали намъ нѣсколько интересныхъ хетитскихъ профилей.

Лишь недавно занялись европейскіе археологи изученіемъ хетитскихъ памятниковъ, особенно ихъ религіозной символикой, выраженной въ большихъ рельефахъ на скалахъ и стѣнахъ пещеръ. Это изученіе затруднено тѣмъ, что памятники разбросаны на большомъ протяженіи въ странѣ, лишенной путей сообщенія и вообще сохраняющей примитивныя условія. Особенно важныя открытія были сдѣланы въ 1906—7 гг. германской экспедиціей (во главѣ съ Винклеромъ) около деревушки Богац-кёй въ области старинной Каппадокіи, на высотахъ, господствующихъ надъ долиной крупнѣйшей рѣки плоскогорія Кизиль-Ирмака (древняго Галиса). Выяснилось, что здѣсь и была столица хетитскаго государства въ эпоху его наибольшей силы. Раскопки дали между прочимъ отрывки изъ документовъ политическаго архива хетитскихъ властителей.

На хетитскихъ памятникахъ встрѣчаются своеобразные іероглифы, которые до сихъ поръ не удалось прочитать. Несомнѣнно, что мы имѣемъ дѣло съ особой азбукой, непохожей на письмо египтянъ и вавилонянъ и скорѣе напоминающей открытые также недавно письменные знаки на о. Критѣ. Это обстоятельство одно само по себѣ

указываетъ на чуждый стариннымъ культурамъ Передней Азіи характеръ хетитской народности, на отдаленность ея родины.

Судя по египетскимъ рельефамъ, среди хетитовъ былъ монголоидный типъ съ узкими длинными глазами, выдавшимися скулами, косымъ далеко отступающимъ назадъ лбомъ и—въ довершеніе сходства съ современными представителями желтой расы—съ длинной косой при бритомъ темени. Эти черты позволяютъ выводить хетитовъ изъ Средней Азіи. Туда же направляетъ насъ характерная особенность военнаго строя хетитовъ: они, повидимому, впервые въ кругу Передней Азіи стали примѣнять на войнѣ лошадей и ввели военныя повозки со стрѣлками, заимствованныя потомъ египтянами и ассиріянами. Въ виду того, что общепризнанной родиной лошади опять-таки является Средняя Азія, происхожденіе оттуда хетитовъ становится еще болѣе правдоподобнымъ. Впрочемъ, на почвѣ Малой Азіи они уже не выступаютъ въ качествѣ чистой расы. Египетскіе рельефы изображаютъ среди хетитскихъ воиновъ еще другой типъ, который иные ученые признаютъ похожимъ на архаическо-греческій. Отсюда заключаютъ объ аналогіи хетитовъ съ турками-сельджуками, поселившимися спустя 2 тысячелѣтія въ тѣхъ же степяхъ Малой Азіи: въ своихъ переселеніяхъ племя, вѣроятно, захватило много постороннихъ элементовъ и осложнилось рядомъ смѣшеній.

Нѣкоторыя черты быта обличаютъ въ хетитахъ коренныхъ и давнишнихъ горцевъ, продолжавшихъ на малоазійскомъ плато жизнь, сложившуюся на высокихъ плоскогоріяхъ Средней Азіи. На хетитскихъ памятникахъ фигуры боговъ и людей изображены въ длинныхъ и широкихъ складчатыхъ одеждахъ и высокихъ шапкахъ, какъ бы для защиты отъ холода; на ногахъ своеобразная обувь съ длинными загибающимися кверху носками; подобные башмаки носятъ и теперь нѣкоторыя горныя племена, вѣроятно, для охраны ступни при подъемахъ. Въ культѣ хетитовъ выдѣляется почитаніе горныхъ духовъ; фигуры боговъ въ процессіяхъ шагаютъ по высотамъ; горныя вершины служатъ имъ пьедесталами. Жертвенныя церемоніи совершались въ горныхъ пещерахъ; на стѣнахъ этихъ пещеръ частью помѣщены рельефы, по которымъ мы знакомимся съ искусствомъ и религіей хетитовъ; другіе высѣчены въ крѣпкомъ камнѣ отвѣсныхъ скалъ. Весьма своеобразны два божества хетитовъ: Тешубъ, богъ грозы, изображаемый съ молніями въ одной рукѣ, и съ обоюдоострымъ топоромъ въ другой; затѣмъ богиня съ чертами Великой матери, въ высокой коронѣ, составленной изъ крѣпостныхъ бастіоновъ; культъ этой богини (подъ именами Ма, Кибелы, Реи, Семирамиды) потомъ сохранился въ различныхъ частяхъ Малой Азіи и Сиріи и связанъ былъ съ почита-

ніемъ ея трагически погибшаго возлюбленнаго (бога весны Атиса), которое сопровождалось оргіастическими плясками евнуховъ и амазонокъ и возведеніемъ большого погребальнаго костра.

Въ выборѣ этого несокрушимаго матеріала для построекъ и монументовъ, въ рѣзкихъ и крупныхъ чертахъ лицъ, въ необычномъ горномъ среднеазіатскомъ костюмѣ, въ обрядахъ и вѣрованіяхъ, столь непохожихъ на религіи сосѣдей, сказывается своеобразная индивидуальность хетитскаго народа, принесшаго какой-то новый элементъ въ міръ Передней Азіи. Государство хетитовъ было чисто материковое; моря Черное и Средиземное составляли лишь границы ихъ владѣній. На западѣ господство хетитовъ даже вовсе не достигало моря; та полоса малоазійскаго берега, которую потомъ колонизировали греки, оставалась всегда внѣ хетитскаго вліянія.

Эта страна ведетъ насъ въ кругъ культуры Эгейскаго моря, достигающей особеннаго расцвѣта въ томъ же второмъ тысячелѣтіи до Р. Х.

Открытіе эгейской культуры. Старинная культура греческаго побережья открыта лишь очень недавно. Еще 40 лѣтъ тому назадъ европейскіе ученые не подозрѣвали о ея существованіи. Въ 1871 г. родоначальникъ открытій, Шлиманъ, отправился, чтобы отыскать непосредственныя иллюстраціи къ гомеровскому эпосу, руководясь господствующей въ то время мыслью, что Гомеръ, жившій въ началѣ перваго тысячелѣтія до Р. Х., составляетъ древнѣйшую эпоху исторіи на почвѣ Греціи. Раскопки, произведенныя имъ на холмѣ Хиссарлика, гдѣ лежала предполагаемая Троя Пріама, дали поразительные результаты, все значеніе которыхъ было понято, однако, лишь 20 лѣтъ позднѣе преемниками Шлимана.

Самъ великій почитатель Гомера, въ поискахъ подлинной Трои прокопался съ нервической быстротой въ глубину холма и своей вертикальной шахтой навсегда и безслѣдно уничтожилъ большую часть промежуточныхъ слоевъ. Позднѣе его продолжателямъ удалось установить 9 слоевъ поселеній, изъ которыхъ собственно только 4 представляютъ крупные и характерные моменты городской жизни, именно, если считать снизу—1-ый, 2-ой, 6-ой и 9-ый. Девятый верхній образовался изъ развалинъ города Ново-Иліона эллинистическо-римской эпохи. Шестой слой—довольно большой городъ съ остатками крупнаго дворца, обведенный крѣпкой стѣной—наиболѣе похожъ на гомеровскую Трою (таковой его позднѣе призналъ сотрудникъ, а потомъ продолжатель Шлимана, Дёрпфельдъ). Шлиманъ совершенно обошелъ этотъ городъ и призналъ подлинный гомеровскій Иліонъ во второмъ слоѣ снизу, хотя здѣсь поселеніе было сравнительно очень небольшое, дворъ владѣтельнаго князя ничтожный, и культура весьма низкая: камен-

ныя орудія и лишь первые шаги обработки металла. Основаніе для заключенія Шлимана состояло въ томъ, что остатки 2-го города носили слѣды гибели отъ большого пожара: значитъ это и была Троя Пріама, по сказанію, сожженная ахейцами.

Отчасти разочарованный скудостью быта мнимой Трои, Шлиманъ обратился къ тѣмъ мѣстностямъ самой Греціи, которыя прославлены поэмами, прежде всего къ «богатымъ золотомъ» Микенамъ, резиденціи Агамемнона. Раскопки въ Арголидѣ (Микенахъ и Тиринѳѣ) и въ Беотіи (Орхоменѣ) не дали такого множества наслоеній, какъ въ Троѣ, но показали тотъ же общій фактъ, т.-е. наличность нѣсколькихъ культуръ, слѣдовавшихъ одна за другою.

Въ Микенахъ болѣе всего далъ слой, соотвѣтствующій троянскому 6-му городу; такъ какъ Шлиману здѣсь не было основанія прорываться слишкомъ глубоко, находки обнаружили матеріалъ несравненно болѣе богатый и разнообразный. Въ Тиринѳѣ и Микенахъ выяснилась архитектура укрѣпленныхъ замковъ, представлявшихъ резиденціи владѣтельныхъ князей. Крѣпостныя стѣны, бойницы, ворота и т. д. выведены съ большимъ мастерствомъ. На ряду съ примѣненіемъ дерева, напр., въ видѣ столбовъ, поддерживающихъ крышу въ большомъ залѣ, гдѣ горѣлъ очагъ, оказалось употребленіе крѣпкихъ и красивыхъ породъ камня (археологовъ поразилъ полъ въ ванной комнатѣ тиринѳскаго дворца, состоящій изъ одного большого монолита). Но особенно интересными оказались предметы интимной обстановки, указывавшіе на роскошь и вкусъ обитателей дворцовъ: золотыя и серебряныя вещи, кубки, рукоятки кинжаловъ съ тонкой рельефной выдѣлкой фигуръ и сценъ охоты или войны; фрески на стѣнахъ, передающія, напр., морскую глубину съ ея водорослями и полуфантастическими животными и т. д.

Уже въ моментъ опубликованія результатовъ Шлимановскихъ раскопокъ инымъ ученымъ не могли не броситься въ глаза явныя противорѣчія между бытомъ микенцевъ и картинами гомеровскаго эпоса, напр., въ погребеніи мертвыхъ: въ Микенахъ большія усыпальницы на манеръ египетскихъ пирамидъ, сохраненіе тѣла съ наложеніемъ на лицо золотыхъ масокъ, а у Гомера—сожженіе на кострѣ и помѣщеніе пепла въ урну. Съ другой стороны, замѣтно было въ орнаментахъ, въ художественныхъ мотивахъ, въ способѣ выдѣлки предметовъ сходство съ египетскими образцами, что̀ заставляло думать о живыхъ сношеніяхъ моремъ съ отдаленной страной, между тѣмъ какъ гомеровскихъ грековъ считали замкнутыми въ тѣсномъ кругу Эгейскаго моря.

Всѣ эти противорѣчія и несообразности не мѣшали большинству

ученыхъ считать археологическія находки иллюстраціями гомеровской эпохи, и еще въ 1886 г. Хельбигъ пишетъ книгу подъ заглавіемъ «Гомеровскій эпосъ и его отраженіе въ вещественныхъ памятникахъ». Такимъ образомъ сторонники взгляда, будто Гомеръ отмѣчаетъ начало греческой культуры, и будто позади него можно предположить лишь черты очень грубаго примитивнаго быта, все еще не сдавались. Между тѣмъ росло количество памятниковъ, находимыхъ въ разныхъ частяхъ восточной Греціи (въ Лаконіи, Аттикѣ, Беотіи, на островахъ Кикладскихъ) и скоро стало обнаруживаться, что предметы, аналогичные троянскимъ и микенскимъ, имѣются во многихъ мѣстностяхъ западной и южной полосы Малой Азіи, на Кипрѣ, а также на западѣ въ Италіи, Сициліи и Сардиніи. Ученый міръ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ прежнихъ хронологическихъ и культурно-географическихъ датъ и признать, что всѣ названныя страны находились между собою издавна въ оживленныхъ сношеніяхъ и жили одной культурой; Гомеръ и его время или не имѣли ничего общаго съ этой стариной или, по крайней мѣрѣ, должны быть помѣщены въ самомъ концѣ существованія древней культуры, которую, можетъ быть, даже нельзя считать и греческой.

Постепенно установилось дѣленіе вновь открытаго стариннаго культурнаго періода на двѣ большія эпохи: 1) болѣе ранней культуры, характеризуемой каменными орудіями со слабымъ еще примѣненіемъ металла, глиняной посудой, приготовленной отъ руки и малоразрисованной, мелкими кирпичными постройками и отсутствіемъ письма; ее принято называть *троянской* въ виду того, что самые типичные предметы были найдены во 2-мъ городѣ Трои; 2) болѣе развитой и поздней, которую также называли сначала по типичной мѣстности *микенской*, а теперь чаще называютъ *эгейской* или *эгейско-критской*.

Открытіе критской культуры. Самыя важныя находки, которыя освѣтили все, что было добыто до тѣхъ поръ, и дали возможность связать разрозненные неясные факты въ цѣльную картину продолжительнаго культурнаго развитія, были сдѣланы лишь 15—12 лѣтъ тому назадъ. Это—раскопки на о. Критѣ, произведенныя англичанами и итальянцами. Работы на крупномъ островѣ, замыкающемъ съ юга Эгейское море и въ то же время ближайшемъ къ Египту, стали возможны лишь послѣ революціи 1897 года, открывшей доступъ европейцамъ, и только теперь стало выясняться, что центръ эгейской культуры именно находился на о. Критѣ.

Критъ далъ замѣчательные по размѣрамъ, богатству матеріала, искусству выдѣлки памятники, далеко превосходящіе то, что было открыто въ Микенахъ, Троѣ и т. д. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ,

что эгейская культура достигла наибольшаго блеска именно здѣсь, особенно въ центрѣ и въ восточной части длиннаго острова, тогда какъ Киклады и береговыя страны юго-восточной Греціи лишь пассивно восприняли съ Крита готовыя формы быта. Вмѣстѣ съ тѣмъ критскія открытія дали возможность провѣрить порядокъ развитія культуры, намѣтившійся на основаніи предшествующихъ изысканій и раскопокъ, а также установить хронологію различныхъ ступеней старинной культуры Греціи. Такимъ образомъ Критъ какъ бы завершаетъ циклъ открытій въ области Эгейскаго моря.

Всѣ эти важные выводы получаются благодаря тому, что на Критѣ сохранились остатки всѣхъ слоевъ, начиная съ самыхъ старинныхъ и первобытныхъ, восходящихъ выше 4-го и 5-го тысячелѣтія до Р. Х., и кончая крупными постройками и выдающимися произведеніями искусства, одновременными съ египетскимъ Новымъ царствомъ въ серединѣ и концѣ 2-го тысячелѣтія. Вмѣстѣ съ тѣмъ на Критѣ найденъ рядъ предметовъ, несомнѣнно вывезенныхъ изъ Египта, и, съ другой стороны, въ разныхъ мѣстностяхъ Египта открыты вещи, ввезенныя изъ Крита. Для той и другой группы легко установить хронологію; а отсюда получается возможность опредѣлить эпохи критской культуры. Главный руководитель англійскихъ раскопокъ на мѣстѣ старинна́го Кноса, Эвансъ, предложилъ для исторіи критской культуры, которую онъ называетъ Минойской, по имени легендарнаго Миноса, слывшаго у грековъ основателемъ критскаго могущества, дѣленіе на три эпохи, при чемъ примитивная культура остается за предѣлами дѣленія: 1) *ранне-минойскую*, приблизительно отъ 3000 до 2000 г., сходящуюся съ троянскимъ бытомъ второго Шлимановскаго города, а по времени совпадающую съ египетскимъ Древнимъ царствомъ и началомъ Средняго; 2) *средне-минойскую* (2000—1600), одновременную съ концомъ Средняго царства и съ господствомъ въ Египтѣ хиксовъ и 3) *поздне-минойскую* (1600—1200), совпадающую съ Новымъ царствомъ въ Египтѣ. Конецъ второй и вся третья эпоха соотвѣтствуютъ также времени процвѣтанія эгейской культуры на восточномъ берегу Греціи, въ Микенахъ, Орхоменѣ и т. д.

Большіе критскіе памятники 2-го тысячелѣтія. Насыпь, на которой Эвансъ открылъ великій дворецъ Кносса, извѣстный въ греческомъ сказаніи подъ именемъ Лабиринта, представляетъ рядъ наслоеній, восходящихъ подобно слоямъ троянскаго холма къ самой примитивной жизни Но холмъ кносскихъ поселеній въ своихъ нижнихъ частяхъ образуетъ болѣе глубокую толщу земли, чѣмъ Троя. На $2^1/_2$ метра въ глубину отъ нынѣшней поверхности лежитъ дворецъ, выстроенный по опредѣленію Эванса, въ средне-минойскій періодъ.

Далѣе на $1^1/_2$ метра ниже лежитъ фундаментъ болѣе стариннаго дворца, который Эвансъ относитъ къ ранне-минойской эпохѣ. Еще глубже на $1^1/_2$ метра безъ малаго начинается поверхность поселеній примитивныхъ, и вотъ этотъ слой, шириною въ 6 метровъ, несравненно толще, чѣмъ въ Троѣ промежутокъ между 2-мъ городомъ и первымъ поселеніемъ. Выводъ отсюда тотъ, что на кносскомъ холмѣ поселенія начались гораздо раньше; по глубинѣ находокъ Критъ приходится сравнивать со стариннѣйшими мѣстами поселенія въ Египтѣ и возводить здѣсь начало засвидѣтельствованной памятниками жизни, по крайней мѣрѣ, къ 5-му тысячелѣтію до Р. Х. (Эвансъ вычисляетъ періодъ неолитическихъ поселеній Кносса въ 12000 или даже 14000 лѣтъ).

Открытый Эвансомъ дворецъ какъ бы оправдываетъ преувеличенныя представленія греческаго сказанія о Лабиринтѣ и дѣйствительно представляетъ нѣчто въ высшей степени оригинальное, непохожее на дворцы Египта и Ассиріи. Огромное квадратное низкое, частью въ одинъ этажъ строеніе или, лучше сказать, система строеній съ большимъ внутреннимъ дворомъ, не производитъ впечатлѣнія особеннаго блеска или величія. Дворецъ не имѣетъ наружнаго фасада и на всѣ четыре стороны выступаютъ лишь глухія заднія стѣны его помѣщеній. Входы всѣ съ внутренняго двора, въ свою очередь, замкнутаго и представляющаго доступъ лишь съ одной стороны. Въ виду такого расположенія зданія нельзя назвать его лишеннымъ защиты и укрѣпленія, хотя оно и не замокъ въ настоящемъ смыслѣ. Надо еще прибавить, что надъ входомъ господствуетъ бастіонъ, а также, что на извѣстномъ разстояніи отъ дворца имѣется 6 глубокихъ колодезныхъ ямъ, служившихъ, вѣроятно, подземными тюрьмами. Дворецъ въ Кноссѣ не похожъ на гомеровскіе бурги, описанные въ поэмахъ и совпадающіе съ замками Микенъ и Тиринѳа, гдѣ глава помѣщается со всѣми зависимыми отъ него семьями, сотоварищами и дружинниками своими. Властитель Кносса несравненно болѣе изолировался и поднялся надъ подчиненными; Лабиринтъ не даромъ сравнивали съ Версалемъ Людовика XIV.

Въ самомъ дѣлѣ зданіе состоитъ главнымъ образомъ изъ пріемныхъ парадныхъ покоевъ, изъ часовенъ и придѣловъ, въ которыхъ совершались религіозные обряды и помѣщались священные предметы, и наконецъ, изъ многочисленныхъ магазиновъ и кладовыхъ, гдѣ хранились разнообразные запасы для питанія двора. Длинные коридоры, мощеные дворы, выложенныя плитами террасы, балюстрады и рампы, огибающія ломаными линіями все зданіе и отдѣльныя его крылья, видимо должны были служить для процессій, торжественныхъ шествій, ритуальныхъ плясокъ и т. д., при чемъ изображенія боговъ, хоруг-

ви, символическіе предметы и т. п., можетъ быть, выносились изъ дворцовыхъ ризницъ и возвращались туда же обратно. Во дворцѣ есть залъ, гдѣ за особой рѣшеткой, повидимому, совершалось священное омовеніе властителя; есть другой залъ, раздѣленный колоннами на нѣсколько іерархически группирующихся частей, гдѣ происходили торжественныя аудіенціи и общіе парады. Ко дворцу примыкаетъ театральная арена съ открытой сценой, при чемъ государю выдѣлена особая большая ложа, въ которую онъ могъ проходить прямо изъ своихъ покоевъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ большого дворца помѣщалась какъ бы вилла для болѣе интимной «дачной» жизни.

Подобный по размѣрамъ дворецъ, съ характерными мощеными коридорами и выходящими на нихъ кладовыми, но нѣсколько иной конструкціи, обнаруженъ итальянской миссіей на мѣстѣ древняго Фэста, также въ центральной части острова, на противоположномъ Кноссу южномъ склонѣ, обращенномъ къ Египту. Третій дворецъ того же типа раскопанъ въ мѣстности Ая Тріада, недалеко отъ Фэста.

Всѣ они испытали одинаковую судьбу: сгорѣли отъ большого пожара и были жестоко разграблены. На развалинахъ никто болѣе не пытался строиться. Видимо, какіе-то пришельцы, принесшіе съ собою гораздо болѣе примитивный бытъ, оборвали сразу весьма тонкую культуру и не имѣли уже ни охоты, ни способности возстановить условія исчезнувшей жизни. Можетъ быть, это и были греки, надвинувшіеся съ материка и разгромившіе старую не-греческую цивилизацію.

Морская держава Крита. Конецъ старой критской культуры отмѣченъ рѣзко и ясно. Но въ памятникахъ можно прочитать также нѣкоторыя черты предшествующей исторіи. Большіе дворцы Кносса и Фэста поднимаются на фундаментѣ болѣе старинныхъ и менѣе значительныхъ зданій. Лабиринтъ былъ перестройкой и расширеніемъ прежняго кносскаго дворца. Властители, утвердившіе свой центръ въ средней части Крита, не были случайными обладателями момента. Повидимому, въ теченіе ряда поколѣній слагалась крупная морская держава, и Эвансъ имѣлъ право превратить Миноса, коллективную фигуру греческой легенды, въ названіе продолжительной и сложной культуры.

Уже Ѳукидидъ, со своимъ раціоналистическимъ взглядомъ, удерживая внѣшній обликъ легенды и признавая одного великаго критскаго царя Миноса, представлялъ его основателемъ перваго флота на Эгейскомъ морѣ, истребителемъ пиратовъ. Если отбросить героическое олицетвореніе, въ остальномъ картина Ѳукидида близка къ истинѣ. Критскіе Миносы (возможно, что это имя нарицательное, означающее титулъ), построившіе себѣ громадные дворцы, располагавшіе обильными складами, тѣшившіе себя и свой дворъ театромъ,

жившие среди художественной обстановки, расписанной и выдѣланной мѣстными мастерами, должны были имѣть въ своемъ распоряженіи большой торговый районъ и держать въ подчиненіи у себя значительную часть окружающихъ островковъ и береговъ. Нѣтъ сомнѣнія, напр., въ томъ, что островъ Мелосъ, лежащій на западъ отъ Крита, доставлялъ важнѣйшій камень для издѣлій конца неолитическаго періода—обсидіанъ, замѣняющій въ этихъ странахъ кремень. Нельзя себѣ представить подвозъ дани съ островковъ Эгейскаго моря безъ существованія на Критѣ значительнаго военнаго флота. Правда, Кносскій и Фэстскій дворцы стоятъ далеко отъ морского берега. Пиратства все-таки было много, и властители не хотѣли подвергать свои резиденціи и склады опасности случайнаго нападенія морскихъ разбойниковъ. На извѣстномъ разстояніи отъ моря стоятъ также замки Микенъ, Тиринфа, Трои, и съ этимъ согласуется общее замѣчаніе Өукидида, что старые города Грецiи строились вдали отъ берега изъ страха морского разбоя. Но это нисколько не мѣшаетъ видѣть во всѣхъ береговыхъ и островныхъ владѣтеляхъ Эгейскаго района вождей морскихъ флотилій и предпріятій.

Среди нихъ критскіе властители выдѣлялись своей силой, широтою своего авторитета и вліянія, что можно заключить не только изъ сопоставленія критскихъ дворцовъ съ гораздо болѣе мелкими замками Микенъ и Тиринфа; фактъ этотъ еще болѣе иллюстрируется богатствомъ и разнообразіемъ искусства, орудій, украшеній Крита по сравненію съ поселеніями на другихъ островахъ и на юго-восточныхъ берегахъ Греціи.

Происхожденіе и характеръ критско-эгейской культуры. Возникаетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ была оригинальна культура, выступающая передъ нами въ строеніяхъ критскихъ дворцовъ, въ ихъ матеріальной обстановкѣ и въ остаткахъ духовной жизни? Пока старинную Грецію знали лишь по микенскимъ и троянскимъ руинамъ, въ ней все еще продолжали видѣть скудный мѣстный бытъ, получившій свѣтъ со стороны. Одно время въ большомъ ходу была теорія *финикійскаго вліянія.* Считалось, что зачатки культурной жизни, вѣрованія и обряды, азбука и первоначальныя астрономическія свѣдѣнія, металлическія орудія и искусство строить укрѣпленія занесены черезъ Кипръ, юго-восточную часть Малой Азіи и Критъ съ береговъ Сиріи, и что финикіяне въ свою очередь были посредниками египетской и вавилонской культуры. Со времени прибытія финикіянъ начинается и первое знакомство обитателей Греціи съ моремъ, первыя попытки собственнаго плаванія по водамъ.

Эта теорія исчезла послѣ ближайшаго изученія самихъ восточныхъ отношеній. Финикіяне не могли «открыть Европу» уже потому, что

они сами выступили гораздо позже, около 1000 года, когда эгейская культура давно отцвѣла. Едва-ли вообще уроженцы Сиріи появлялись въ Эгейскомъ морѣ въ качествѣ значительной силы.

На смѣну теоріи финикійскаго посредничества выступилъ взглядъ, объяснявшій начало культуры на берегахъ Греціи *прямымъ воздѣйствіемъ* старыхъ культурныхъ центровъ, особенно Египта. Въ художественныхъ издѣліяхъ старинной Греціи отмѣчали египетскіе мотивы (напр., изображеніе кошекъ, охотящихся на дичь среди зарослей папируса) и объясняли ихъ ввозомъ произведеній египетской индустріи и подражаніемъ со стороны мѣстныхъ мастеровъ вывезеннымъ египетскимъ образцамъ. Эта теорія предполагаетъ болѣе раннее знакомство обитателей Эгейскаго побережья съ моремъ, чѣмъ прежде допускали въ наукѣ, а также порываетъ съ предразсудкомъ, будто египтяне въ качествѣ архисухопутнаго народа, боялись пускаться въ морскія поѣздки.

Критскія находки заставляютъ усомниться въ вѣрности и этого послѣдняго объясненія. На Критѣ также встрѣчаются египетскіе мотивы, имѣются и произведенія египетской индустріи. Но эти заимствованія или пріобрѣтенія нисколько не господствуютъ надъ мѣстнымъ искусствомъ и ремесломъ. Они вполнѣ уравновѣшиваются множествомъ предметовъ критскаго вывоза, находимыхъ въ Египтѣ, а также фактами явнаго подражанія египетскихъ мастеровъ критскимъ образцамъ.

Критъ ни въ какомъ случаѣ не клочокъ зависимой отъ Египта торговой и культурной области. Скорѣе они—двѣ равносильныя величины, стоявшія въ давнемъ обмѣнѣ между собою. На Критѣ была крупная индустрія, напр., изготовленія художественно разрисованныхъ вазъ, которыя расходились въ широкомъ районѣ и цѣнились также въ Египтѣ. Обратно художественныя произведенія Египта проникали въ Критъ и черезъ Критъ въ другія мѣстности Эгейскаго побережья. При такомъ оживленномъ товарномъ обмѣнѣ не могли не переходить *религіозные* символы и обряды. Очень возможно, что знаменитая гробница въ Микенахъ, выложенная внутри скалы высокимъ сводомъ (прежде невѣрно называемая «сокровищницей Атрея»), возникла подъ вліяніемъ египетскихъ могилъ и погребальныхъ обрядовъ.

Но какъ на Критѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ Эгейской культуры гораздо больше постороннихъ Египту элементовъ. Среди религіозныхъ символовъ, напр., видное мѣсто занимаетъ изображеніе богини эротической силы, предшественницы греческой Афродиты. Идолы ея напоминаютъ характерныя фигуры вавилонской Иштаръ, финикійской Астарты, а такъ какъ онѣ встрѣчаются также на о. Кипрѣ, то почти не можетъ быть сомнѣнія относительно пути, по которому культъ богини пришелъ въ среду Эгейскаго побережья.

Есть еще третій элементъ на Критѣ, сближающій его культуру съ Малой Азіей: это—почитаніе богини-матери и особенно бога грозы, переходящаго потомъ въ фигуру Зевса-громовержца. Старинный символъ раздробителя земли—двойной топоръ, встрѣчающійся въ области хетитовъ, на Критѣ занимаетъ чрезвычайно видное мѣсто: онъ является въ видѣ какой-то магической печати или знака религіознаго застрахованія. Въ одной изъ залъ Кносскаго дворца его многочисленные отпечатки покрываютъ большія колонны и пилястры.

Такимъ образомъ, районъ обмѣна и кругъ вліяній, въ центрѣ котораго стоитъ Критъ, оказывается очень широкимъ. Но уже встрѣча такихъ несхожихъ и расходящихся между собою элементовъ, какъ вѣрованія и продукты Египта, Вавилона, Сиріи и Малой Азіи, показываетъ, что Критъ вовсе не воспринималъ пассивно одно чужое, а жилъ своею жизнью, открывая доступъ широкому ввозу и перерабатывая привозный матеріалъ въ духѣ своего мѣстнаго быта.

Паденіе критской культуры. Большой островъ, растянутый въ длину, какъ мостъ между Европой и Азіей, былъ далеко не равномѣрно заселенъ и разработанъ. Восточная половина его по обилію и крупному размѣру памятниковъ значительно превосходитъ западную. Здѣсь, повидимому, вблизи малоазійскихъ береговъ развилась культура минойскаго періода и впервые сложилось морское могущество критскихъ властителей.

Западъ, т.-е. половина самого Крита, другіе острова Эгейскаго моря, юго-восточные берега Греціи—были сначала для Крита варварскими странами, служившими для пріобрѣтенія сырого матеріала (напр., Мелосъ съ залежами обсидіана), а потомъ и для сбыта своей индустріи. Постепенно данники, вассалы и поставщики критскихъ властителей разбогатѣли, обзавелись кораблями и сами стали пробовать свои силы на болѣе отсталыхъ областяхъ сѣверной и восточной части Эгейскаго моря. Можетъ быть, легенда, изображая предпріятіе микенскаго царя Агамемнона, отправившагося во главѣ своихъ ахейскихъ (пелопоннесскихъ) вассаловъ на корабляхъ противъ троянскаго царя Пріама, окруженнаго въ свою очередь своими малоазійскими кліентами, совершенно правильно передаетъ основной фактъ движенія европейскихъ воителей и моряковъ, поднявшихся подъ вліяніемъ критской культуры; въ сказаніяхъ во всякомъ случаѣ вѣрно переданъ путь и направленіе этого движенія.

На основѣ награбленнаго и полученнаго обмѣномъ богатства вожди юго-восточнаго побережья Греціи увеличили свои военныя силы и владѣнія, построили себѣ замки. Эти бурги, болѣе укрѣпленные, но гораздо менѣе крупные, чѣмъ критскіе дворцы, подымались въ Лаконіи (въ нынѣшней мѣстности Вафіо, около спартанскаго города Амиклы),

Арголидѣ (Микены и Тиринѳъ), Аттикѣ (аѳинскій акрополь), сѣверной Беотіи (Орхоменъ). Всѣ они стоятъ въ отдаленіи отъ морского берега, чтобы не подвергаться внезапнымъ нападеніямъ. Микенскій замокъ расположенъ на скалѣ, запрятанной въ глубинѣ долины, и съ моря не виденъ. Всѣ они снабжены крѣпкими стѣнами, бойницами, западнями у входныхъ воротъ и разсчитаны на возможность продолжительной осады.

Для изслѣдователей остается трудный вопросъ о томъ, кто были носители критско-эгейской культуры? Въ какомъ отношеніи стояла эта раса къ позднѣйшимъ грекамъ? По традиціи грековъ, сами они были автохтонами въ тѣхъ областяхъ, гдѣ застаетъ ихъ исторія; только для отдѣльныхъ племенъ, какъ, напр., дорянъ, допускалось передвиженіе съ сѣвера. Но историческая цѣна этой традиціи крайне сомнительна: если Ѳукидидъ представляетъ Эгейское побережье заселеннымъ съ древнѣйшихъ временъ греками, если онъ не допускаетъ никакихъ постороннихъ вліяній и въ то же время изображаетъ старинный бытъ мелкимъ, бѣднымъ и ничтожнымъ сравнительно съ великой морской державой Аѳинъ, то здѣсь явно видны націоналистическія идеи эпохи, слѣдовавшей за отраженіемъ персовъ, и патріотизмъ аѳинянина.

А между тѣмъ критскіе дворцы были разрушены въ результатѣ какой-то опустошительной катастрофы. Старыя поселенія были покинуты, и весь бытъ круто измѣнился. Позднѣйшая Греція, большею частью республиканская, мелкообщинная, совершенно непохожа на блестящіе княжескіе дворы не только Кносса и Фэста, но даже Микенъ и Тиринѳа. И Гомеръ уже рисуетъ намъ жизнь иную, болѣе скудную и простую, чѣмъ можно представить себѣ на основаніи остатковъ роскошной художественной обстановки старинныхъ дворцовъ. Все говоритъ о большомъ перерывѣ, о насильственномъ прекращеніи критско-эгейской культуры, о ея вытѣсненіи какими-то пришлыми варварскими группами. Произошло несомнѣнно весьма крупное и продолжительное переселеніе; было нѣсколько послѣдовательныхъ толчковъ, съ извѣстными промежутками надвигались одна за другой народныя группы.

О движеніи послѣдней изъ этихъ группъ, *дорянъ*, мы знаемъ довольно хорошо. Отчего не допустить, что и предшественники дорянъ, та группа, которую эпосъ называетъ *ахеями*, также пришла съ сѣвера, надвинулась къ берегамъ Эгейскаго моря и перешла на острова, всюду стараясь овладѣть накопленными здѣсь богатствами? Съ другой стороны, старинное населеніе Крита было, повидимому, ближе по своему быту къ малоазійскимъ народностямъ, чѣмъ къ европейскимъ. Отсюда наиболѣе правдоподобно то заключеніе, что критско-эгейская культура сложилась въ средѣ расы, совершенно чуждой

позднѣйшимъ грекамъ. Ея носители находились въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ къ востоку, Египту и Передней Азіи, чѣмъ греки классической поры VI—IV вв. до Р. Х. Эллинство не составляетъ продолженія критско-эгейской культуры; греки не наслѣдники ея, а лишь преемники, больше уничтожившіе, чѣмъ захватившіе изъ ея богатствъ и ея искусства.

Воинственные народцы, которые напали на критскіе города и княжескіе дворы, принесли быть слишкомъ примитивный и не знали, какъ воспользоваться громадными дворцами, въ родѣ Лабиринта. Они сожгли старыя резиденціи, захватили движимость и даже не нашли удобнымъ поселиться на прежнихъ мѣстахъ жизни, въ этихъ слишкомъ просторныхъ стѣнахъ и покояхъ. Кноссъ и другіе города Крита были заброшены. Для воителей, такъ ярко изображенныхъ у Гомера и напоминающихъ многими чертами европейское рыцарство временъ крестовыхъ походовъ, скорѣе подошли крѣпкіе болѣе тѣсные бурги Микенъ, Тиринеа, афинскаго акрополя. Они утвердились въ старыхъ замкахъ и отсюда продолжали свои набѣги. Здѣсь ихъ застаетъ греческій эпосъ. Агамемнонъ, Менелай и пр. могутъ быть признаны, если угодно, за историческія личности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ соціальная и культурная картина Эгейскаго побережья передвинулась и совершенно измѣнилась. Старый центръ потерялъ значеніе, обезлюдѣлъ. На первое мѣсто выдвинулись занятые греческими народцами берега юго-восточной Эллады.

Изслѣдователи находятъ сходство между катастрофой эгейско-критской культуры и завоеваніемъ Римской имперіи германцами. Отсюда обозначеніе эпохи воителей, прославленныхъ эпопеей,—*греческимъ средневѣковьемъ.* Приблизительную хронологію времени опредѣляютъ такъ. Около 2000 г. начинается натискъ съ сѣвера Балканскаго полуострова народцевъ, которые потомъ подъ именемъ ахеевъ, дорянъ и т. д. появляются на побережьи. Въ свою очередь ихъ тѣснятъ племена, расположенныя еще дальше на сѣверъ и выступающія позднѣе также къ берегамъ Эгейскаго и Чернаго моря подъ именами *ѳракійцевъ* (въ Европѣ) и *фригійцевъ* (въ Малой Азіи). Къ 1500 г. греческія племена уже наводнили собою область критской культуры. Около этого времени могъ быть сожженъ Кносскій дворецъ, выстроенный въ блестящую средне-минойскую эпоху. Начинается варварскій греческій вѣкъ. Въ области Эгейскаго моря продолжаются различныя передвиженія. Если троянская война и переселеніе дорянъ признать за историческіе факты, то, можетъ быть, правильны и хронологическіе расчеты античныхъ греческихъ ученыхъ, помѣщавшихъ первое изъ этихъ событій къ 1200 г. (точнѣе 1184), а второе къ 1000 г. до Р. Х.

6. Эпоха Новаго царства въ Египтѣ.

(1580—1085.)

Военныя имперіи въ Передней Азіи съ XVIII в. до Р. X. Государство хиксовъ было первой изъ тѣхъ большихъ имперій, которыя соединили въ своихъ рукахъ обладаніе Нильской долиной съ азіатскими областями. Слѣдующія большія державы имѣли ту же тенденцію. Таково было Новое египетское царство (т.-е. 18, 19 и 20-я династіи фараоновъ отъ XVI до XI в.), имѣвшее дѣло съ такимъ крупнымъ соперникомъ, какъ азіатское государство хетитовъ. Далѣе съ широкими объединительными цѣлями выступаетъ ассирійское царство съ IX в., завладѣвающее послѣ 700 г. и Нильской долиной. Наконецъ, въ наиболѣе обширныхъ размѣрахъ объединеніе всѣхъ переднеазіатскихъ и восточно-африканскихъ оазовъ удается персидскому царству Ахеменидовъ отъ VI до IV в. до Р. X.

Всѣ эти государства основаны на своеобразной организаціи крупной военной силы, постояннаго войска, во главѣ котораго обыкновенно выступаетъ самъ верховный владыка.

Образованіе второй ѳиванской имперіи. Хиксы продержались въ Нильской долинѣ не дольше полустолѣтія. Они не акклиматизировались въ Египтѣ, сохранили свои номадныя привычки и сосредоточивались въ сѣверной части страны близко къ азіатской родинѣ. Всего слабѣе была зависимость отъ нихъ южнаго Египта, сохранившаго центръ въ Ѳивахъ: мѣстные владѣтели ограничивались отсылкой дани въ главную орду хиксовъ. Эти отдаленные ѳиванскіе вассалы опрокинули въ концѣ-концовъ господство азіатскихъ завоевателей и заступили ихъ мѣсто. Хода событій мы совсѣмъ почти не знаемъ. Освободителемъ Египта отъ чужеземцевъ слылъ ѳиванскій фараонъ Аамесъ (въ греческой формѣ Амазисъ), основатель воинственной 18-й династіи. Онъ осаждалъ Ауарисъ, но о взятіи лагеря ничего неизвѣстно. Тотъ же Амазисъ двинулся черезъ перешеекъ вслѣдъ за бѣжавшими хиксами.

(Рѣшительная борьба оиванцевъ съ хиксами приходится между 1580 и 1560 гг. до Р. Х.).

Затѣмъ слѣдуютъ одна за другой экспедиціи въ Сирію его преемниковъ, носящихъ имена Тутмесовъ и Аменхотеповъ (по-гречески Аменофисы). Египетскіе завоеватели воспроизводятъ пріемы своихъ враговъ и предшественниковъ. Отъ нихъ заимствуютъ фараоны боевую конницу и военныя колесницы; на памятникахъ впервые появляется характерная группа царя, несущагося на парѣ коней и наводящаго ужасъ на враговъ. По образцу орды степняковъ фараоны организуютъ и постоянное войско. Въ старомъ Египтѣ имѣлось только очень ненадежное ополченіе, собираемое по областямъ, и вассальные отряды инородцевъ. Долгая борьба съ государствомъ номадовъ создала особый военный классъ. Онъ составился изъ людей, покинувшихъ или потерявшихъ вслѣдствіе войны свое хозяйственное положеніе; изъ перебѣжчиковъ отъ хиксовъ, частью рабовъ, которымъ пришлось дать свободу; наконецъ, изъ разноплеменныхъ наемниковъ, которыхъ отчасти притянули выгодами, открывавшимися въ непрерывныхъ экспедиціяхъ и походахъ за добычей.

Служба у преуспѣвающихъ египетскихъ фараоновъ становится особенно прибыльной, и военные элементы стекаются къ нимъ отовсюду. Помимо темнокожихъ нубійцевъ съ юга и ливійцевъ съ запада, привлекавшихся уже раньше въ египетское войско, къ фараону идутъ различныя азіатскія племена, а главнымъ образомъ европейцы изъ-за моря: между послѣдними выдаются *шардани* (вѣроятно сарды, давшіе названіе острову Сардиніи). Египетскіе памятники изображаютъ ихъ въ металлическихъ панцыряхъ, рогатыхъ шлемахъ, съ длинными мечами и круглыми щитами, т.-е. въ качествѣ тяжело вооруженной пѣхоты, очевидно сражавшейся сплоченной фалангой; египетскій художникъ со своимъ натуралистическимъ чутьемъ подмѣтилъ коренастое сложеніе и туповатый видъ низколобой европейской расы, доставлявшей фараону чуть ли не самыхъ лучшихъ солдатъ.

На извѣстное время Нильская долина становится обширнымъ рынкомъ наемниковъ, собирающихся со всѣхъ сторонъ, а египетскій фараонъ главнокомандующимъ очень пестраго и многочисленнаго войска. Въ связи съ развитіемъ солдатчины стоятъ новыя явленія въ области землевладѣнія и рабочаго устройства на землѣ. Ветеранамъ и инвалидамъ выдаются въ видѣ пенсіи земельные участки, преимущественно въ округахъ Нильской дельты. Царю нужна земля, какъ фондъ для вознагражденія военныхъ; пользуясь своимъ новымъ авторитетомъ, сложившимся въ «освободительной» войнѣ, онъ увеличиваетъ, гдѣ только возможно, территорію государственной земли. При этомъ фа-

раонъ не забываетъ одарять своего главнаго союзника, духовенство, которое сопровождаетъ походы и завоеванія своей санкціей (отчетъ о военной кампаніи нерѣдко начинается изреченіями оракула, въ которыхъ изложенъ подробно планъ и ожидаемыя выгоды экспедиціи). Такимъ образомъ большая часть рабочаго сельскаго населенія становится барщинными крѣпостными царя или храмовыхъ владѣній. Положеніе этихъ зависимыхъ крестьянъ значительно ухудшено тѣмъ, что войны приводятъ въ страну плѣнныхъ рабовъ. Часть этихъ рабовъ примѣняется въ сельскомъ хозяйствѣ; въ случаѣ, если мѣстный крестьянинъ плохо слушается, есть возможность замѣнить его военноплѣннымъ сирійцемъ.

Эпоха тридцати фараоновъ 18-й династіи составляетъ вѣкъ милитаризма по преимуществу. Крупнѣйшій изъ этихъ завоевателей—царь Тутмесъ III (1503—1449). Въ трехъ азіатскихъ походахъ онъ обезпечиваетъ обладаніе Сиріей, беретъ приступомъ ея важнѣйшую крѣпость Мегиддо (въ сѣверной Палестинѣ, ключъ къ области Ливанскихъ долинъ) и продвигаетъ границы египетской имперіи до Евфрата и до отроговъ Тавра. Завоеваніе сѣверной Сиріи (по-египетски, страны Нахараинъ) было со стороны Египта захватомъ въ сферѣ вліянія хетитовъ, уже успѣвшихъ широкой струей распространиться по обѣ стороны средняго Евфрата. Египетская политика старается внести разладъ въ среду хетитскихъ племенъ, заключаетъ союзъ съ митанійцами, сѣвшими въ Месопотаміи, и этимъ обезпечиваетъ себѣ побѣду надъ хетитами сѣверной Сиріи.

Памятники, воздвигнутые фараонами 18-й династіи, отражаютъ ихъ воинственное увлеченіе; на стѣнахъ изображаются битвы, штурмы крѣпостей, гибель или паническій страхъ враговъ, дефилированіе плѣнниковъ и добычи въ блестящемъ царскомъ тріумфѣ; рядомъ подробныя лѣтописи военныхъ подвиговъ, по временамъ впадающія въ тонъ торжественныхъ одъ. Какія-то каннибальскія чувства находятъ себѣ выраженіе въ тріумфальныхъ обычаяхъ: при возвращеніи фараона въ Ѳивы на мачтѣ царскаго корабля привѣшиваются головой книзу трупы побѣжденныхъ вождей. Сподвижники царя славятъ его храбрость въ такихъ выраженіяхъ: «Государь былъ дикъ, какъ пантера; первымъ выстрѣломъ изъ лука онъ попалъ въ грудь подлому вождю возставшихъ». Фараонъ отправился въ Сирію, чтобы «совершить возмездіе» надъ страной, не уплатившей ему дани. «Государь прибылъ въ Нахараинъ и столкнулся съ врагомъ, который составилъ противъ него заговоръ. Тогда государь учинилъ великую рѣзню и привелъ безчисленное множество плѣнныхъ изъ побѣжденной страны».

Изъ Амарнской переписки (см. ниже) можно заключить, каковъ

былъ характеръ египетскаго господства въ Азіи. Фараонъ не вводилъ въ покоренныхъ странахъ собственной администраціи. Только общій надзоръ былъ предоставленъ присылавшемуся изъ Египта «намѣстнику сѣверныхъ областей». По отдѣльнымъ городамъ были оставлены прежніе властители подъ условіемъ уплаты фараону дани: обыкновенно старались вытребовать въ Ѳивы маленькаго наслѣдника княжескаго и дать ему здѣсь воспитаніе, чтобы потомъ утвердить владѣніе за человѣкомъ, преданнымъ Египту. Авторитетъ фараона должны были поддерживать крѣпости и помѣщаемые въ нихъ гарнизоны: знакомъ египетскаго господства въ такой военной колоніи всегда былъ храмъ имперскаго бога, Амона ѳивскаго. Фараонамъ было выгодно поддерживать соперничество среди мелкихъ князей Палестины и Сиріи; въ своихъ докладахъ, направляемыхъ къ египетскому двору, эти владѣтели клевещутъ и доносятъ другъ на друга; тѣ изъ нихъ, которые ближе къ окраинѣ пустыни, жалуются на безпокойныхъ степняковъ, врывающихся съ востока, и не прочь получить военную поддержку изъ Египта. Въ концѣ-концовъ господство египтянъ держалось страхомъ передъ нашествіемъ фараоновыхъ войскъ. Когда память о такомъ нашествіи ослабѣвала, въ Египтѣ начинали готовить новую экспедицію.

Дань, вѣроятно, шла натурой: оливками, фруктами, виномъ, кедровымъ лѣсомъ, цѣннымъ деревомъ, тканями, посудой и другими произведеніями индустріи. Въ своемъ родѣ это былъ обмѣнъ, такъ какъ фараоны должны были платить сирійскимъ князьямъ цѣнными подарками, золотомъ и т. д. за ихъ вѣрность. Такъ же, какъ Римъ въ эпоху своихъ завоеваній, Египетъ мало производитъ для вывоза; опираясь на свой авторитетъ, пуская въ оборотъ свою добычу, имперія по преимуществу покупаетъ. Районъ ея закупокъ и размѣры ввоза гораздо шире, чѣмъ они были раньше. Въ особенности замѣтенъ привозъ товаровъ изъ области Эгейской культуры; количество произведеній эгейской индустріи такъ велико, что по ея образцамъ, подъ вліяніемъ ея мотивовъ начинаютъ работать египетскіе мастера. Наводнившія страну чужеземныя богатства придаютъ жизни двора и высшихъ классовъ какой-то интернаціональный характеръ. Въ костюмѣ, въ обстановкѣ появляются сирійскія моды. Фараоны роднятся съ иностранными домами, особенно съ месопотамской династіей митанійскихъ царей, наполняютъ свои гаремы азіатскими уроженками. Въ египетскую рѣчь вторгаются въ изобиліи семитическія слова, и вмѣстѣ съ наплывомъ азіатскихъ товаровъ появляется въ Нильской долинѣ международный языкъ Передней Азіи, *вавилонскій*, а также характерное для азіатскаго Востока клинообразное письмо.

Амарнская переписка. На вавилонскомъ языкѣ составлена вся переписка фараона съ его азіатскими союзниками и вассалами, открытая (въ 1888 г.) въ мѣстности Средняго Египта, носящей современное названіе Телль-эль-Амарна. Богатая и въ высшей степени интересная находка заключаетъ въ себѣ часть архива царя Аменофиса IV, устроившаго здѣсь свою резиденцію. Документы составлены на типичномъ вавилонскомъ матеріалѣ, глиняныхъ дощечкахъ, клинописью. Не только восточные подданные и союзники пишутъ къ египетскому властителю на знакомомъ имъ азіатскомъ языкѣ, но и самъ фараонъ, или, лучше сказать, его канцелярія отвѣчаетъ на томъ же языкѣ месопотамскому и вавилонскому царямъ. Среди дѣловыхъ бумагъ есть въ архивѣ отрывки вавилонской литературы и грамматическія упражненія для изученія вавилонскаго языка. Видны даже слѣды работы египтянина надъ чуждымъ ему текстомъ: въ вавилонскомъ письмѣ, представляющемъ непрерывное нагроможденіе слоговъ, поставлены красными чернилами точки, которыя показываютъ раздѣленіе словъ и должны облегчить чтеніе для не вполнѣ утвердившагося въ языкѣ.

Для новой европейской науки Амарнская находка отмѣчаетъ важный этапъ въ знакомствѣ съ древнимъ Востокомъ. Ея документы показали, въ какой мѣрѣ Египетъ въ эпоху Новаго царства вышелъ изъ своей замкнутости; въ какой мѣрѣ вообще выработался широкій и оживленный товарный и культурный обмѣнъ въ Передней Азіи къ серединѣ 2-го тысячелѣтія; и, наконецъ, насколько доминирующей силой въ международныхъ отношеніяхъ была культура, которая составилась изъ соединенія семитскаго и сумерскаго элемента на нижнемъ Евфратѣ. Новизна и неожиданность этихъ выводовъ были таковы, что всю эпоху, современную Новому царству въ Египтѣ, назвали *Амарнскимъ періодомъ*.

Переписка захватываетъ конецъ царствованія Аменофиса III (1419—1383), послѣдняго изъ фараоновъ 18-й династіи, ходившихъ въ Сирію. Уже при немъ вліяніе египтянъ въ Азіи сильно пошатнулось. Еще болѣе этотъ фактъ сказывается при его сынѣ Аменофисѣ IV, очень миролюбивомъ и притомъ занявшемся религіозной реформой въ Египтѣ. Главная опасность для египетской имперіи надвигалась съ сѣвера отъ хетитовъ въ Малой Азіи.

Имперія хетитовъ. Хетиты при своемъ первомъ появленіи распадались на нѣсколько большимъ племенъ, какъ германцы въ эпоху переселеній. Нѣкоторыя изъ этихъ племенъ отдѣлились раньше другихъ, ушли на завоеваніе культурныхъ странъ и заняли тамъ совершенно самостоятельное положеніе, напр., Митанни въ Месопотаміи. Еще болѣе оторвались отъ основной массы тѣ группы хетитовъ, ко-

торыя ушли на югъ въ Сирію и Египетъ въ большомъ движеніи хиксовъ. За этимъ раздробленіемъ силъ послѣдовало объединеніе, исходившее отъ племенъ, которыя остались въ горныхъ областяхъ Малой Азіи. Важную роль при этомъ съиграло образованіе египетской державы, дошедшей до самаго Евфрата. Одна имперія вызываетъ къ жизни другую. Какъ Новое царство составилось на мѣстѣ государства хиксовъ и въ значительной мѣрѣ помощью средствъ, собранныхъ ими, такъ хетитскіе вожди являются преемниками и учениками завоевателей 18-й династіи.

Когда въ кругъ египетскаго господства вошли нѣкоторыя хетитскія племена, успѣвшія продвинуться въ Сирію, а митанійцы, занявшіе Месопотамію, должны были вступить въ союзъ съ фараономъ, среди загорныхъ независимыхъ хетитовъ началось объединительное политическое движеніе, подобное тому, какое наблюдается у германцевъ временъ Теодориха или Карла, подъ вліяніемъ успѣховъ Византіи и халифата. Объединителемъ выступаетъ одинъ изъ хетитскихъ князей Суббилуліума (по-египетски Сапалулу), повидимому, крупная выдающаяся личность.

Пріемы его непохожи на присоединенія, практиковавшіяся у вавилонянъ и египтянъ. Онъ начинаетъ съ организаціи союза между независимыми хетитскими племенами малоазійскаго плоскогорія. Самъ Суббилуліума, въ качествѣ главы федераціи, становится великимъ царемъ. Затѣмъ происходитъ движеніе хетитскихъ силъ черезъ проходы Тавра въ Сирію. Сѣверно-сирійскія княжества, съ хетитскими вождями во главѣ, зависѣли прямо отъ фараона или отъ митанійскихъ царей, состоявшихъ въ тѣсномъ союзѣ съ фараонами и даже породнившихся съ ними. Великій князь хетитскій неизмѣнно одолѣваетъ всѣхъ противниковъ на полѣ битвы, но потомъ въ качествѣ дипломата, выказываетъ большую осторожность.

По большей части онъ не присоединяетъ новыхъ территорій. Гдѣ возможно, во главѣ побѣжденнаго княжества оставляется прежній властитель или его наслѣдникъ. Въ своемъ походѣ за Евфратъ, при столкновеніи со своимъ главнымъ врагомъ, царемъ митанійскимъ, Суббилуліума пользуется искусно внутренними смутами; царь Тушратта убитъ, его наслѣдникъ бѣжитъ, завоеватель отдаетъ часть территоріи одному изъ хетитовъ-союзниковъ въ видѣ «подарка», а въ другой признаетъ владыкой убійцу Тушратта. Потомъ во время другого похода за Евфратъ Суббилуліума принимаетъ милостиво сына убитаго. Рѣшено обратиться къ оракулу: «богъ хетитовъ произноситъ приговоръ въ пользу Маттіуаза, сына Тушратта»; побѣдитель выдаетъ за него замужъ свою дочь и возвращаетъ ему отцовскій престолъ. Осо-

бымъ договоромъ, въ хранители котораго призываются боги той и другой стороны, сокращенное митанійское царство было поставлено подъ особый протекторатъ великаго царя. Такимъ образомъ какъ бы сохранился принципъ федераціи, и прежній союзъ, возникшій въ предѣлахъ Малой Азіи, получилъ новое расширеніе. Другимъ характеромъ отличалось подчиненіе аморитскаго вождя въ Сиріи, послѣ того какъ онъ измѣнилъ своему прежнему владыкѣ, фараону. Аморитъ получилъ прощеніе завоевателя и сталъ его вассаломъ цѣною крупной дани. Его принятіе въ число подданныхъ новой державы было также закрѣплено особымъ договоромъ, текстъ котораго, составленный какъ и всѣ другіе на вавилонскомъ языкѣ, хранился въ архивѣ великаго царя.

Всѣ эти черты дипломатіи и политической организаціи сложной имперіи, отличаясь отъ пріемовъ большихъ равнинныхъ государствъ, наиболѣе похожи на позднѣйшую администрацію персидской имперіи Ахеменидовъ, т.-е. государства, которое было основано также горцами-полуномадами, обладателями металлическихъ рудниковъ, вышедшими изъ страны близкой по своимъ природнымъ условіямъ къ Малой Азіи.

Успѣхи велико-хетитскаго царя приходятся на смутную эпоху внутреннихъ волненій въ Египтѣ, вызванныхъ религіозной реформой послѣдняго царя 18-й династіи, Аменофиса IV.

Солярный монотеизмъ и реформа Аменофиса IV. Воинственные фараоны 18-й династіи не могли ограничиться расточеніемъ милостей и подарковъ однимъ солдатамъ своимъ. Они должны были дѣлить добычу и доходы возросшей имперіи съ многочисленнымъ и вліятельнымъ чиновничествомъ («писцами»), а также съ духовенствомъ, классомъ, который выпускалъ изъ своихъ школъ администраторовъ и техниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ своимъ ученіемъ и своими обрядами высшую санкцію носителямъ власти. Безъ конца одарялъ Тутмесъ III храмы и корпораціи священниковъ и больше всего почтилъ ѳиванскаго патрона, бога Амона. Повидимому, это поведеніе великаго воителя было внушено необходимостью отблагодарить именно ѳиванскихъ священниковъ за участіе въ дворцовомъ переворотѣ, при помощи котораго Тутмесъ получилъ престолъ. Первосвященники Амона получаютъ огромное вліяніе въ управленіи: при Аменофисѣ III одинъ изъ нихъ—главный казначей, другой занимаетъ должность великаго визиря.

Это всемогущество столичнаго духовенства тяготило фараоновъ и вызывало недовольство другихъ корпорацій, священниковъ Мемфиса (при богѣ Птахъ) и Геліополя (при богѣ Ре). Въ правленіе Аменофиса IV (1383—65), сына Аменофиса III, произошло рѣзкое стол-

кновеніе царской власти съ вліятельными іерархами и въ результатѣ катастрофа культа Амона. Этотъ чисто политическій фактъ осложнился выступленіемъ новаго ученія, которое выработалось среди самого духовенства.

Въ ученыхъ школахъ священническихъ корпорацій давно уже подготовлялась отвлеченная философская теологія, все болѣе удалявшаяся отъ старинной наивной миѳологіи и тотемистики. Понятіе о божествѣ старались очистить отъ всякаго рода матеріальныхъ, зоологическихъ или профессіональныхъ атрибутовъ и разумѣть въ смыслѣ чистой духовной энергіи. Въ богословской наукѣ божество перестало быть мѣстнымъ географически связаннымъ существомъ, оно превратилось въ общеміровое, творческое и управляющее начало; представленія о многихъ, индивидуально различныхъ богахъ слились въ идею *единаго Бога*. Конечно, каждая изъ вліятельныхъ корпорацій подставляла къ этой идеѣ своего мѣстнаго историческаго бога Амона, Ре, Птаха и т. д., придавая ему универсальное значеніе.

Египетская теологія выработала нѣсколько направленій; одни болѣе умѣренныя, находили примиреніе такъ или иначе съ господствующими формами культа, другія, болѣе рѣшительныя, становились къ миѳологіи и существующей обрядности въ рѣзкую оппозицію. Выраженіе надгробныхъ надписей, что «богъ живетъ въ каждомъ человѣческомъ существѣ», показываетъ наличность мистико-пантеистическаго ученія. Его сторонники, повидимому, отдѣлялись отъ осѣдлыхъ, жившихъ на богатые доходы священническихъ корпорацій и, можетъ быть, составляли группы странствующихъ проповѣдниковъ. Согласно ихъ строго монотеистической системѣ въ мірѣ безраздѣльно царитъ солнце, податель всѣхъ благъ, источникъ всей жизни. Но солнечное божество новой теологіи не должно имѣть ничего общаго съ историческимъ богомъ Ре, къ которому пріурочена миѳологія, очень красочная, драматическая и часто непочтительная въ своихъ антропоморфическихъ картинахъ. Теперь солнце въ качествѣ верховнаго единаго бога называется Атонъ (дискъ). Всѣ старые атрибуты, изображавшіеся при немъ, змѣя, большія крылья, рога и т. д. отпадаютъ; допускается лишь символъ расходящихся отъ диска во всѣ стороны лучей, которые оканчиваются протянутыми кистями человѣческихъ рукъ—въ знакъ источаемыхъ Единымъ богомъ благъ свѣта и жизни. Эта символическая картина воспроизводится потомъ на рельефахъ, которыми царь-реформаторъ замѣнилъ всѣ прежнія, «идольскія» изображенія. Такимъ образомъ религіозные мистики создаютъ свое особое искусство, рѣзко расходящееся со всей прежней художественной традиціей. Они приносятъ также новое направленіе въ литературѣ; сло-

женный ими гимнъ во славу великаго жизненнаго начала, освѣщающаго весь міръ, напоминаетъ современнымъ изслѣдователямъ манеру и тонъ ветхозавѣтныхъ псалмовъ.

Неожиданный союзъ между религіозными ревнителями радикальнаго направленія и фараономъ—вовсе не случайность. Начало столкновенія молодого Аменофиса IV со столичнымъ духовенствомъ, съ іерархіей Амонова культа, можетъ быть, заключается въ томъ, что священники не хотѣли признать царицей-регентшей его мать Тейе, въ виду ея незнатнаго происхожденія. Но правительство не хотѣло искать противъ могущественной ѳиванской корпораціи поддержки въ такихъ же аристократическихъ и богатыхъ іерархіяхъ другихъ крупныхъ городовъ, Мемфиса и Геліополя. Оно, видимо, намѣревалось разстроить вообще авторитетъ и независимое положеніе надѣленныхъ храмовыми имуществами духовныхъ корпорацій, можетъ быть, остановить ростъ церковнаго землевладѣнія или даже приступить къ конфискаціи храмовыхъ цѣнностей.

Въ этомъ пунктѣ фараонъ сходился съ радикальными ревнителями, которые не пользовались дареніями, не имѣли участія въ доходномъ культѣ старыхъ боговъ и отрицали всю связанную съ нимъ яркую символику и обрядность; именно это совпаденіе дало имъ мѣсто при дворѣ и сдѣлало ихъ главнымъ орудіемъ въ проведеніи реформы. Сама реформа представляется въ видѣ соединенія двухъ задачъ: 1) введенія новаго, болѣе «чистаго» и отвлеченнаго монотеистическаго ученія, 2) провозглашенія новаго церковнаго строя, въ которомъ устранялась независимая іерархія, и главою духовнаго единства становился фараонъ.

Переворотъ принялъ очень рѣзкія и осязательныя формы. Фараонъ отрекся отъ великаго столичнаго и государственнаго бога Амона и перемѣнилъ свое имя, въ которомъ заключено было имя Амона, на Эхнатонъ («духъ Атона», т.-е. Солнца). Онъ прекратилъ выдачи на культъ Амона, предписалъ всюду выскоблить и закрасить печать бога и начертаніе слова Амонъ, такъ что пострадали даже памятники, воздвигнутые его отцомъ, Аменофисомъ III. Болѣе того: онъ рѣшилъ покинуть Ѳивы и создать новый религіозный и политическій центръ. Для этого была избрана мѣстность въ Среднемъ Египтѣ на правомъ берегу Нила въ пунктѣ, который представлялся серединой міра; новую резиденцію двора и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣсто главнаго поклоненія новому верховному божеству назвали Ахетатонъ (солнечный горизонтъ; это нынѣшняя Телль-эль-Амарна). По всей странѣ долженъ былъ прекратиться культъ всѣхъ старыхъ боговъ; вводилось почитаніе единаго великаго солнечнаго диска.

Катастрофа 18-й династіи. Религіозно-политическая реформа нанесла жестокій уронъ матеріальному положенію Ѳивъ, между прочимъ, столичной индустріи, работавшей вокругъ Амонова культа. Для возведенія новыхъ дворцовъ и храмовъ, для украшенія ихъ произведеніями искусства въ духѣ новаго религіознаго ученія или, по крайней мѣрѣ, въ направленіи, свободномъ отъ прежней символики, надо было привлечь массу мастеровъ и ремесленниковъ изъ круговъ, чуждыхъ Ѳивамъ и другимъ старымъ центрамъ. Отсюда та поразительная манера (ее сравнивали съ новѣйшимъ натурализмомъ и декадентствомъ), отступающая отъ всего, что́ дано было египетскимъ искусствомъ раньше и позже. Уже одинъ этотъ фактъ достаточно иллюстрируетъ жестокую конкуренцію въ индустріальной средѣ, вызванную къ жизни церковной реформой. Отодвинутая отъ власти и угрожаемая въ своемъ имущественномъ положеніи, іерархія могла опереться на широкіе ремесленные и рабочіе круги, потерявшіе хлѣбъ и заработокъ вмѣстѣ съ перенесеніемъ столицы и обращеніемъ двора къ ереси.

Фактъ религіозной революціи въ Египтѣ въ XIV в. до Р. X. представляетъ нѣчто совершенно исключительное во всей древней исторіи и открываетъ передъ нами интереснѣйшія стороны культурной жизни античнаго міра. Но въ то же время внѣшнія обстоятельства этого событія проходятъ для насъ какимъ-то мимолетнымъ метеоромъ. Новое ученіе, появившись совершенно неожиданно изъ неизвѣстной намъ глубины учено-созерцательной мысли, такъ же быстро скрывается съ поверхности, чтобы потомъ, 5—6 вѣковъ спустя, выступить въ пророческомъ движеніи у народа, стоявшаго подъ сильнымъ вліяніемъ Египта.

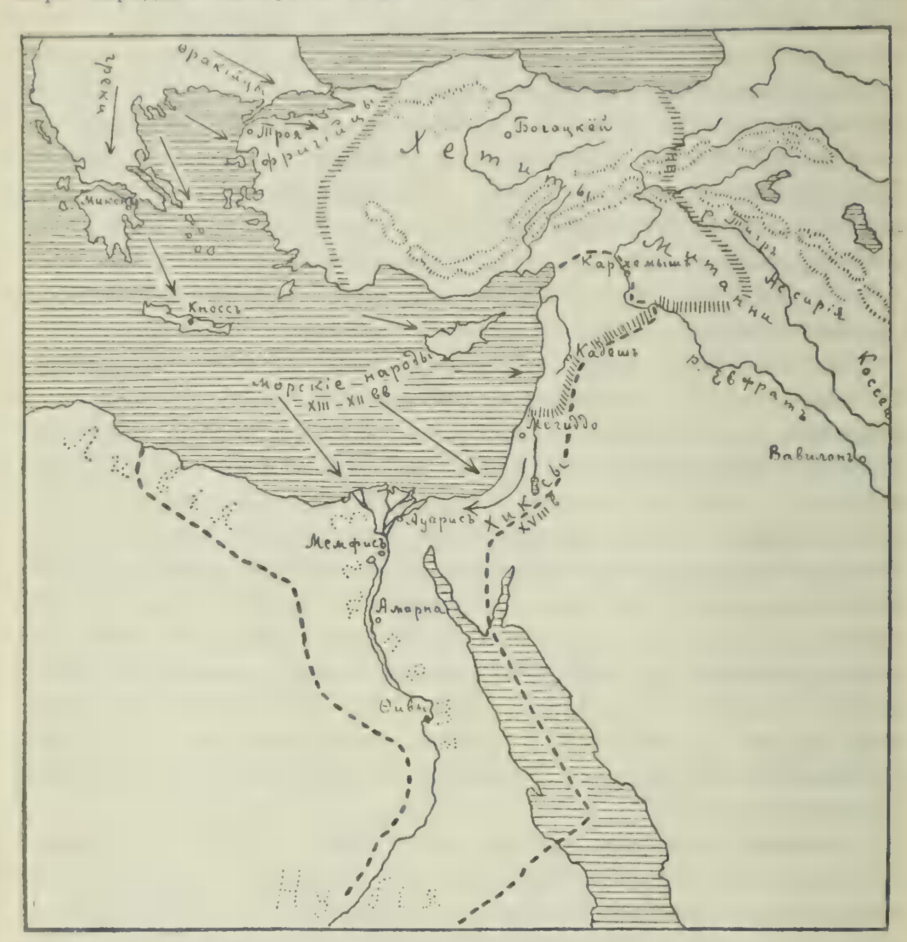
Что касается церковно-политической реформы, то она рушится вмѣстѣ со смертью Аменофиса IV. Его преемники вынуждены были покинуть новую столицу, вернуться въ Ѳивы, возвратить іерархіи ея прежнее положеніе. Среди борьбы и затрудненій, вызванныхъ реформой и реакціей, погибаетъ 18-я династія. Ее замѣняетъ съ 1350 г. новая 19-ая, которую вмѣстѣ со слѣдующей 20-й, по имени наиболѣе блестящихъ представителей, зовутъ временемъ Рамессидовъ.

Имперія Рамессидовъ. Внѣшнее положеніе Египетской имперіи ко второй половинѣ XIV вѣка крайне ухудшилось. Хетиты подвигались все дальше къ югу, заняли всю Сирію и угрожали отнять у Египта Палестину. Съ запада начинается натискъ на Дельту степныхъ ливійцевъ, получающихъ подкрѣпленіе изъ-за моря. 19-я династія выставила только одного воителя—Сети I (1327—17). Фараонъ этотъ съ успѣхомъ бился противъ хетитовъ, но смогъ отстоять противъ нихъ только берегъ Палестины и ея южную часть.

Въ теченіе долгаго царствованія его преемника Рамзеса II (1317—1250) не произошло существенныхъ измѣненій. Эта незначительная личность много сдѣлала для закрѣпленія за собой славы, въ лучахъ которой потускнѣли всѣ дѣйствительно выдающіеся его предшественники. Рамзесъ II много строилъ (между прочимъ колоссальный Рамессеумъ въ Ѳивахъ), но помимо того онъ систематически вытравлялъ и выскабливалъ имена прежнихъ фараоновъ съ большинства памятниковъ и замѣнялъ ихъ своимъ именемъ. Онъ достигъ цѣли. Легенда, перешедшая потомъ къ грекамъ и послужившая къ смѣшенію Рамзеса II съ Сезострисомъ III 12-й ѳиванской династіи, изображаетъ фараона великимъ воителемъ, безпокойнымъ и энергичнымъ организаторомъ походовъ, хотя въ дѣйствительности онъ только разъ, и притомъ съ сомнительнымъ успѣхомъ, велъ въ Палестинѣ кампанію противъ хетитовъ. О столкновеніи Рамзеса II съ врагами въ преувеличенно фантастическихъ чертахъ повѣствуетъ поэма нѣкоего Пентаурта. Царя, окруженнаго 2500 вражескими колесницами, спасаетъ богъ Амонъ: къ нему Рамзе́съ обращается въ критическую минуту, напоминая въ подробномъ перечисленіи всѣ свои подарки, постройки, украшенія храмовъ, благочестивые взносы и жертвы. Въ дѣйствительности, царь дошелъ до крѣпости Кадешъ на Оронтѣ. Здѣсь египтяне, можетъ быть, одержали побѣду, которая была скоро потомъ совершенно уничтожена новыми успѣхами хетитовъ. О возвращеніи Сиріи, о возстановленіи границъ, добытыхъ 18-й династіей, не могло быть и рѣчи. Удалось удержать за имперіей только южную часть Палестины. Фараонъ заключилъ съ хетитскимъ царемъ мирный договоръ со включеніемъ цѣлаго ряда международныхъ условій о рѣшеніи пограничныхъ споровъ, о воспрещеніи принимать перебѣжчиковъ и т. д.; они обмѣнялись обѣщаніями и взаимными комплиментами, какъ равный съ равнымъ.

Нападеніе морскихъ народовъ на Египетъ и Сирію. Тѣ благопріятныя условія, при которыхъ сложилась большая египетская держава, уже не повторились болѣе. Оба крупные противника, Египетъ и хетиты, одинаково терпятъ со второй половины XIII вѣка отъ нападенія заморскихъ племенъ, опустошающихъ берега всего Леванта, начиная отъ западнаго края Дельты и до сѣвернаго побережья Финикіи и Сиріи. Все новыя и новыя массы воителей на корабляхъ прибываютъ съ запада, стараясь утвердиться на побережьи. Въ этомъ отношеніи картина борьбы въ XII вѣкѣ до Р. Х. близко напоминаетъ XII вѣкъ послѣ Р. Х., когда европейскіе крестоносцы «франки» двигались большими массами завоевателей и колонизаторовъ на иновѣрный и иноплеменный Востокъ. Египетскіе памятники упоминаютъ среди

заморскихъ пришельцевъ Шардани, Акаіуша, Туриша и Шакаруша. Въ этихъ именахъ старались прочитать сардинцевъ, ахейцевъ, тирреновъ (этрусковъ) и сикуловъ. Вѣрно или нѣтъ каждое въ отдѣльности изъ этихъ толкованій, во всякомъ случаѣ въ нападающихъ съ моря народахъ слѣдуетъ видѣть *европейцевъ*; появленіе ихъ въ Пе-



Новое царство при Тутмесѣ III, хетитская имперія, переселенія западныхъ народовъ (XVI—XII вв. до Р. Х.).

редней Азіи необходимо въ свою очередь поставить въ связь съ движеніями, которыя привели къ концу эгейско-критской культуры.

Первыя волны греческаго переселенія не пошли дальше круга, очерченнаго берегами Эгейскаго моря. Но вслѣдъ за ранними группами греческихъ племенъ, утвердившимися на мѣстахъ старой культуры, въ Микенахъ, на Критѣ, послѣдовали другія, которыя стали

тѣснить первыхъ. Переселенцы двинулись еще дальше на югъ и западъ, увлекая съ собою въ далекія колонизаціонныя предпріятія другія береговыя племена изъ Италіи и Сициліи (шардани), а также изъ Малой Азіи (лукка, можетъ быть, ликійцы). Что это не были только грабительскіе набѣги, видно изъ поселенія грековъ на сѣверномъ берегу Кипра въ непосредственной близости Финикіи, которая въ свою очередь смогла колонизовать только южную половину острова. Также характерно поселеніе на побережьи Палестины *филистимлянъ* (по-еврейски пелиштимъ, откуда и названіе Палестина). Ихъ типъ, увѣковѣченный египетскими художниками, худыя, длинныя фигуры въ своеобразныхъ шапочкахъ, украшенныхъ вѣнцомъ развѣвающихся высокихъ перьевъ, ненависть, которую они вызывали въ семитскомъ мірѣ (филистимлянинъ—синонимъ худшаго непримиримаго врага въ глазахъ евреевъ)—все это обличаетъ въ нихъ чужое издалека пришедшее племя, можетъ быть, малоазійскаго происхожденія или даже родственное грекамъ.

Сынъ и преемникъ Рамзеса II, Меренптахъ, которому пришлось выдерживать борьбу съ нашествіемъ, въ характерныхъ словахъ выразилъ международное положеніе своего времени: «... Хета смолкъ, Ханаанъ въ плѣну со всѣми своими возмутителями, Аскалонъ взятъ, захваченъ Гезеръ, Изиралъ (Израиль?) захудѣлъ, его сѣмя погибло, Сирія—безпомощная вдова передъ Египтомъ». Среди этого наплыва воинственныхъ западныхъ колонистовъ удалось возстановить большую часть прежней египетской имперіи только царю Рамзесу III (1200—1168), второму фараону 20-й династіи.

Въ началѣ его правленія «морскіе» народы составили обширный союзъ для нападенія на страны Леванта. Располагая большимъ соединеннымъ флотомъ, они завладѣли Кипромъ и уничтожили господство хетитовъ въ Сиріи. Послѣ этого успѣха они направились на Египетъ и ввели свой флотъ въ одинъ изъ восточныхъ рукавовъ Нила. Рамзесъ III встрѣтилъ ихъ также на корабляхъ, притиснулъ враговъ къ берегу и поставилъ ихъ подъ выстрѣлы своей пѣхоты. Вслѣдъ за пораженіемъ нападавшихъ на водахъ, Рамзесъ поспѣшилъ черезъ перешеекъ и встрѣтилъ укрѣпленный таборъ союзниковъ въ южной Финикіи. Счастье было опять на его сторонѣ. Большое нападеніе европейскихъ и малоазійскихъ племенъ въ цѣломъ было отражено; но отдѣльныя группы, напр., филистимляне, остались на берегу.

Жреческая династія и политическое ослабленіе Египта. Двадцатая династія была, повидимому, выдвинута ѳиванской іерархіей Амона; богатства храмовъ пошли на военныя снаряженія въ борьбѣ съ «мор-

скими» народами. Вслѣдствіе этого преемники Рамзеса III должны были предоставить извѣстный просторъ Амоновымъ жрецамъ; югъ, безопасный благодаря отдаленному положенію, былъ отданъ въ управленіе первосвященниковъ Амона. При послѣднемъ царѣ 20-й династіи Рамзесѣ XIII первосвященникъ Херихоръ вступилъ въ соглашеніе съ военнымъ начальникомъ сѣвернаго Египта, и они раздѣлили между собою управленіе страной, отодвинувъ отъ власти «лѣниваго» царя (1085).

У современныхъ намъ историковъ большею частью принято выражаться очень неблагопріятно объ этомъ вступленіи въ администрацію духовенства; присвоеніе верховной власти со стороны египетскихъ первосвященниковъ считается чѣмъ-то возмутительнымъ. Трудно понять причины этого негодованія такъ же, какъ было бы странно встрѣтить особенное возмущеніе по поводу, напр., теократіи средневѣковыхъ папъ и ихъ торжества надъ императорами. Политическое усиленіе духовенства въ Египтѣ, вѣроятно, имѣло тѣ же основанія, что и въ эпоху ранняго средневѣковья въ Европѣ возвышеніе политической роли папъ.

Страна разорилась отъ безконечныхъ войнъ, отъ постоя многочисленныхъ наемниковъ, отъ усиленныхъ поборовъ на военныя нужды. Ярко отражается обѣднѣніе въ пріостановкѣ крупныхъ построекъ. Около 1000 года хозяйственныя строенія Рамессея, громаднаго храма 19-й династіи, разрушились въ такой мѣрѣ, что ихъ превратили въ кладбище. Изъ страха передъ грабителями, фараоны перенесли муміи старинныхъ царей въ потаенныя мѣста горныхъ ущелій и сами стали хоронить тамъ свое родство, отказываясь отъ блеска и роскоши загробнаго культа. Можно представить себѣ, что въ Египтѣ XI—IX вв. до Р. Х. такъ же, какъ въ Европѣ въ V—IX вв. нашей эры, капиталы и сбереженія направились подъ покровительство храмовъ и обителей, люди стали отдавать свое имущество и, если можно было, свою личность подъ защиту церкви, обладавшей внутренними духовными средствами, въ видѣ угрозы проклятіями или обѣщанія благъ вѣчной жизни. При большомъ довѣріи къ патронату священниковъ, понятно возрастаніе ихъ вліянія и власти: притязаніе іерарховъ на верховенство и принадлежащіе ему титулы вытекаетъ отсюда уже само собой.

Реальной власти египетскіе первосвященники не имѣли такъ же, какъ средневѣковые папы: они могли только балансировать среди военныхъ элементовъ, напиравшихъ въ свою очередь на Нильскую долину съ сѣвера и съ юга. Сначала завладѣли всѣмъ Египтомъ *ливійцы*, надвинувшіеся съ сѣверо-запада. Эти варварскія племена особенно усиленно притягивались въ войско Рамессидами. Часть наем-

никовъ была поселена въ западныхъ областяхъ Дельты; за ними слѣдомъ двинулись въ эпоху ослабленія имперіи ихъ соплеменники и колонизовали значительныя пространства Дельты. Ливійскіе вожди, начальники главныхъ военныхъ отрядовъ, захватываютъ господство надъ страной. Породнившись съ теократической династіей (21-й) они легитимируютъ свое положеніе. Къ 22-й ливійской династіи принадлежитъ царь Шешонкъ (въ Библіи Сисакъ съ 950 г.), который далъ убѣжище Іеровоаму, поднявшемуся противъ Соломона и его дома; позднѣе Шешонкъ двинулся на Палестину и унесъ изъ Іерусалима сокровища, накопленныя Соломономъ.

Столѣтіе спустя (около 850 г.) у ливійцевъ начинаютъ оспаривать обладаніе Нильской долиной *эѳіопы* Нубіи, продвигающіеся за пороги на сѣверъ. Съ эѳіопской династей встрѣчаются въ борьбѣ за Нильскую долину ассиріяне въ первой половинѣ VII вѣка.

7. Ассирія, Израиль, Халдейское царство.

(1400 — 539).

Обѣ крупныя державы, египетская и хетитская, раздѣлявшія господство въ Передней Азіи въ XV—XIII вв., разстроились почти одновременно подъ натискомъ большихъ переселеній, принесшихъ новыя народности съ моря, изъ внутреннихъ степей и изъ сѣверныхъ горныхъ странъ. Мѣсто Египта и хетитовъ до извѣстной степени заступила имперія ассиріянъ, сложившаяся на среднемъ Тигрѣ и въ Месопотаміи.

Ассирія до конца XII вѣка. Собственно Ассирія представляетъ небольшую область на лѣвой восточной сторонѣ Тигра, между двумя его притоками, верхнимъ и нижнимъ Забомъ, вмѣстѣ съ противолежащимъ правымъ берегомъ Тигра, гдѣ и находился старинный центръ страны, *Ассуръ*, въ одно и то же время имя города, племени и его бога-покровителя. Ассирія лежитъ въ полосѣ зимнихъ дождей, хорошо орошается сбѣгающими съ горъ рѣками и очень плодородна; можно думать, что страна была издавна плотно заселена. Еще болѣе, чѣмъ Вавилонія, она прониклась семитическими элементами (имена боговъ, Раммапъ, Дагонъ, Иштаръ, — исключительно семитическія). Въ то время, когда вавилонскіе цари господствовали на всей большой торговой и военной дорогѣ между двумя морями, Средиземнымъ и Аравійскимъ, Ассирія была въ подчиненіи у нихъ; ея старинныя небольшія общины, похожія на мелкія государства сумерскаго Сенаара, состояли въ вассальной зависимости отъ Вавилона и имѣли особыхъ патеси во главѣ. Съ крушеніемъ вавилонской державы Ассирія дѣлается независимой, но вмѣстѣ съ тѣмъ становится лицомъ къ лицу съ опаснымъ завоевателемъ, митанійцами. Земледѣльцамъ области средняго Тигра приходится также постоянно отбиваться отъ набѣговъ близкихъ къ нимъ горцевъ западной окраины Ирана.

Среди этихъ условій слагается воинственное государство, напоминающее нѣкоторыми чертами позднѣйшихъ римлянъ въ эпоху ихъ

завоеваній. Такое же крестьянское ополченіе, вѣчно на сторожѣ, готовое къ выступленію, потомъ превращающееся въ постоянное войско. Правильно ведомая государственная лѣтопись съ обозначеніемъ на каждый годъ эпонима на манеръ консульскихъ списковъ. Высокая техническая выработка военныхъ спеціальностей, и между прочимъ особенное искусство строить укрѣпленный лагерь. Столь знакомое изъ римской исторіи религіозное почитаніе войсковыхъ знаменъ-хоругвей. Политика выведенія военныхъ колоній на окраинахъ и обратно—принудительнаго переселенія военныхъ во внутреннія области.

До XIѴ вѣка свѣдѣнія объ Ассиріи крайне скудны. Выдается только имя царя Самсіадада III (между 1800 и 1600 гг. до Р. Х.), который громко называетъ себя въ надписи «повелителемъ вселенной, намѣстникомъ Эллиля, почитателемъ Дагона, патеси Ассура»; боги призвали его господствовать надъ «страной, лежащей между Тигромъ и Евфратомъ»; онъ поставилъ каменные памятники «въ землѣ Лабанъ у берега Великаго моря». Часть изслѣдователей предполагаетъ подъ этими словами Черное море, ссылаясь на слѣды старинной ассирійской колоніи въ Каппадокіи; но обыкновенно Великимъ моремъ называютъ Средиземное, и дѣло идетъ, можетъ быть, о раннемъ пріобрѣтеніи важной торговой дороги отъ Месопотаміи къ Финикіи. Впослѣдствіи съ XII вѣка это—чуть ли не главная цѣль ассирійской политики.

Для характеристики отношеній между Ассиріей и ея старымъ сюзереномъ, Вавилоніей, имѣется довольно подробный документъ, такъ наз. синхронистическая исторія: это—офиціальное дипломатическое соглашеніе между обоими государствами, заключающее обзоръ внѣшнихъ событій приблизительно между 1500 и 1000 гг. до Р. Х. Очень яркое освѣщеніе даетъ положенію дѣлъ въ Двурѣчьи около 1400 г. Амарнская переписка.

Въ Амарнскую эпоху Ассирія должна была отступить передъ митанійцами, занявшими Месопотамію. Митанійскій царь Тушратта могъ даже послать своему союзнику, фараону, въ видѣ подарка захваченную имъ въ Ниневіи (Нинуа ассиріянъ) статую богини Иштаръ. Но уже въ это время Ассирія независима отъ Вавилона. Въ Амарнской перепискѣ есть любопытная жалоба, съ которой къ египетскому Аменофису IѴ обращается Бурнабуріашъ вавилонскій (изъ коссейской династіи). Вавилонянинъ обиженъ появленіемъ у фараонова двора ассирійскихъ пословъ. «Зачѣмъ они пришли въ твою страну? Если ты расположенъ ко мнѣ, не вступай съ ними въ сношенія. Пусть уѣзжаютъ они, ничего не добившись. Въ видѣ подарка посылаю тебѣ 5 минъ голубого камня, 5 конныхъ упряжекъ и 5 колесницъ». По мнѣнію вавилонскаго царя, ассиріяне, какъ подданные его, не могутъ

непосредственно сноситься съ иностраннымъ государемъ; сами вавилонскіе цари въ этомъ отношеніи были корректны и отказывали въ переговорахъ хананейскимъ подданнымъ фараона, когда тѣ пытались обойти своего повелителя.—Но вассалъ былъ сильнѣе сюзерена. Сынъ Бурнабуріаша породнился съ ассирійскимъ царемъ Ассурубаллитомъ, и это дало возможность потомъ ассиріянину вмѣшаться въ дѣла вавилонскаго престолонаслѣдія.

Скоро вслѣдствіе образованія хетитской имперіи въ Сиріи и на верхнемъ Евфратѣ, разстроилось царство Митанни, и это развязало руки Ассиріи на западѣ. Ададнирари и сынъ его, Салманассаръ I (около 1300 г.) съ успѣхомъ продвигаются въ области Двурѣчья въ обѣ стороны отъ Ассиріи: на югъ къ Вавилону и на западъ къ захвату Месопотаміи. Для того, чтобы обезпечить ассирійскій центръ отъ нападеній приливающихъ съ запада номадовъ-арамейцевъ, Салманассаръ переноситъ столицу изъ Ассура, лежащаго открыто къ месопотамской степи, за Тигръ въ *Калхи* (нынѣшняя руина Нимрудъ). Сынъ Салманассара I, Тукульти-Нинибъ, даже успѣлъ захватить Вавилонъ. Въ этихъ завоеваніяхъ ясно намѣтилась цѣль послѣдующихъ походовъ ассиріянъ—обладаніе всей торговой дорогой, проходящей вдоль Евфрата между Средиземнымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ.

Вступленіе израильтянъ въ Ханаанъ. Около времени первыхъ ассирійскихъ завоеваній, когда египетское господство въ Азіи пришло въ полный упадокъ, въ области между р. Іорданомъ и моремъ появилось племя номадовъ, которые звали себя сами *сынами Израиля*, а въ устахъ постороннихъ носили имя *евреевъ*, т.-е. чужестранцевъ. Они застали въ странѣ осѣдлое семитское населеніе, съ которымъ имѣли дѣло еще египтяне Средняго царства: израильтяне назвали страну и людей *Ханаанъ* (другое позднѣйшее имя страны, *Палестина*—отъ пелешетъ, обозначенія прибрежной полосы, гдѣ утвердились пелиштимъ, филистимляне).

Традиція израильтянъ, изложенная въ книгахъ Бытія и Исхода, связываетъ ихъ съ Египтомъ и съ Сенааромъ. Прародитель Авраамъ, впервые появившійся въ Ханаанѣ, пришелъ изъ пріевфратской мѣстности; съ этимъ краемъ его потомки поддерживаютъ родственныя отношенія. Іаковъ, онъ же Израиль, уходитъ на старую родину и обратно, вмѣстѣ съ многочисленной семьей своей, переселяется (во второй разъ) въ Ханаанъ. Любимый сынъ Іакова, Іосифъ (имя крупнѣйшаго изъ израильскихъ племенъ, раздѣлявшагося на колѣна Ефремово и Манасіино) проданъ въ Египетъ, поднимается на службѣ фараона къ великимъ почестямъ и вызываетъ къ себѣ отца и братьевъ. Ихъ потомство, весь народъ израильскій, уводитъ изъ египетскаго плѣна великій вождь и зако-

нодатель Моисей; подъ его руководствомъ Израиль проходитъ пустыню и приближается (въ третій разъ) къ обѣтованной землѣ. Предводимые Іисусомъ Навиномъ, израильтяне вступаютъ съ востока въ долину Іордана и, перейдя рѣку, завоевываютъ Ханаанъ.

Еще Іосифъ Флавій пытался связать библейскій разсказъ о переселеніи сыновей прародителя Іакова въ Египетъ съ нашествіемъ хиксовъ. Если эта догадка вѣрна, то спрашивается, когда же происходилъ обратный исходъ изъ Египта и появленіе евреевъ въ Ханаанѣ? Можетъ быть, слѣдуетъ считать указаніемъ на растущій натискъ степняковъ жалобу іерусалимскаго (хананейскаго) князя, извѣстную изъ телль-амарнскаго архива: онъ проситъ помощи противъ какихъ-то *хабири*, которые грабятъ и тѣснятъ съ востока осѣдлое населеніе Палестины. Возможно, что среди этихъ номадовъ, угрожавшихъ культурной странѣ въ XIV вѣкѣ и были израильтяне.

Самый разсказъ о пребываніи евреевъ въ Египтѣ заключаетъ въ себѣ мало реальныхъ данныхъ. Современный изслѣдователь склоненъ истолковывать различныя черты сказанія о переселенія Израиля въ Египетъ и обратно, великую ночь исхода, чудесный переходъ черезъ море, возвѣщеніе божьяго закона на горѣ, наконецъ фигуру вождя, ликъ котораго послѣ встрѣчи съ божествомъ становится ослѣпителенъ, какъ солнце, въ видѣ цѣпи миѳологическихъ мотивовъ. По своему содержанію они образуютъ много заимствованныхъ египетскихъ сюжетовъ. Потому мѣстомъ дѣйствія въ разсказѣ является Нильская долина, потому такую большую роль играетъ въ легендѣ фараонъ и его дворъ, урожайные и голодные годы Египта, египетскія казни, и т. п.

Иное толкованіе можно дать той части традиціи, которая выводитъ евреевъ съ востока изъ области Двурѣчья. Здѣсь сказаніе болѣе согласуется съ тѣмъ, что́ извѣстно о путяхъ вступленія завоевателей въ страну Ханаанъ: вѣдь воинственный Израиль надвигается не съ юга, ка́къ бы надо было ожидать, если бы выходъ былъ дѣйствительно изъ Египта, а съ востока изъ-за Іордана, отъ сирійско-аравійской пустыни. Всего болѣе основанія искать связи израильтянъ съ большимъ движеніемъ *аморитовъ*, захватившимъ всю периферію пустыни, и Вавилонъ, и Месопотамію, и Сирію. Руководясь традиціей, которая могла сохранить память объ этническомъ родствѣ евреевъ съ семитскими колонизаторами Двурѣчья, ученые авторы - составители библейскихъ книгъ, обратились къ изученію вавилонской литературы, и въ результатѣ разныхъ догадокъ и сопоставленій появился любопытный разсказъ въ 14 гл. книги Бытія, согласно которому прародитель Авраамъ побѣждаетъ эламскаго царя Кедорлаомера и помогаетъ освобожденію отъ эламскаго ига вавилонскаго царя Амрафеля (Хаммураби).

Такимъ образомъ въ каждой изъ обѣихъ традицій, египетской и вавилонской, оказывается своя доля истины. Съ населеніемъ Двурѣчья евреевъ связываетъ племенное родство. Изъ Египта, благодаря географической близости и постояннымъ сношеніямъ, идетъ къ нимъ главная часть культурнаго достоянія.

Израильтяне вступили въ Ханаанъ въ качествѣ номадовъ, враждебныхъ городскому и крестьянскому населенію страны. Но они не могли въ настоящемъ смыслѣ завоевать весь край; укрѣпленные города остались для нихъ по большей части недоступными. Мало-по-малу установилось сближеніе съ туземцами: часть израильтянъ сохранила номадный бытъ, продолжая кочевать со своими стадами по холмистымъ настбищамъ плоскогорія и на окраинахъ Палестины, другіе перешли къ земледѣлію, садоводству и ремесленной городской работѣ и постепенно слились съ хананеями. Смѣшеніе двухъ народныхъ группъ ярко отразилось въ культѣ и религіозныхъ понятіяхъ. Старинный степной богъ израильтянъ, во имя котораго они вели священную войну, *Яхве* (по прежнему чтенію Іегова) слился съ хананейскимъ *Бааломъ* и принялъ всѣ черты мѣстнаго покровителя земледѣльцевъ и винодѣловъ. Между тѣмъ какъ въ пустынѣ не знали никакихъ изображеній божества, и стариннымъ святилищемъ былъ шатеръ, въ которомъ хранился ковчегъ завѣта, теперь, поселившись прочно въ богато-воздѣланной странѣ, израильтяне приняли почитаніе бога въ видѣ золотого тельца; они усвоили также роскошныя жертвоприношенія на высотахъ и характерныя для хананейскаго культа *массебы* и *ашеры*, т.-е. воздвигаемые при алтаряхъ каменные обелиски и древесные стволы, символы плодотворящей силы божества.

Арамейское движеніе и второе возвышеніе Ассиріи. Пріобрѣтенія ассиріянъ, сдѣланныя въ началѣ XIII вѣка, были скоро потеряны. Въ Вавилонѣ поднялось возстаніе противъ Тукульти-Нипиба и онъ былъ убитъ. Вавилонскіе мятежники соединились при этомъ съ ассирійской знатью, которая въ свою очередь замышляла переворотъ у себя дома. На нѣкоторое время ассиріяне задвинуты опять въ свою первоначальную область. Причиной, вѣроятно, служило наводненіе всѣхъ культурныхъ областей, лежащихъ кругомъ сѣверной части пустыни, новой волной номадовъ, арамейцами. Степняки захватили оазы и долины средней и сѣверной Сиріи, за исключеніемъ береговой полосы и одолѣли здѣсь болѣе старинныхъ и осѣвшихъ въ странѣ аморитовъ. Особенно сильны были арамейскія княжества *Соба* и *Дамаскъ*, послѣднее среди большаго плодороднаго оаза у сѣверной границы Израиля. Наплывъ арамейцевъ опредѣлилъ собою окончательно образованіе сирійскаго языка и сирійской народности; сирійцы послѣ-

дующей эпохи вплоть до ислама, это—люди арамейской рѣчи. Въ сильной мѣрѣ арамейцы заселили также Месопотамію. Арамейскій языкъ сталъ въ Месопотаміи народной рѣчью: въ дѣловыхъ документахъ къ клинописи, заключающей въ себѣ ассирійскій текстъ, прибавляютъ приписку на арамейскомъ нарѣчіи, составленную въ алфавитныхъ знакахъ.

Одновременно массами приливаютъ номады и къ Вавилоніи. Они называются здѣсь *халдеями* (кальду) и составляютъ вѣтвь арамейцевъ или близкую къ нимъ группу. Халдеи постепенно оттѣснили старое населеніе въ города и образовали нѣсколько мелкихъ княжествъ, раздѣливъ между собою равнину. Наиболѣе сильные изъ халдейскихъ князей стремятся овладѣть Вавилономъ и стать въ центрѣ его торговыхъ связей. Эти попытки вызываютъ противодѣйствіе Ассиріи, которая въ свою очередь тянется къ пріобрѣтенію нижняго Двурѣчья и выходовъ къ южному морю. Противъ Ассиріи халдеи ищутъ опоры въ старомъ антагонистѣ Вавилона, Эламѣ. Среди борьбы ассирійскаго и эламскаго вліянія Вавилонъ почти утрачиваетъ самостоятельное политическое значеніе.

Большія передвиженія степняковъ приходятся главнымъ образомъ на XII вѣкъ. Въ то же время къ берегамъ Финикіи и Палестины усиленно приливаютъ западные колонисты. Нападенія морскихъ народовъ, какъ уже было показано, повели къ крушенію египетской имперіи. Тотъ же натискъ угрожаетъ хетитамъ въ Сиріи; а вмѣстѣ съ тѣмъ держава малоазійскихъ горцевъ начинаетъ испытывать давленіе въ своемъ тылу на сѣверѣ, гдѣ появляются новые пришельцы въ лицѣ *мусхи*, или *фригійцевъ*.

Въ концѣ XII вѣка, послѣ 150-лѣтняго перерыва, начинается новое возвышеніе Ассиріи. Можетъ быть, оно составляетъ результатъ приспособленія къ арамейскому нашествію. Надо думать, что ассирійскіе цари сумѣли ввести большую часть номадовъ въ составъ своего войска. Только такимъ расширеніемъ военныхъ силъ на счетъ сосѣдей, завербованныхъ и вынужденныхъ союзниковъ, и можно объяснить вообще крупныя предпріятія и успѣхи ассирійскихъ завоевателей, такъ какъ сама Ассирія мала и могла дать лишь небольшое зерно для отборныхъ отрядовъ арміи. Вознагражденіе большого постояннаго войска, наемниковъ и союзныхъ отрядовъ составляло крупные расходы, требовавшіе немедленной оплаты. Поэтому ассирійскіе походы, помимо общихъ цѣлей—пріобрѣтенія плодородныхъ оазовъ, торговыхъ гаваней и путей сообщеній—преслѣдуютъ еще всегда непосредственную задачу: захватъ драгоцѣннаго металла въ кускахъ, деньгахъ и предметахъ, полученіе выкуповъ въ видѣ цѣнностей и различныхъ запа-

совъ; военная добыча подробно и правильно региструется. Вотъ, напр., содержаніе выкупа, уплаченнаго хетитами Кархемыша царю Ассурнасирпалу (въ началѣ IX вѣка): золотыя чаши, золотыя цѣпи, золотые клинки, 100 талантовъ мѣди, 250 талантовъ желѣза, мѣдные идолы, мѣдные сосуды, царская мебель изъ цѣннаго дерева и слоновой кости, 200 рабынь, разноцвѣтныя ткани, черный и синій кристаллы, драгоцѣнные камни, золотыя статуэтки и т. п.

Тиглатъ-Паласаръ (1118—1093) открываетъ широкую политику присоединеній. Изъ своихъ месопотамскихъ владѣній онъ идетъ къ западному загибу Евфрата и выводитъ на переправѣ ассирійскую колонію *Питру*. Затѣмъ онъ направляется къ Средиземному морю для того, чтобы обезпечить себѣ пользованіе караванной дорогой черезъ сѣверную Сирію. Фараонъ, все еще номинальный сюзеренъ Сиріи, признаетъ за ассирійскимъ царемъ владѣніе сѣверными городами Финикіи и даже присылаетъ ему въ подарокъ египетскія диковинки, крокодила и гиппопотама. Тиглатъ-Паласаръ завоевалъ также Вавилонъ; въ его распоряженіи оказалась великая дорога между двумя морями, какъ въ свое время у Хаммураби и еще раньше, у Саргона и Нарамсина. Наконецъ, ассирійскій завоеватель прошелъ на сѣверъ въ глубину армянскаго плоскогорія (страны Наири): надпись съ изображеніемъ царя есть на скалѣ у истоковъ Тигра.

Тиглатъ-Паласаръ описываетъ границы своей новой имперіи и объясняетъ, что покорилъ своей власти 42 области. «Я заставилъ ихъ говорить однимъ языкомъ, взялъ у нихъ заложниковъ и положилъ на нихъ дань и налоги». Царь руководится какими-то реставраціонными идеями: онъ возобновляетъ старый разрушенный храмъ боговъ Ану и Адада, который за 6 или 7 вѣковъ до того въ эпоху перваго возвышенія Ассиріи построилъ Самсіададъ.

Снова слѣдуетъ паденіе Ассиріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ почти полное исчезновеніе памятниковъ болѣе, чѣмъ на столѣтіе. Въ теченіе XI и X вв. въ Передней Азіи нѣтъ крупной державы. Отсутствіе большой давящей силы освобождаетъ отъ посторонняго вмѣшательства Сирію и Палестину, тѣ самыя промежуточныя страны, которыя оспаривались другъ у друга большими государствами, имѣвшими центры въ Нильской долинѣ, въ равнинѣ Евфрата и на малоазійскомъ плоскогоріи. Теперь здѣсь поднимается рядъ небольшихъ государствъ, Сидонъ и Тиръ на берегу, Дамаскъ и Соба во внутренней Сиріи, Израильское царство въ Палестинѣ.

Израильское царство и его раздѣленіе. Утвердившаяся на палестинскомъ плоскогоріи и въ долинѣ Іордана смѣшанная хананейско-еврейская народность удержалась здѣсь противъ двухъ большихъ на-

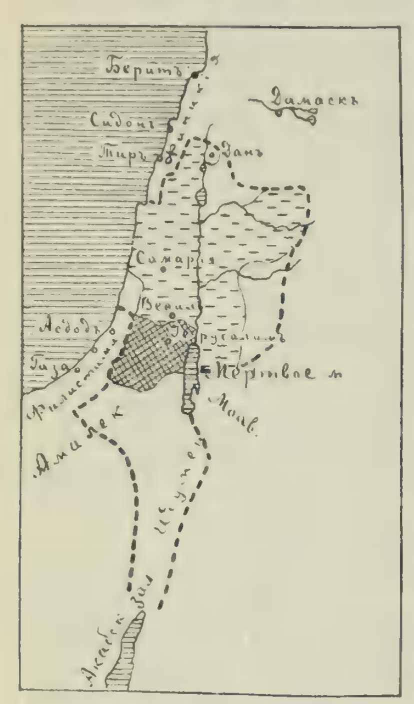
паденій: натиска съ моря *западныхъ колонистовъ* и движенія со стороны пустыни *арамейцевъ*. Эти нападенія вмѣстѣ съ тѣмъ привели къ тому раздѣленію страны, которое осталось впослѣдствіи до эллинистической и римской эпохи. Берегъ на югѣ удержали въ своихъ рукахъ западные пришельцы, филистимляне; въ глазахъ хананейско-еврейскаго населенія они всегда были ненавистной чужой силой. Далѣе на сѣверъ обособленное положеніе сохранили также города береговой полосы, отгороженной Ливанскимъ хребтомъ, Тиръ, Сидонъ, Беритъ, Гебалъ (Библъ) и Арвадъ (позднѣйшее названіе страны—*Финикія*). Внутреннія части Сиріи захватили арамейцы.

Арамейцы Соба и Дамаска сильно тѣснили израильтянъ; со стороны пустыни надвигались мелкія племена, моавитяне, аммониты, идумеи. Въ войнахъ съ восточными номадами и съ прибрежными филистимлянами израильтяне впервые сложились въ государство. Историческая традиція называетъ первымъ царемъ Саула и связываетъ его избраніе съ тяжелой борьбой противъ филистимлянъ. Враги проникли глубоко внутрь Ханаана, разбили евреевъ, захватили ковчегъ завѣта и поставили святыню въ храмѣ своего бога Дагона въ городѣ Асдодѣ. Тогда по просьбѣ старѣйшинъ пророкъ Самуилъ помазалъ на царство Саула изъ колѣна Веніаминова (въ концѣ XI вѣка). О дѣятельности Саула книга Царствъ (I, 14, 17) выражается такъ: «укрѣпивши свою власть надъ Израилемъ, Саулъ сталъ бороться противъ всѣхъ окружавшихъ его враговъ, Моава (на в.), сыновей Аммона и Эдома (идумеевъ на ю.), царей Соба (на с.) и филистимлянъ (на з.), и куда только онъ ни обращался, вездѣ одерживалъ побѣды».

Саулу не удалось основать династію. Не всѣ воинственные элементы, поднятые борьбой съ сосѣдями, сразу подчинились общей организаціи. Одинъ изъ партизанскихъ вождей, Давидъ, отдѣлился отъ Саула и основалъ на югѣ, среди колѣна Іудова, княжество, зависимое отъ филистимлянъ. Послѣ гибели Саула въ сраженіи противъ филистимлянъ, Давидъ принудилъ къ подчиненію себѣ всѣ израильскія племена и выбралъ резиденціей *Іерусалимъ* (около 1000 г.). Для того, чтобы занять созданныя войнами безпокойныя дружины, Давидъ предпринималъ новые походы и набѣги на племена восточнаго Заіорданья и на арамейскія владѣнія къ сѣверу отъ Израиля. Ветхозавѣтная хроника не скрываетъ звѣрствъ, которыми сопровождались эти предпріятія. Въ Идумеѣ военачальникъ Давидовъ, Іоавъ, приказалъ умертвить все мужское населеніе; изъ моавитянъ въ живыхъ оставили одну треть всего народа; аммонитовъ подводили подъ пилы и топоры, бросали въ печи, служившія для обжиганія кирпича.

Основанное Давидомъ израильское государство было въ началѣ

X вѣка самымъ крупнымъ въ Сиріи. При сынѣ его Соломонѣ (приблизительно 960—30) съ сѣвера сталъ угрожать Израилю арамейскій вождь Разонъ, утвердившійся въ Дамаскѣ. Соломонъ старался найти опору въ Хирамѣ, царѣ финикійскаго Тира. Ихъ «дружба», о которой говоритъ ветхозавѣтная хроника, была, повидимому, вассальной зависимостью израильскаго царя отъ обладателя важной торговой гавани; Соломонъ предоставилъ финикіянамъ свободное движеніе по Ханаану къ Акабской бухтѣ Аравійскаго залива. Израильскій царь искалъ также опоры у египетскаго фараона, готоваго возобновить свои притязанія на Палестину. Пріобрѣтеніе этихъ дружественныхъ отношеній, построеніе большого храма въ Іерусалимѣ, который долженъ былъ усилить авторитетъ царя, блестящій дворъ Соломона стоили большихъ средствъ, и для того, чтобы ихъ достать, введены были тяжелые налоги. Отсюда сильное недовольство въ народѣ противъ іерусалимскаго царя.



Государство Давида и его раздѣленіе на царства Израильское и Іудейское.

При сынѣ Соломона, Ровоамѣ, оно выразилось въ томъ, что сѣверныя колѣна, главная масса израильскаго народа, отложились и провозгласили своимъ царемъ Іеровоама, нашедшаго поддержку въ Египтѣ; только колѣно Іуды осталось вѣрнымъ Давидову дому. Ханаанъ раздѣлился между двумя царствами: бо́льшимъ, израильскимъ на сѣверѣ и меньшимъ, іудейскимъ на югѣ. Очень возможно, что раздѣлъ произошелъ въ силу властнаго приговора египетскаго фараона, въ интересахъ котораго было поддерживать въ Палестинѣ разладъ. Самъ фараонъ Шешонкъ, давшій въ свое время убѣжище и помощь Іеровоаму, появился скоро въ Іерусалимѣ, разграбилъ городъ и унесъ сокровища, накопленныя Соломономъ.

Іеровоамъ израильскій построилъ въ противовѣсъ Іерусалиму и его храму два святилища на сѣверной и южной окраинѣ своего царства, въ Данѣ и Веѳилѣ (Бетель). Въ обоихъ мѣстахъ были поставлены золотые тельцы, старинныя изображенія ханаанейскаго бога грозы и покровителя земного плодородія. Въ сѣверномъ царствѣ были

сосредоточены главныя силы и богатства израильскаго народа. Трудолюбивое осѣдлое населенiе разработало долины и склоны горъ подъ хлѣбныя поля, сады и виноградники; въ шумныхъ и яркихъ празднествахъ отражалось его настроенiе; старинный хананейскiй культъ, усвоенный израильтянами, носилъ жизнерадостный «дiонисовскiй» характеръ.

Наибольшая опасность Израилю грозила со стороны полуномадныхъ арамейцевъ, укрѣпившихся въ Дамаскѣ. Начальникъ израильскаго войска, Омри (Амврiй) захвативши верховную власть (887 г.), выбралъ своей резиденцiей укрѣпленную *Самарiю*. Его сынъ, Ахавъ, ищетъ подобно Соломону, поддержки противъ Дамаска въ финикiйскомъ Тирѣ. Женой его становится дочь тирскаго царя, Iезавель, и вмѣстѣ съ нею въ страну прибываютъ многочисленные жрецы почитаемаго въ Финикiи Баала. Въ это время въ сирiйскiя дѣла вмѣшалась вновь усилившаяся Ассирiя.

Походы ассирiянъ на западъ. Первымъ завоевателемъ новой (третьей) эпохи ассирiйскаго возвышенiя былъ Ассурнасирпалъ (883—69). Его фигура высѣчена на скалѣ у истоковъ Тигра въ странѣ Наири, рядомъ съ изображенiемъ перваго покорителя, Тиглатъ-Паласара. Ассурнасирпалъ впервые примѣняетъ въ широкихъ размѣрахъ систему образованiя провинцiй и выведенiя ассирiйскихъ колонiй въ покоренныя страны. Въ Месопотамiи было образовано намѣстничество съ главнымъ городомъ Харраномъ. Затѣмъ Ассурнасирпалъ идетъ такъ же, какъ его предшественники на западъ къ загибу Евфрата, покоряетъ Кархемышъ и другiя сирiйскiя княжества хетитовъ, остатки раздробленной хетитской имперiи. Наконецъ онъ пробивается черезъ владѣнiя арамейскихъ князей къ Средиземному морю. Въ своей лѣтописи онъ повѣствуетъ: «въ то время я направился за Ливанскiй хребетъ и спустился къ великому морю запада. Въ великомъ морѣ я умылъ свое оружiе и принесъ богамъ жертвы. Отъ царей морского берега, отъ владѣтелей Тира и Арвада, который лежитъ среди моря, я принялъ въ качествѣ дани серебро, золото, свинецъ, мѣдь, мѣдную посуду, окрашенныя и полотняныя ткани, цѣнное дерево... все лежало у ногъ моихъ». По каннибальской жестокости, кажется, никто изъ безпощадныхъ ассирiйскихъ царей не превзошелъ Ассурнасирпала, по крайней мѣрѣ, судя по его самовосхваленiямъ: не разъ заявляетъ онъ, что при взятiи города сжегъ все населенiе; иногда—сжегъ многихъ плѣнныхъ, остальнымъ кому отрѣзалъ руки, кому носъ и уши, кому выкололъ глаза; иногда—подвязывалъ въ видѣ особеннаго издѣвательства, отрубленныя головы къ виноградным лозамъ.

Для обезпеченiя пути къ Финикiи Ассурнасирпалъ выстроилъ на

сѣверной окраинѣ Ливана ассирійскую крѣпость *Арибуа* и вывелъ сюда колонію. Но ассиріяне не могли считать себя спокойными обладателями важной торговой дороги, пока въ средней Сиріи господствовалъ сильный арамейскій владѣтель Дамаска. Съ другой стороны, ассиріяне начинаютъ чувствовать давленіе новаго противника, появляющагося на сѣверѣ, въ горахъ Арменіи. Это *урартійцы*, образовавшіе Ванское царство (названіе отъ надписей, высѣченныхъ въ скалахъ у озера Ванъ). Положеніе ихъ вблизи металлическихъ рудниковъ (у грековъ населеніе этого края, *халибы*, считалось особенно искуснымъ въ приготовленіи стали), въ защищенныхъ горныхъ долинахъ, напоминаетъ положеніе малоазійскихъ хетитовъ. Такъ же легко, какъ хетиты проходили въ сѣверную Сирію, урартійцы могли проникнуть въ Месопотамію, главную житницу ассиріянъ; тѣмъ же движеніемъ они могли преградить доступъ изъ Ассиріи къ морскимъ гаванямъ Киликіи и сѣверной части Финикіи.

Такимъ образомъ Дамаскъ и урартійцы тѣснили съ двухъ сторонъ ассирійскую дорогу къ западному морю, и она становилась все болѣе узкой полосой, угрожаемой съ обоихъ фланговъ, сѣвернаго и южнаго. Начиная съ преемника Ассурнасирпала, Салманассара II (860—25) ассиріяне ставятъ себѣ цѣлью расширить линію сообщеній между Месопотаміей и Финикіей. Для этого нужно было сломить арамейскій Дамаскъ, который пріобрѣлъ господство надъ большей частью Сиріи. Салманассаръ II повторяетъ путь Ассурнасирпала черезъ Месопотамію въ сѣверную Сирію, но поворачиваетъ вверхъ по Оронту на югъ. При Каркарѣ (854 г.) происходитъ большая нерѣшительная битва, въ которой Бенхададъ (Биридри) дамасскій выставилъ противъ ассиріянъ 12 вассаловъ своихъ, въ томъ числѣ Ахава израильскаго и степнаго шейха арабскаго (это первое появленіе въ исторіи *арабовъ*, слѣдующей за арамейцами и въ общемъ счетѣ 4-й волны номадовъ, идущихъ изъ глубины сирійско-аравійской степи).

Сближеніе Ахава съ Дамаскомъ составляетъ въ свою очередь результатъ внутренняго движенія въ израильскомъ обществѣ. Противъ тирскаго бога Баала, особенно чтимаго при дворѣ, выступили пророки, Илія, а за нимъ Елисей. Пророки (*небіимъ*) составляли издавна группы странствующихъ иноковъ и проповѣдниковъ, съ наклонностью къ аскетизму и экстазу. Илія и его сторонники подняли теперь голосъ не только противъ культа чужаго финикійскаго божества, но и вообще противъ роскошества жертвъ и блеска праздниковъ; они хотѣли очистить и возвысить почитаніе хананейско-израильскаго бога Яхве. Судя по послѣдующему возстанію въ войскѣ (командира Іеуя, помазаннаго затѣмъ на царство Елисеемъ) пророки опирались на во-



Ассирійская имперія, ея вассалы и сосѣди въ X в. до Р. Х.—1 дамасское царство, 2 израильское, 3 іудейское, 5 вавилонское, 6 эламское, 7 собственно Ассирія.

енные элементы. Съ другой стороны, къ нимъ примыкали *рекабиты* и *назиреи*, сектанты, враждебные земледѣльческой культурѣ, богатству и роскоши городского быта, вдохновлявшіеся суровой грубостью номадной жизни въ шатрахъ, дававшіе обѣтъ воздержанія отъ вина. Пророки были въ то же время агитаторами въ пользу союза Израиля съ Дамаскомъ: по разсказу библейской книги Царствъ, Елисей свободно переходитъ на территорію Дамаска; для него какъ бы не существуетъ политической границы. Уступая давленію всѣхъ этихъ силъ, Омриды должны были и сами искать поддержки у Дамаска.

Салманассаръ нѣсколько разъ возвращался къ борьбѣ съ Дамаскомъ. Постепенно успѣхъ сталъ склоняться на его сторону. Извѣстное значеніе при этомъ имѣла новая перемѣна, происшедшая въ израильскомъ царствѣ. Начальникъ войскъ Ахава, Іеуй, воспользовался смертью царя и получивъ благословеніе пророка Елисея, истребилъ весь домъ Омридовъ вмѣстѣ съ тирской его родней въ лицѣ Іезавели. Но утвердившись въ Самаріи, центрѣ Израильскаго царства, Іеуй отказался отъ союза съ Дамаскомъ и согласился признать верховенство ассирійскаго царя. Обелискъ Салманассара II изображаетъ между прочимъ сцену преклоненія Іеуя, лежащаго ницъ, передъ новымъ сюзереномъ. Рельефная картина вполнѣ отвѣчаетъ выраженію надписей о подчинившихся властителяхъ: «поцѣловалъ ноги царя и вымелъ землю своей бородой». Въ знакъ утвержденія своего на финикійскомъ берегу Салманассаръ велѣлъ высѣчь свое изображеніе на скалѣ Нар-эль-Кельбъ (близъ Берита) рядомъ съ большой надписью Рамзеса II, выгравированной за 400 лѣтъ до того: это былъ какъ бы символъ замѣны египетской имперіи у моря ассирійской державой.

Наибольшихъ размѣровъ достигло ассирійское государство при царѣ Ададнирари III (811—783). Въ Дамаскѣ погибла династія Бенхадада, и Сирія признала верховенство ассирійскаго царя. Съ другой стороны, ему подчинился Вавилонъ. Все большое полукружіе оазовъ, охватывающихъ съ сѣвера великую пустыню, находилось въ непосредственномъ владѣніи или вассальной зависимости отъ Ассиріи.

Религіозно-политическія отношенія въ Передней Азіи въ VIII и VII вв. До середины VIII в. у насъ есть возможность довольно подробно ознакомиться съ внѣшней исторіей Ассиріи (благодаря надписямъ царей и такъ наз. спискамъ *лиму*, т.-е. краткимъ лѣтописямъ, годы которыхъ обозначены именами смѣняющихся сановниковъ эпонимовъ). Такъ какъ, однако, внутреннія отношенія остаются въ тѣни, то трудно понять главную особенность въ судьбѣ этой имперіи: смѣну быстрыхъ сокрушительно успѣшныхъ ея выступленій періода-

ми полнаго разстройства, за которыми опять слѣдуетъ новое рѣшительное и побѣдоносное движеніе. Что́ касается эпохи новоассирійскаго царства (съ Тиглатъ-Паласара III въ 745 г. и кончая паденіемъ Ниневіи въ 607 г.) историкъ находится въ болѣе счастливомъ положеніи; онъ располагаетъ въ библейскомъ изложеніи книгъ Царствъ источникомъ, который можетъ служить дополненіемъ и поправкой къ хроникѣ ассирійскихъ царей, составленной съ исключительно военно-политической точки зрѣнія и при характерныхъ для нея умолчаніяхъ и искаженіяхъ. Но помимо того, библейское изложеніе, хотя имѣетъ въ виду узкое мѣстное поле зрѣнія, однако, даетъ чрезвычайно своеобразное освѣщеніе всей исторіи Передней Азіи за данный періодъ.

Прежде всего оно отмѣчаетъ ясно фактъ, который можно предполагать на основаніи давнихъ культурныхъ и политическихъ сношеній между странами, лежащими въ кругу Передней Азіи. Политическія силы Сиріи, Финикіи и Палестины очень хорошо освѣдомлены о томъ, что́ дѣлается на Евфратѣ, въ Вавилонѣ, и то же самое обратно. Такимъ образомъ, напр., подготовляется большая коалиція противъ ассирійскаго господства во всѣхъ трехъ концахъ имперіи: между сирійцами, урарту и Вавилономъ. Но этого мало: соединяясь въ политическіе союзы, народности не остаются замкнутыми и обособленными въ своей мѣстной жизни; выработалось нѣчто гораздо большее, чѣмъ только международная дипломатія. Приблизилась внутренняя жизнь каждой изъ нихъ другъ къ другу, существуютъ общія группировки интересовъ, проходящія черезъ всѣ государства, есть, такъ сказать, интернаціональныя партіи, которыя сближаютъ раздѣленныя между собою политическія тѣла. Это обстоятельство даетъ возможность одному государству поддерживать въ средѣ другого своихъ сторонниковъ, больше того, имѣть своихъ агентовъ или даже агитаторовъ въ духѣ опредѣленной политики.

Въ качествѣ такихъ политико-религіозныхъ дѣятелей уже выступали въ израильскомъ царствѣ IX вѣка *старшіе пророки*, Илія и Елисей, когда вели пропаганду въ пользу Дамаска и противъ финикійскаго Тира. Болѣе ста лѣтъ спустя, съ паденіемъ израильскаго царства (взятіе Самаріи ассиріянами 722 г.), въ маленькомъ іудейскомъ царствѣ, сохранившемъ самостоятельность, появляется новая группа ораторовъ, поэтовъ и публицистовъ, въ лицѣ *младшихъ* пророковъ (Амосъ, Исаія и др.). Ихъ дѣятельность гораздо яснѣе для насъ, такъ какъ сохранились непосредственныя выраженія ихъ голоса и мнѣній, хотя и въ сильно переработанномъ потомъ видѣ. Исаія предостерегаетъ іудейскаго царя Езекію (Хискія) не заключать союза

съ вавилонскимъ претендентомъ, халдеемъ Меродахъ-Баладаномъ (Мардукъ-аплу-иддинъ) противъ Ассиріи. Позднѣе во время похода на Египетъ Сеннахериба Исайя успокаиваетъ іудейскаго царя пророчествомъ, что ассирійское войско не затронетъ Іерусалима. Еще нѣсколько позднѣе, когда въ 701 г. Сеннахерибъ дѣйствительно осадилъ Іерусалимъ, Исайя возвѣщаетъ близкое избавленіе, такъ какъ ассиріянъ должно отвлечь вавилонское возстаніе, что̀ и исполняется. Совѣты и пророчества Исаіи показываютъ его хорошую освѣдомленность въ иностранныхъ дѣлахъ. Онъ—представитель оппозиціи господству ассирійской имперіи. Но у него есть аналогичные противники въ лицѣ агитаторовъ и политическихъ совѣтниковъ, дружественныхъ Ассиріи, до извѣстной степени, сторонники офиціальнаго теченія, обязательнаго для вѣрныхъ вассаловъ великаго царя.

Нечего и говорить, что политическая программа всегда есть и религіозная. Войны ассиріянъ ведутся во имя Ассура и другихъ національныхъ боговъ покровителей, слѣд. сопровождаются вѣроисповѣдными побѣдами и преслѣдованіями. Подчинившійся вассалъ сохраняетъ своего бога и свои святыни, но они должны склониться передъ ассирійскимъ великимъ богомъ и слать ему подарки и приношенія. Въ случаѣ же невѣрности и мятежа Ассуръ требуетъ уничтоженія сферы чужого исповѣданія. Вся территорія непослушнаго народа со всѣми поселеніями и владѣніями, въ томъ числѣ жилищемъ и имуществомъ бога, подвергается разграбленію; изображеніе божества и вмѣстѣ съ нимъ какъ бы само божество увозится къ побѣдителямъ въ качествѣ трофея. Все уничтожается, вплоть до имени разоренной и опустошенной бывшей священной столицы (такъ же потомъ поступили римляне, искоренившие имя Іерусалима и замѣнившие его Эліей Капитолиной). Это не только политико-національная, но и религіозная смерть. Оппозиція въ свою очередь должна отвѣчать на такую политику своей церковной и религіозной программой.

Религіозное движеніе въ Іудеѣ VIII и VII вв. Въ эпоху разрушительныхъ ассирійскихъ нашествій религіозные вопросы въ сохранившемъ независимость іудейскомъ царствѣ принимаютъ очень острый характеръ; слагаются требованія реформы, среди которыхъ можно различить нѣсколько оттѣнковъ. Въ Іерусалимѣ очень замѣтно поднимается партія аристократической іерархіи. Въ противовѣсъ израильскимъ Омридамъ, которые породнились съ іудейскими царями и сдѣлали ихъ своими вассалами, первосвященникъ возводитъ на престолъ своего претендента, малолѣтняго Іоаса (837 г.). Іерархія предъявляетъ царямъ настойчивое требованіе уничтожить мѣстныя святилища въ городахъ и деревняхъ и сосредоточить весь культъ въ большомъ

іерусалимскомъ храмѣ. Съ этой программой сходится отчасти монотеистическое ученіе, сторонники котораго поднимаютъ стариннаго мѣстнаго хананейско-израильскаго Яхве, открывавшагося въ грозной тучѣ или въ огнѣ, на степень единаго міроправящаго Бога. Крайнимъ крыломъ монотеизма являются направленія мистико-раціоналистическія, идеи «бѣдной церкви», возникающія, какъ протестъ противъ воинственнаго государства и противъ богатой іерархіи. Родиной всѣхъ этихъ ученій можно считать Египетъ, гдѣ уже въ XIV вѣкѣ было сильное движеніе къ духовной вѣрѣ. Египетское вліяніе на Іудею тѣмъ болѣе правдоподобно, что южная часть Палестины дольше всего оставалась во владѣніи египетской имперіи, и потомъ, когда начались большія нашествія ассиріянъ, Іудея искала опоры у ближняго культурнаго сосѣда своего.

Какъ въ Египтѣ XIV в. при Аменофисѣ IV, такъ въ Іудеѣ VII в., при иныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, въ виду грознаго врага съ Востока, религіознымъ реформаторамъ удалось добиться успѣха. По настоянію іерархіи и при сочувствіи пророковъ, царь Езекія (720—692) велѣлъ разбить идолы (особенно мѣднаго змія и золотыхъ тельцовъ), устранить массебы и ашеры (священные обелиски и стволы) и запретилъ молитвы и жертвоприношенія на высотахъ съ тѣмъ, чтобы сосредоточить культъ Яхве исключительно въ Іерусалимѣ. Реформа удовлетворяла іерархію главнаго города, такъ какъ устранялись ея соперники въ лицѣ мѣстныхъ священниковъ другихъ городовъ и деревень; но она не вполнѣ отвѣчала ученію пророковъ, изъ которыхъ многіе возставали противъ культа въ самомъ храмѣ іерусалимскомъ, требуя внутренняго, духовнаго почитанія Бога.

Преемникъ Езекіи, царь Манассія, ради дружбы съ могущественной Ассиріей, широко раскрылъ двери евфратскимъ богамъ. При іерусалимскомъ храмѣ появилась колесница бога солнца и священные кони; введено было почитаніе «небеснаго воинства», т.-е. звѣзднаго двора великаго Солнца. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ городахъ Іудеи опять возстановили старинный оргіастическій и роскошный хананейскій культъ. Религіозная политика царя Манассіи сопровождалась кровавыми преслѣдованіями; по преданію, имъ былъ замученъ пророкъ Исаія. Среди реакціи партія монотеистовъ выработала строгую систему новаго вѣроученія и очищеннаго культа. Эта система изложена въ книгѣ Второзаконія (введенной потомъ въ Пятикнижіе Моисея), которая могла появиться въ свѣтъ лишь при преемникѣ Манассіи, благочестивомъ царѣ Іосіи (639—608).

Когда первосвященникъ предъявилъ царю «книгу законовъ Яхве», открытую въ храмѣ, Іосія ужаснулся творящимся всюду нечестивымъ

обрядамъ. Рѣшено было приступить къ реформѣ (621 г.), главнымъ моментомъ которой сдѣлалась новая и окончательная централизація культа въ Іерусалимѣ. Реформа была опять побѣдой богатой іерусалимской іерархіи и снова не соотвѣтствовала идеямъ пророковъ и сторонниковъ бѣдной церкви. Запрещая поклоненіе на высотахъ и въ мѣстныхъ святилищахъ, царь хотѣлъ позволить священникамъ мелкихъ городовъ и деревень, лишившимся куска хлѣба, совершать молитвы при большомъ храмѣ. Но іерархи, вопреки этому желанію и противъ началъ, изложенныхъ въ самомъ Второзаконіи, не допустили сельскихъ священниковъ къ культу и оставили ихъ въ бѣдственномъ положеніи.

Іерархія и цари въ Ассиріи. Борьба религіозно-политическихъ партій въ Іудеѣ, выясняющаяся на основаніи библейскихъ книгъ, дастъ указанія для поисковъ и толкованій въ болѣе широкой сферѣ. Мы въ правѣ представить себѣ существованіе аналогичныхъ партій въ Ассиріи и Вавилоніи и вмѣстѣ съ тѣмъ подобныя же столкновенія, но въ болѣе обширныхъ размѣрахъ.

Въ Ассиріи по мѣрѣ увеличенія богатства и размѣровъ государства должны были возрасти параллельно двѣ союзныя и въ то же время соперничающія силы: царская власть, опиравшаяся на войско и свѣтское чиновничество, а съ другой стороны—духовная власть, крупная іерархія. Судя по примѣру египетскаго Новаго царства, и въ Ассиріи, надо думать, іерархія заняла руководящее положеніе при организаціи имперскихъ финансовъ. Значительная часть добычи, за вознагражденіемъ войска, поступала въ подарокъ богамъ, во имя которыхъ велись войны, т.-е. отдавалась на храненіе въ качествѣ фонда въ храмовые сокровищницы и склады. Располагавшіе этими запасами священники кредитовали затѣмъ командировъ при организаціи новаго военнаго предпріятія. Помимо такого чрезвычайнаго примѣненія положенныхъ въ храмовыя кассы суммъ, существовалъ болѣе постоянный, широкій и въ то же время размельченный кредитъ въ видѣ отдачи золота и серебра въ оборотъ торговцамъ. По мѣрѣ того, какъ Ассирія обращалась все болѣе въ крупную торговую державу, завладѣвшую большой дорогой отъ Средиземнаго моря къ Индіи, росло вліяніе и богатство кредитодателей и финансистовъ, руководившихъ храмовыми кассами. Изъ подарковъ, изъ обширныхъ угодій, отписанныхъ богамъ тріумфаторами, на основѣ большихъ оборотныхъ капиталовъ, стало развиваться крупное земельное хозяйство. Іерархія сдѣлалась слишкомъ самостоятельной, и цари должны были почувствовать давленіе ея авторитета.

Особенно стала сказываться эта конкуренція съ тѣхъ поръ, какъ

ассирійскіе завоеватели захватили старый религіозный центръ, Вавилонъ, по своему значенію напоминающій средневѣковый Римъ. Вавилонская іерархія, можетъ быть, вступала по временамъ въ союзъ съ ассирійской, во всякомъ случаѣ выставляла свои притязанія. Она не мирилась съ зависимымъ положеніемъ Вавилона и требовала, чтобы ассирійскій завоеватель короновался самъ въ Вавилонѣ или, въ качествѣ особаго вавилонскаго царя, ставилъ своего сына наслѣдника. За политической программой должны были крыться требованія финансовыхъ привилегій для вавилонскихъ святилищъ. Это видно изъ условій, въ которыхъ протекаютъ моменты кризиса, разрыва, и съ другой стороны,—примиренія между царями и іерархіей. Когда ассирійскимъ царямъ нужно было пріобрѣсти расположеніе вліятельныхъ силъ вавилонскаго общества, они хлопотали объ украшеніи храмовъ, о возстановленіи и упорядоченіи взносовъ и приношеній, направлявшихся въ склады и кассы. Обратно, встрѣчая отказъ въ кредитѣ на свои военныя предпріятія, они не останавливались передъ конфискаціей «сокровищъ Мардука». То и другое случилось при крупнѣйшемъ ассирійскомъ завоевателѣ Саргонѣ въ 709 и 704 гг. до Р. Х.

Столкновенія между свѣтской и духовной властью создавали серьезныя потрясенія въ ассирійскомъ государствѣ. Въ Ассиріи къ тому же былъ свой старый религіозно-политическій центръ, Ассуръ, соперничавшій съ новой, чисто свѣтской и военной резиденціей въ Калхи. Въ 763 году въ Ассурѣ произошло возстаніе противъ царскаго правительства, находившагося въ Калхи. Вѣроятно царь долженъ былъ сдѣлать уступки ассурской іерархіи, такъ какъ въ 745 году обратно происходитъ движеніе въ Калхи: военная партія низвергаетъ династію и возводитъ претендента (Тиглатъ-Паласара III), который принимается за политику, рѣшительно враждебную храмовымъ аристократіямъ. Въ 722 году—новый переворотъ и опять низверженіе династіи; царскую власть захватываетъ военный командиръ Саргонъ, находящій выгоднымъ сблизиться съ іерархіей, какъ ассурской, такъ и вавилонской. Саргонъ отдаетъ старыя привилегіи городамъ Ассуру и Харрану (въ Месопотаміи) и взамѣнъ, при помощи іерархіи, старается вывести свой родъ отъ стариннаго ассурскаго царскаго дома. Такимъ образомъ три переворота въ теченіе 40 лѣтъ и смѣна трехъ правящихъ династій.

Волненія и смѣна правителей показываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какими опасными конкурентами для ассирійскаго царя являлись начальники военныхъ силъ,—положеніе, напоминающее условія римской имперіи. Возможно, что узурпаторъ, при своемъ воцареніи, давалъ обѣщаніе конфисковать и раздѣлить между сторонниками своими вла-

дѣнія «мертвой руки», т.-е. храмовыя имущества. Такую программу могъ впрочемъ объявить и законно-водворившійся правитель для того, чтобы обезпечить за собою вѣрность своихъ солдатъ и офицеровъ. Подобнаго рода антиклерикальной политики держался второй царь изъ династіи, основанной Саргономъ, Сеннахерибъ, разрушитель Вавилона. Ни одинъ изъ ассирійскихъ царей не имѣлъ дѣла съ такимъ множествомъ возстаній и ни одинъ не совершилъ столько походовъ и военныхъ экспедицій, притомъ большею частью неудачныхъ. Постоянной нуждой въ деньгахъ, необходимостью заглушать ропотъ своей арміи объясняется колоссальная конфискація храмовыхъ сокровищъ Вавилона и другихъ старыхъ «священныхъ» городовъ нижняго Двурѣчья, совершенная Сеннахерибомъ, типичнымъ ассирійскимъ нечестивцемъ и иконоборцемъ. Ассирійская исторія VIII и VII вв. представляется вообще полемъ непрерывной борьбы свѣтской и духовной власти, столкновеній между претендентами, возрастающихъ притязаній арміи, для удовлетворенія которой приходится совершать новыя экспропріаціи, вызывающія и новыя волненія. Отсюда объясненіе крупныхъ колебаній въ судьбѣ ассирійской имперіи, а также объясненіе ея быстрой и неудержимой гибели.

Ново-ассирійское царство. Революція 763 года стоила потери всѣхъ пріобрѣтеній династіи, правившей въ Ассиріи съ IX вѣка. Тиглатъ-Паласаръ III (745—27) и Саргонъ (722—05) создали до извѣстной степени заново переднеазіатскую ассирійскую имперію. Оба царя, узурпаторы, вышедшіе изъ среды командировъ арміи, были выдающимися военными реформаторами. Надо думать, что прежде всего имъ удалось значительно увеличить численный составъ ассирійскаго войска и довести напряженіе милитаризма до высшей степени, какая только была возможна при тогдашнихъ финансовыхъ и техническихъ средствахъ. Изслѣдователи считаютъ, что царь новоассирійской державы могъ располагать, въ видѣ максимума, 150,000 солдатъ. Изъ этого числа только около половины составляло собственно ассирійское, «царское» войско; остальная часть набиралась изъ вассальныхъ отрядовъ. Но и царское войско представляло въ концѣ-концовъ сборную массу, въ которой ассиріяне тонули среди разнообразныхъ національностей; солдаты давно уже не были ополченіемъ, а вербовались и нанимались на службу, подобно римскимъ легіонерамъ поздней республиканской и императорской эпохи.

Для организаціи пестрыхъ отрядовъ наемниковъ и кліентовъ, прибывавшихъ съ разныхъ сторонъ, требовалось большое искусство. Батальная скульптура ассиріянъ даетъ понятіе о необыкновенной выработкѣ технической стороны военнаго дѣла. Спеціальные виды ору-

жія, военныя колесницы со стрѣлками, верховые стрѣлки, тяжеловооруженные копейщики, пѣхотные стрѣлки, пращники, саперы, всѣ они занимаютъ опредѣленное тактическое мѣсто въ атакахъ, защитѣ позицій, въ штурмахъ, преслѣдованіи врага и т. п. Ассирійскіе воители избѣгаютъ по возможности долгихъ осадъ; крѣпость обыкновенно берется штурмомъ, и на изображеніяхъ можно прослѣдить различные этапы взятія укрѣпленнаго города: сначала надвигаются по крутымъ склонамъ вверхъ стрѣлки въ парахъ съ солдатами, которые прикрываютъ ихъ большими плетеными щитами, упертыми въ землю; потомъ подвозятъ тараны, которыми бьютъ въ стѣну, и высокія башни, съ которыхъ стараются перейти на бойницы осаждаемыхъ. Въ заключеніе поджогъ взятой крѣпости, изъ которой предварительно солдаты уносятъ все цѣнное, торопливо сбѣгая по уклонамъ окружающихъ крѣпость окоповъ и валовъ. Часто изображена также переправа войска съ обозомъ черезъ рѣку, между прочимъ въ характерныхъ плетеныхъ круглыхъ лодкахъ, полъ которыхъ заливался асфальтомъ. У ассиріянъ была выработана система быстрыхъ движеній и переходовъ, которые, независимо отъ прямой цѣли—совершить какую-нибудь экзекуцію—служили впечатлѣнію внезапности неудержимаго натиска какъ бы вездѣсущихъ, строго вымуштрованныхъ, безпощадныхъ воиновъ. Въ знаменитомъ описаніи ассирійскаго войска у пророка Исаіи (5, 26 слѣд.) говорится: «смотри, вотъ они спѣшно и быстро подходятъ, и нѣтъ среди нихъ ни одного усталаго или ослабѣвшаго, никто не задремлетъ и не заснетъ. Ни у кого изъ нихъ не распустится поясъ на боку и не оборвется ремень на обуви; стрѣлы у нихъ заострены, всѣ тетивы натянуты. Копыта ихъ коней словно изъ камня, а колеса какъ бурный вихрь. Ревъ ихъ подобенъ львиному, они ревутъ, какъ молодые львы, съ рычаніемъ хватаютъ добычу и уносятъ ее, никто не въ силахъ укрыться отъ нихъ!» Въ томъ же духѣ самовосхваленіе царя Саргона: онъ называетъ себя «могучимъ героемъ, который вооруженъ ужасомъ, не нашелъ въ битвахъ болѣе сильнаго, чѣмъ онъ самъ, пробивался безъ счета черезъ высокіе хребты, поднимался къ крутымъ проходамъ и глядѣлъ на горные пути, поднимался по неприступнымъ и никѣмъ неизвѣданнымъ, страшнымъ на видъ тропамъ, переправлялся черезъ глубокіе потоки въ ущельяхъ» и т. п.

Ассирійская завоевательная политика и администрація. Походы Тиглатъ-Паласара III и Саргона представляютъ рядъ экзекуцій и конфискацій въ отношеніи къ бывшимъ вассаламъ Азіи, отпавшимъ во время смутной эпохи середины VIII вѣка. Тиглатъ-Паласаръ обрушивается на Вавилонъ, затѣмъ на города сѣверной Сиріи, вступив-

ніе въ союзъ съ урартійцами и загородившіе дорогу ассиріянамъ къ Средиземному морю: урартійцы отбиты въ горы, сѣверная Сирія обращена въ ассирійскую провинцію. Потомъ слѣдують походы въ горныя области на востокѣ и сѣверѣ, осада урартійскаго царя Сардури въ его неприступной крѣпости у оз. Ванъ. Снова ассиріяне идутъ на Сирію, поворачиваютъ къ юго-западу, разоряютъ финикійскіе и филистимскіе города, расправляются съ Дамаскомъ, который становится ассирійской провинціей. Среди этихъ походовъ наносится жестокій ударъ израильскому царству: часть населенія уведена въ плѣнъ и поселена колоніями въ Месопотаміи и на границѣ Мидіи (734 г.); у царя израильскаго осталась лишь резиденція Самарія съ небольшой областью Ефремова колѣна; іудейскій царь Ахазъ сохранилъ свое маленькое владѣніе цѣною полнаго подчиненія.

Слѣдующій крупный воитель, Саргонъ, помирившись съ іерархическими кругами Вавилона, устремляется опять на западъ. Онъ уничтожаетъ остатки хетитскихъ владѣній въ Сиріи и уводитъ плѣнныхъ хетитовъ въ глубину Ассиріи съ замѣной ихъ на мѣстѣ ассирійскими колонистами. Далѣе Саргонъ доканчиваетъ завоеваніе израильскаго царства; въ 722 г. Самарія взята и разрушена; высшіе классы мѣстнаго населенія, іерархія, чиновники, военные, въ количествѣ 27,000 слишкомъ, переводятся во внутреннія области Двурѣчья. Іерусалимъ былъ пощаженъ благодаря осторожности Езекіи, послушавшагося совѣтовъ пророка Исаіи и не примкнувшаго къ союзу съ главой вавилонскаго возстанія Меродахъ-Баладаномъ. На сирійскомъ побережьи Саргонъ образуетъ новыя провинціи: морскіе города филистимлянъ попытались опереться на союзъ съ арабскими степными шейхами, но въ результатѣ лишь новый разгромъ.

Въ политикѣ новоассирійскаго царства замѣтна перемѣна сравнительно съ предшествующей эпохой. Систему вассальныхъ владѣній всюду заступаетъ присоединеніе провинцій и непосредственное управленіе захваченными областями. Вмѣсто періодическаго полученія дани съ зависимыхъ городовъ и княжествъ, завоеватель предпочитаетъ взять сразу всѣ запасы, увезти къ себѣ всѣ цѣнности и даже переселить въ метрополію часть населенія покоренной страны. Такая политика была очень нераціональна въ хозяйственномъ смыслѣ, это было чистое хищничество, посредствомъ котораго завоеватель подрѣзывалъ корни существованія своей имперіи. Объясненіе лежитъ въ финансовомъ и экономическомъ кризисѣ, переживавшемся Ассиріей. Издержки на громадную военную силу, ея снаряженіе, содержаніе, мобилизацію и т. д. требовали такой большой наличности, которой не могли дать ни храмовыя кассы, если еще іерархія соглашалась платить,

ни взносы вассаловъ. Производительность страны съ развитіемъ крупныхъ экономій и исчезновеніемъ крестьянства не только не повышалась, но еще должна была падать. Оставалось только отчаянное средство—опустошенія окраинъ и сосѣдей, возвратъ къ варварскимъ «догосударственнымъ» пріемамъ стариннаго номаднаго быта. Съ другой стороны, воинственное правительство разсчитывало остановить грозившее самой метрополіи оскудѣніе и съ этой цѣлью переселяло массами военноплѣнныхъ внутрь страны; они должны были составить новые кадры хозяевъ и рабочихъ и оживить заброшенный край. Безъ сомнѣнія, цари прежде всего старались посредствомъ крѣпостной колонизаціи обезпечить владѣнія собственныя и представителей крупной бюрократіи, военной и гражданской; но они не могли также не оказать услуги своему главному кредитору, іерархіи и крупнымъ храмовымъ имѣніямъ.

Такъ или иначе выигрывали большія экономіи, становившіяся на новую основу крѣпостныхъ барщинъ и оброковъ привязаннаго къ землѣ рабочаго населенія, наблюденіе за которымъ велось изъ центральныхъ дворовъ крупныхъ хозяйствъ. Здѣсь, можетъ быть, надо искать образованія того хозяйственнаго права, которое передвигалось вмѣстѣ съ формами власти и управленія все дальше на западъ и въ римской имперіи появилось въ видѣ колоната.

Истощеніе метрополіи и ближайшей къ ней территоріи, Месопотаміи, заставляло ассирійскихъ царей добиваться непосредственнаго обладанія двумя большими житницами того времени, Вавилономъ и Египтомъ. Преемникъ Саргона, Сеннахерибъ (705—681) преслѣдуетъ одновременно обѣ эти цѣли. Въ началѣ своего правленія онъ встрѣчается съ коалиціей различныхъ силъ, враждебныхъ Ассиріи: въ Палестинѣ филистимскіе города и іудейскій царь Езекія опираются на эѳіопскаго царя Тахарку, владѣтеля Египта; въ Вавилоніи старый претендентъ Меродахъ-Баладанъ вступаетъ въ союзъ съ эламитами. Сеннахерибъ захватилъ нѣсколько іудейскихъ крѣпостей, осадилъ Іерусалимъ, но, согласно предсказанію пророка Исаіи, городъ остался цѣлъ: Сеннахериба отвлекло вавилонское возстаніе. Послѣ ряда походовъ въ Вавилонію Сеннахерибъ, наконецъ, принимаетъ мѣру крайне рѣзкую. Ассиріяне немилосердно разрушаютъ Вавилонъ, подвергаютъ разграбленію старыя святилища, увозятъ вавилонскихъ боговъ на сѣверъ. Вавилонъ обращенъ въ пустырь, какъ сто лѣтъ спустя Іерусалимъ (689; 588). Огромная экспропріація, совершенная Сеннахерибомъ, составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ разрывъ великаго государя съ религіозными традиціями старины, и въ этомъ смыслѣ напоминаетъ карательную экспедицію, отправленную 14 вѣковъ спустя дамасскимъ

халифомъ противъ Мекки и Медины: въ разграбленіи и поруганіи религіознаго центра выразилось также свѣтское «западничество» Омайядовъ, отвернувшихся отъ старой теократіи.

Сеннахерибъ и у себя въ Ассиріи не ладилъ съ духовенствомъ. Онъ переноситъ свою резиденцію изъ Калхи, но не въ старый Ассуръ, какъ требовала іерархія, а въ новый пунктъ, *Ниневію*. Эта военная столица, просуществовавшая меньше столѣтія, осталась, однако, въ глазахъ подчиненныхъ и окружающихъ народностей синонимомъ страшнаго ассирійскаго господства.

Съ экспедиціей Сеннахериба на югъ связаны его попытки утвердиться въ приморской полосѣ у Персидскаго залива и нанести рѣшительный ударъ Эламу. Ассирійскія войска были посажены на транспортныя суда, построенныя финикіянами, и этотъ единственный за все время существованія ассирійской имперіи «флотъ», гдѣ въ веслахъ сидѣли *финикійскіе* и *греческіе* матросы, подвезъ десантъ къ эламскому берегу. Въ техникѣ, перевозочной и артиллерійской, ассиріяне опять показали много искусства и энергіи. Но серьезныхъ результатовъ Сеннахерибъ не достигъ; Эламъ сохранилъ свою территорію и свою независимость.

Такъ же неудачны были попытки Сеннахериба продвинуться въ Египетъ и отнять Нильскую аллювіальную полосу у эѳіопскихъ царей, занимавшихъ мѣсто фараоновъ. Походы ассирійскаго царя ярко отпечатлѣлись въ традиціи маленькаго іудейскаго царства, уцѣлѣвшаго отъ ассирійской грозы, частью благодаря своей искусной политикѣ лавированія, частью при помощи союзовъ съ Вавилономъ и Египтомъ. Іудейская хроника разсказываетъ о великомъ страхѣ, царившемъ въ Іерусалимѣ, о выкупѣ, послѣ котораго ассирійскій царь ушелъ въ первый разъ, о второмъ нашествіи и чудесномъ избавленіи города (можетъ быть, благодаря чумѣ, разразившейся въ лагерѣ Сеннахериба). По поводу прибытія въ Іерусалимъ посольства отъ Меродахъ-Баладана и посѣщенія имъ сокровищницы царя Езекіи іудейская традиція влагаетъ въ уста Исаіи слѣдующее пророчество: «смотри (царь), придутъ времена, и все, что есть въ твоемъ домѣ, и что́ собрали отцы твои до нынѣшняго дня, будетъ унесено въ Вавилонъ и ничего здѣсь не останется, такъ говоритъ Господь».

Все вниманіе Сеннахериба было обращено на южныя области, между тѣмъ какъ владѣнія Ассиріи на сѣверѣ, въ гористыхъ странахъ Арменіи и восточной части Малой Азіи пришлось бросить на произволъ судьбы. Его преемникъ Асархаддонъ продолжаетъ ту же внѣшнюю политику при измѣненіи внутренней. Сынъ вавилонянки, онъ прежде всего хлопочетъ о возстановленіи стараго священнаго центра

и возвращеніи привилегій вавилонской іерархіи. Можетъ быть, такимъ способомъ Асархаддонъ пріобрѣлъ кредитъ для новой и на этотъ разъ успѣшной египетской экспедиціи (671 г.). Тахарка былъ нѣсколько разъ разбитъ ассирійскими войсками, и они послѣдовательно заняли Дельту, Мемфисъ и Ѳивы. У сирійскаго побережья ассиріяне продолжаютъ свою разрушительную политику: крупнѣйшій городъ Финикіи, Сидонъ, былъ совершенно разгромленъ, все старое населеніе торговаго порта истреблено или уведено въ плѣнъ; позднѣйшій Сидонъ, построенный рядомъ съ развалинами—уже не финикійскій городъ, а колонія ассиріянъ.

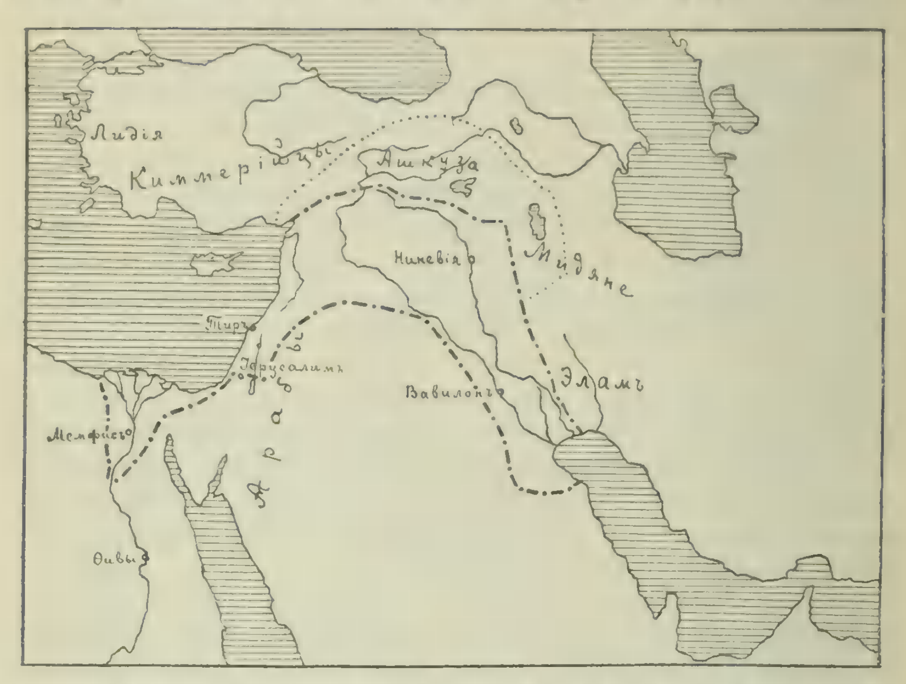
Начало распаденія ассирійской имперіи. Послѣднее свое завоеваніе, Египетъ, ассиріяне скоро опять потеряли. Преемникъ Асархаддона, Ассурбанипалъ (668—26), былъ вынужденъ предоставить Нильскую долину своей участи. Сынъ уведеннаго въ ассирійскій плѣнъ саитскаго князя (г. Саисъ въ западной Дельтѣ), Псамметихъ, сначала въ качествѣ вассала Ассиріи (съ 663 г.), подчинилъ себѣ постепенно другихъ областныхъ владѣтелей Египта, а затѣмъ, опираясь на ливійцевъ и прибывавшихъ съ моря грековъ, отдѣлился отъ Ассиріи (около 645 г.) и основалъ 26-ую *саитскую* династію, просуществовавшую до завоеванія Египта персами (въ 525 г.). Нильская долина сохраняетъ свою самостоятельность противъ завоевателей Передней Азіи при помощи иностранныхъ связей. Псамметихъ вступаетъ въ союзъ съ лидійскимъ царемъ Гигесомъ. На службѣ фараона появляются греческіе наемники: на выходахъ Нила къ морю возникаютъ торговыя поселенія грековъ (Навкратисъ).

Долгое правленіе Ассурбанипала отмѣчено явнымъ уклономъ большой ассирійской имперіи. Все свое вниманіе онъ долженъ устремить на сохраненіе вавилонской низины, какъ главнаго питательнаго рессурса державы. Между тѣмъ Вавилонъ почти отдѣлился подъ управленіемъ Шамашшумукина, брата Ассурбанипала: независимый царь вавилонскій опирается на іерархію и на сосѣдній Эламъ. Лишь послѣ упорной борьбы удается Ассурбанипалу вернуть верховенство надъ Вавилономъ и окончательно разгромить Эламъ; при этомъ ассирійскій царь проявилъ свое благочестіе заботами о возвращеніи изъ эламскаго плѣна знаменитаго изображенія богини Иштаръ, похищеннаго болѣе полутора тысячи лѣтъ до того сузіанскимъ царемъ Кудурнахунди.

Однако, и эти успѣхи были пріобрѣтены цѣною отказа Ассиріи отъ всякаго вліянія въ сѣверныхъ гористыхъ странахъ Малой Азіи, Арменіи и Ирана, гдѣ между тѣмъ происходили крупныя и важныя передвиженія.

Приливъ новыхъ народностей въ этотъ край, обозначаемыхъ обыкно-

венно именемъ *индоевропейскихъ*, начался раньше VII вѣка, и въ числѣ осѣвшихъ племенъ были ближніе сосѣди Ассиріи, *мидяне*, въ сѣверо-западномъ углу Ирана. Мидяне занимали относительно ассирійскихъ плодородныхъ оазовъ то же положеніе, что̀ эламиты относительно Вавилоніи; у нихъ былъ свободный доступъ къ террасамъ, лежавшимъ у подножія горъ, черезъ проходы, важнѣйшимъ изъ которыхъ былъ Арбельскій (впослѣдствіи противъ этого прохода произошла рѣшительная битва между Александромъ и Даріемъ Кодома-



Ассирійская имперія при Ассурбанипалѣ (около 650 г. до Р. Х.). На сѣверѣ показана граница прежнихъ владѣній Ассиріи, утраченныхъ въ VII вѣкѣ.

номъ). Мидяне располагали, какъ въ свое время хетиты, металлическими рудниками; въ западной окраинѣ Ирана, въ горахъ южнаго берега Каспійскаго моря, въ возвышенностяхъ Паропамиза (на границѣ Туркестана) имѣлись не только богатыя залежи мѣди, но и запасы олова, сравнительно рѣдкаго вообще.

Нѣкоторое время Ассирія держала мидянъ въ подчиненіи, но начиная съ Сеннахериба интересы и цѣли южной политики, направленной на Вавилонъ, Палестину и Египетъ, заняли въ такой мѣрѣ вниманіе ниневійскихъ правителей, что сѣверные вассалы, въ томъ числѣ мидяне, освободились. Между тѣмъ въ горной полосѣ появились массы новыхъ народностей. Особенно бурно надвигались *ким-*

мерійцы. Въ Малой Азіи они заняли мѣсто сократившихся въ числѣ и постепенно обезцвѣтившихся хетитовъ. Въ своемъ первомъ нашествіи они оттѣснили другія племена, сидѣвшія въ плоскогоріяхъ Передней Азіи, между прочимъ урартійцевъ и отчасти мидянъ. Отдѣльныя группы киммерійцевъ пробились въ Сирію и дошли до границъ Египта.

Правительство Ассурбанипала уже не могло занять въ этомъ международномъ мірѣ господствующее положеніе: оно держалось политикой союзовъ, на которую противники въ свою очередь отвѣчали группировкой соглашеній и союзовъ въ своей средѣ. Одно время Передняя Азія живетъ въ системѣ политическаго равновѣсія, которая послѣ паденія Ассиріи и замѣны ея Вавилономъ опять возобновляется вплоть до большого персидскаго завоеванія. Въ серединѣ VII вѣка противники Ассиріи—Египетъ, управляемый саитской династіей, мидяне, киммерійцы въ восточной части Малой Азіи. Ассурбанипалъ старается опереться противъ нихъ на *лидійское* государство въ западной части Малой Азіи и на скиѳское племя *Ашкуза*, занявшее мѣсто Урарту въ Арменіи. Ассирія уже очень слаба, и ея слабостью объясняется между прочимъ то, что маленькое іудейское царство не только уцѣлѣло, но и провело у себя религіозную реформу (царя Іосіи 621 г.), столь враждебную Ассиріи.

Правленіе Ассурбанипала хорошо намъ извѣстно благодаря открытію его архива въ Куюнджикѣ. Изученіе библіотеки послѣдняго крупнаго ассирійскаго царя составило важный моментъ въ исторіи европейской науки XIX в. По повелѣнію Ассурбанипала, были собраны произведенія старовавилонской литературы и приложенные къ нимъ комментаріи, переводы и грамматическія пособія для изученія мертваго стариннаго (сумерскаго) языка; благодаря этому новѣйшіе ученые получили ключъ къ чтенію текстовъ, находимыхъ въ нижнемъ Двурѣчьи и относящихся къ третьему тысячелѣтію до Р. X.

Раздѣлъ Ассиріи между мидянами и халдеями. Время послѣднихъ двухъ царей Ассиріи и обстоятельства окончательнаго паденія Ниневіи представляются неясными. Свѣдѣнія о событіяхъ конца VII в. имѣются только въ греческихъ источникахъ, весьма неточныхъ (греки считали послѣднимъ царемъ Ниневіи, погибшимъ въ пожарѣ ея, Сарданапала-Ассурбанипала), и въ іудейской хроникѣ, гдѣ иностранныя извѣстія вообще случайны и отрывочны. Уничтоженіе Ассиріи составляетъ дѣло двухъ союзниковъ, мидянина Кіаксара и халдея Набополассара, при чемъ первый выступаетъ болѣе активно и занимаетъ потомъ преобладающее положеніе. Въ 607 г. Ниневія была взята и основательно разрушена мидянами. Въ Іерусалимѣ извѣстіе о гибели ассирійской столицы вызвало величайшую радость; пророкъ На-

умъ привѣтствуетъ паденіе города «кроваваго грѣха». Въ результатѣ весь лѣвый берегъ Тигра, т.-е. собственно Ассирія, отошелъ къ иранскому государству. Мидяне заняли также весь задній флангъ бывшей ассирійской державы, всѣ высоты, командующія надъ Двурѣчьемъ: къ нимъ перешла Арменія и восточная часть Малой Азіи до р. Галиса, тогда какъ вавилонско-халдейскому союзнику досталась сѣверная Сирія и Месопотамія.

Раздѣлъ ассирійской имперіи съ объединеніемъ въ рукахъ мидянъ всей горной полосы, составляющей хребетъ Передней Азіи, составляетъ первый рѣшительный шагъ къ образованію большой *иранской* державы, организованной потомъ Киромъ и Даріемъ. До этого времени народности, занимавшія горы, которыя полукружіемъ облегаютъ оазы Передней Азіи, какъ ни силенъ былъ по временамъ ихъ натискъ, все-таки выступали разрозненно, и обладатели низинъ Двурѣчья могли пользоваться разъединеніемъ ихъ силъ. Теперь, помимо того, что эти силы были соединены въ одно государство, Двурѣчье не могло найти, какъ раньше, противовѣса въ воинственныхъ элементахъ пустыни. Притокъ номадовъ съ юга остановился; движеніе арабовъ не шло дальше сѣверо-западнаго угла Аравіи, вклиненнаго между Египтомъ и Палестиной. Поэтому нововавилонское государство халдеевъ, должно было, подобно Египту саитскихъ фараоновъ, прибѣгать къ найму военныхъ силъ на сторонѣ, въ томъ числѣ *грековъ*. Уже Ассирія примѣняла греческихъ наемниковъ. Время около 600 года какъ разъ является самой горячей порой греческой колонизаціи, т.-е. широкаго распространенія торговыхъ и военныхъ предпринимателей, пиратовъ, купеческихъ компаній и вооруженныхъ дружинъ, которые служатъ и Египту, и Лидіи, и государствамъ Двурѣчья. Изъ людей извѣстныхъ можно назвать служившаго въ Вавилонѣ Антименида митиленскаго, брата аристократическаго поэта Алкея, въ свою очередь изгнаннаго съ о. Лесбоса въ борьбѣ противъ демократіи.

Іерусалимъ и халдейская держава. Нововавилонское царство было еще слабѣе, чѣмъ Ассирія VII вѣка. Оно едва могло удержать за собою Сирію и Палестину и отстоять этотъ край отъ притязаній саитскихъ фараоновъ.

Незадолго до паденія Ниневіи Нехо II, сынъ Псамметиха, двинулся черезъ Суэцкій перешеекъ и разбилъ загородившаго ему дорогу іерусалимскаго царя Іосію. Іосія погибъ въ сраженіи, а его старшій сынъ Іоахазъ былъ отведенъ въ плѣнъ въ Египетъ. Между тѣмъ пала Ниневія, и противъ фараона выступилъ въ качествѣ наслѣдника ассирійскихъ притязаній второй царь халдейской династіи Навуходоносоръ (Набукудуруссуръ 605—562). Нехо успѣлъ добраться до Евфрата,

когда его настигъ при Кархемышѣ вавилонскій царь. Въ результатѣ пораженія фараона, египтяне должны были очистить Палестину. Іудея сдѣлалась вассаломъ Вавилона.

Новыя столкновенія халдейскаго царя съ Египтомъ повели къ гибели маленькой Іудеи. Пророкъ Іеремія указывалъ на силы Вавилона: «Я (Яхве) отдалъ всѣ эти страны въ руки Навуходоносора царя вавилонскаго, раба моего». Несмотря на эти предостереженія, іудейскій царь попытался отложиться. Къ Іерусалиму подошелъ самъ Навуходоносоръ. Халдеи примѣнили въ Іудеѣ тотъ самый способъ экзекуціи, который былъ въ ходу въ ново-ассирійскомъ царствѣ. Царь Іойакинъ (Іехонія), просившій о пощадѣ, былъ взятъ вмѣстѣ съ 3023 именитыми людьми Іерусалима въ плѣнъ и отведенъ внутрь Вавилоніи. Находившійся среди плѣнниковъ пророкъ Іезекіиль называетъ, въ качествѣ мѣста поселенія іудеевъ, рѣку Хобаръ (по толкованію современныхъ американскихъ археологовъ, это—большой каналъ города Ниппура).

Послѣдовало новое отложеніе іерусалимскаго царя Седекіи, который разсчитывалъ на помощь египетскаго фараона Хофра (Апріеса по греческому произношенію). Вавилонское войско осадило Іерусалимъ, но въ слѣдующемъ году сняло осаду при появленіи египтянъ. Общее мнѣніе было, что вавилонская опасность прошла. Но сторонникъ мира съ Вавилономъ, убѣжденный въ его силѣ, пророкъ Іеремія, совѣтовалъ попрежнему. «Не обманывайте себя сами, говоря: уйдутъ и оставятъ насъ халдеи,—потому что они не оставятъ насъ. Если бы вы даже разбили всю армію вавилонянъ, которая сражается противъ васъ, и осталось изъ нихъ только нѣсколько раненыхъ, эти самые люди, каждый въ своей палаткѣ, поднялись бы и сожгли нашъ городъ огнемъ». За такія рѣчи Іеремія, по настоянію противниковъ своихъ «лжепророковъ» былъ посаженъ въ тюрьму, изъ которой его освободилъ Навуходоносоръ, когда въ слѣдующемъ году взялъ Іерусалимъ (588).

Городъ былъ превращенъ въ развалины. Вавилонскій царь перебилъ сыновей Седекіи, выкололъ ему глаза и увелъ его въ плѣнъ вмѣстѣ съ партіей противниковъ Вавилона; увезены были всѣ сокровища и святыни. Отъ Іерусалима Навуходоносоръ обратился къ другому мятежному городу, финикійскому Тиру. Послѣ долгой осады Тиръ постигла та же судьба, что́ Іерусалимъ.

Нововавилонское государство по всему складу своего управленія и политики воспроизводило новоассирійское эпохи Саргонидовъ. Тѣ же расправы съ мятежниками, превращенія взятыхъ городовъ въ пустыри и увозъ боговъ, то же переселеніе плѣнниковъ въ качествѣ крѣпостныхъ

во внутреннія области. Повидимому, тотъ же разладъ свѣтской и духовной власти; халдейскіе цари, сколько можно судить, держались въ отношеніи іерархіи, ея богатствъ, ея круга вѣдомства и управленія тѣхъ же пріемовъ, что ассиріяне Тиглатъ-Паласаръ III и Сеннахерибъ. Отсюда сближеніе іерархіи съ посторонними силами, враждебными халдейскимъ царямъ.

Въ 40-хъ годахъ VI вѣка за горами на востокѣ складывается новое иранское государство, въ которомъ преобладаніе принадлежитъ *персамъ*. Мидяне входятъ въ составъ обширнаго союза, организованнаго на подобіе великаго государства хетитовъ, подъ верховенствомъ персидскаго царя. Объединитель, Киръ, доканчиваетъ завоеванія мидянъ включеніемъ въ составъ ирано-малоазійской имперіи лидійскаго царства вмѣстѣ съ подчиненными ему іонійскими греками. Такимъ образомъ завершается объединеніе всей горной полосы, облегающей цѣпь оазовъ Передней Азіи. Противъ этой силы не могли удержаться, даже въ союзѣ между собой, старые соперники, Вавилонъ и Египетъ. Вдобавокъ вавилонская іерархія выдала халдейскую династію персидскому завоевателю. Киръ взялъ Вавилонъ безъ осады и былъ признанъ законнымъ государемъ съ утвержденія мѣстной духовной власти (539).

Взятіе Вавилона персами и объединеніе иранцами всей Передней Азіи вмѣстѣ съ Египтомъ (походъ Камбиза 525 г.) заводитъ насъ уже глубоко въ эпоху классической Греціи. Предпослѣдній египетскій царь Амазисъ (568—26) былъ въ союзѣ съ Крезомъ лидійскимъ и Поликратомъ самосскимъ, который, въ свою очередь, въ Греціи является современникомъ и политическимъ союзникомъ аѳинскихъ Пизистратидовъ.

Библіографическія замѣчанія.

Указаны лишь немногія пособія, изслѣдованія и изданія источниковъ, съ цѣлью дать читателю возможность ближайшаго изученія вопросовъ, затронутыхъ въ текстѣ.

KB = Keilinschriftliche Bibliothek herausgeg. von Eb. Schrader, VB = Vorderasiatische Bibliothek (Leipzig, Hinrichs).

Въ качествѣ общихъ пособій по исторіи древняго Востока могутъ служить: ***G. Maspero***, Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique 3 voll. Paris, 1894—99 (блестящія картины быта, превосходныя иллюстраціи, устарѣло для эпохъ ранней исторіи Египта и Вавилоніи).—***Ed. Meyer***, Geschichte des Alterthums, 2 Aufl., I Band, 2 Hälfte, Berlin, 1909 (въ хронологическія рамки исторіи древняго Востока введена старинная европейская культура; изложеніе доходитъ до XVI в. до Р. Х.).—***J. de Morgan***, Les premières civilisations, Paris, 1909 (попытка соединить данныя археологіи съ исторической традиціей и составить связную исторію съ древнѣйшихъ временъ). — ***Eb. Schrader***, Die Keilinschiften und das Alte Testament, 3 Auflage, neu bearb. v. ***H. Zimmern*** und ***H. Winckler***, Leipzig, 1903 (общая исторія Передней Азіи).—Въ III томѣ Weltgeschichte her. v. ***Helmolt***, отдѣлы по исторіи Ассиро-Вавилоніи и Египта написаны спеціалистами ***H. Winckler***'омъ и ***C. Niebuhr***'омъ (есть русск. переводъ).—Въ сборникѣ Der alte Orient her. v. d. Vorderasiatischen Gesellschaft (начиная съ 1899 г. ежегодно выходятъ 4—6 выпусковъ) популярныя изложенія по всѣмъ вопросамъ этнографіи и культуры, политической, соціальной и религіозной исторіи древняго Востока.—По русски имѣются: ***Б. А. Тураевъ***, Исторія древняго Востока, 2 части. Спб., 1910—12.— ***А. Крымскій***, Историческій очеркъ Вавилоно-Ассиріи въ Трудахъ по Востоковѣдѣнію, изд. Лазар. Инст. Вост. язык., вып. V, № 2. Москва, 1910 г.

Къ главѣ 1. *A. Sprenger,* Babylonien das reichste Land der Vergangenheit, 1886 (характерно для преобладавшаго въ 80 и 90-хъ гг. XIX в. преувеличенія богатства вавилонской культуры; основано на данныхъ арабскихъ географовъ).— ***H. Wagner,*** Ueberschätzung der Anbaufläche Babyloniens въ Nachricht. d. kgl. Gesellsch. d. Wissensch. Göttingen, phil.-hist. Cl. 1902 (уничтожающая критика предшествующей работы; весь споръ очень поучителенъ). — ***Fr. Delitzsch,*** Im Lande des einstigen Paradieses, Stuttgart, 1903.—***G. Maspero***, Ruines et paysages d'Egypte, Paris, 1910.—***K. Bädeker,*** Aegypten und Sudan, есть также французск. изд. (составлено спеціалистами; лучшій географическій обзоръ Египта, превосходныя карты).—***K. Bädeker***, Palästina und Syrien, есть франц. изд. (съ картой

Двурѣчья). — Карты Двурѣчья см. въ описаніи путешествія *Dr. Max. Frh. v. Oppenheim*, Vom Mittelmeer zum Persischen Golf. 2 Bde, Berlin, 1899—900. —См. также карту Вавилоніи въ вышеназв. статьѣ Wagner'a.

Къ главѣ 2. Составитель не могъ дать въ текстѣ мѣсто изложенію новѣйшей теоріи происхожденія земледѣлія и вынужденъ ограничиться ссылкой на выдающіяся работы зоолога *E. Hahn*'a: Das Alter der wirthschaftlichen Kultur 1905, Die Anfänge der Pflugkultur 1909 (земледѣліе возникло въ аллювіальныхъ полосахъ Евфрата и Нила въ связи съ высокой умственной культурой; если имѣть въ виду весь составъ этой хозяйственной формы, т.-е. способы обработки земли и видъ поля, орудія обработки, сорта культурныхъ растеній, домашнія животныя, необходимыя при обработкѣ, земледѣльческій календарь, его сроки и примѣты, то надо признать земледѣліе сложнымъ изобрѣтеніемъ, созданнымъ интеллигентной группой; прежде чѣмъ сдѣлаться хозяйственно-практическимъ пріемомъ, земледѣліе было религіей и научно-технической системой; въ астрологіи остались слѣды старинной формы земледѣлія).—О древнѣйшей культурѣ Египта см. *J. de Morgan*, Recherches sur les origines de l'Egypte: 1. L'âge de la pierre et les métaux, 2, Ethnographie préhistorique et tombeau royal de Negadah, 2 voll. Paris, 1896—7. — *E. A. W. Budge*, Egypt in the neolithic and archaic periods, London, 1904 (въ серіи Books on Egypt and Chaldaea).—Къ характеристикѣ хозяйства и администраціи старинной Вавилоніи: *М. В. Никольскій,* Документы хозяйственной отчетности древнѣйшей эпохи Халдеи (изъ 2 вып. III тома Древн. Вост. Имп. Моск. Археолог. Общ.) Спб., 1908. — Надписи старинной Вавилоніи *F. Thureau-Dangin*, Les inscriptions de Sumer et d'Akkad, 1905 (транскрипція и переводъ); нѣмецкое изданіе этого сборника въ VB I Band, Abth. 1. Leipzig, 1907.

Къ главѣ 3. *J. H. Breasted,* A history of Egypt from the earliest times to the persian conquest. New-York, 1905 (лучшая исторія Египта). Документальный матеріалъ къ этой книгѣ собранъ въ обширной хрестоматіи подъ заглавіемъ: Ancient Records of Egypt, Historical documents I—V (1906—7); эпоха Древняго и Средняго царствъ въ vol. I. Chicago, 1906.—*Ad. Erman*, Aegypten und aegyptisches Leben im Altertum, 2 Bände. 1885 (необыкновенно живая характеристика быта и понятій египетскаго общества).—*G. Massey*, Ancient Egypt the light of the world. 2 voll. London, 1907 (міровое вліяніе египетской культуры, этнологическія параллели къ Египту).

Къ главѣ 4. *A. H. Sayce*, Babylonians and Assyrians. Life and customs. London, 1899.—*E. v. Starck*, Babylonien und Assyrien nach ihrer alten Geschichte und Kultur dargestellt, Marburg, 1907 (популярное изложеніе).—Собранія документовъ и изданія кодекса Хаммураби: Historische Texte altbabylonischer Herrscher v. Winckler въ KB. III (1892) и Texte juristischen und geschäftlichen Inhalts v. F. Peiser, ibid. IV (1896).—Далѣе Letters and inscriptions of Hammurabi king of Babylon edited by L. W. King. London, 1898—900 (въ Lusac's Semitic Text and Translation series).—Hammurabi's Gesetz von *J. Kohler* u. *F. E. Peiser*, I—IV, Leipzig, 1904—10 (транскрипція, переводъ, комментарій, словарь, дополнительные документы). — *D. H. Müller*, Die Gesetze Hammurabis und ihr Verhältniss zur mosaischen Gesetzgebung sowie zu den XII Tafeln. Wien, 1903.— Hammurabis Gesetze, 4 erweit. Auflage v. *H. Winckler* въ D. Alte Orient 1902 (переводъ).—*R. Thurnwald*, Staat und Wirtschaft in Babylon zur Zeit Hammurabis въ Jahrbücher f. Nationalökonomie u. Statistik, III F. 26 Bd. Jena, 1903.—

O. Weber, Die Litteratur der Babylonier und Assyrier, Leipzig, 1907, въ D. Alte Orient Ergänzungsband II.

Къ главѣ 5. Общая исторія открытій XIX вѣка преимущественно на почвѣ классической Греціи: *A. Michaelis*, Geschichte der archäologischen Entdeckungen der XIX Jahrhunderts, Leipzig, 1906.—*C. Schuchhardt*, Schliemann's Ausgrabungen in Troja, Tiryns, Mykenä, Orchomenos, Ithaka im Lichte der heutigen Wissenschaft. Leipzig, 1890. (Знакомство по этой книгѣ съ результатами открытій 70-хъ и 80-хъ гг. XIX в. даетъ возможность перейти къ обзорамъ новѣйшихъ открытій конца XIX и начала XX вѣка).—*Arth. Evans*, Essai de classification des époques de la civilisation minoenne, Londres, 1906.—*R. M. Burrows*, The discoveries in Crete, London, 1907 (лучшее описаніе и характеристика результатовъ изслѣдованія старинной эгейско-критской культуры).—*R. Dussaud*, Les civilisations préhelleniques dans le bassin de la mer Egée, Paris, 1910. — *Le P. M. I. Lagrange*, La Crète ancienne. Paris, 1908.

Къ главѣ 6. Для исторіи Египта *Breasted*, какъ выше (History, а также Ancient Records, начиная съ тома II).—О хетитахъ: *J. Garstang*, The land of the Hittites (географическое описаніе Малой Азіи, исторія хетитовъ, обзоръ всѣхъ дошедшихъ хетитскихъ памятниковъ, со множествомъ изображеній).—Телль-Амарнская переписка въ изданіяхъ: *H. Winckler*'a, Die Thontafeln von Tell-el Amarna въ KB, Bd. V (1896); *J. A. Knudtzon*, Die El-Amarna-Tafeln въ VB. (1907—1912).

Къ главѣ 7. Брошюры и статьи *Fr. Delitzsch*'a (кромѣ его лекцій подъ загл. Bibel und Babel, имѣющихся въ русск. переводѣ, приведенная выше Im Lande des einstigen Paradieses; затѣмъ Mehr Licht, 1907 и Handel und Wandel in Altbabylonien, 1910) даютъ очень живое, но бо́льшею частью преувеличенное и слишкомъ оптимистичное изображеніе ассиро-вавилонской культуры.—*Klauber*, Assyrisches Beamtentum nach Briefen der Sargonidenzeit, Leipzig, 1910 (въ Leipziger Semitistische Studien V, 3; характеристика ассирійской бюрократіи, во многомъ послужившей основой для послѣдующей великоперсидской монархіи). — Historische Texte des altassyrischen Reiches; H. T. d. neuassyrischen R.; H. T. d. neubabylonischen R. въ KB. I, II, III, 2.—An Assyrian Doomsday book or Liber censualis of the distrikt round Harran in the seventh century B. C. by *C. H. W. Johns* (Assyriologische Bibliothek her. v. *Fr. Delitzsch* u. *P*, *Haupt* XVII Leipzig 1901; цензовая опись одного изъ месопотамскихъ округовъ ассирійскаго царства).—Къ исторіи Израиля: *J. Wellhausen*, Prolegomena zur Geschichte Israels, Berlin, 1882, 6 Ausg. 1905; русскій переводъ подъ загл. Введеніе въ исторію Израиля, ред. Н. М. Никольскимъ. Велльгаузенъ установилъ методъ критическаго изученія Ветхозавѣтныхъ книгъ).—*J. Wellhausen*, Israelitische und jüdische Geschichte, Berlin 1894, 6 Ausg. 1907.—*R. Kittel*, Geschichte der Volkes Israel, 2 Bände. Gotha, 1909, 2 Ausg. 6 1912 (принимаетъ во вниманіе критическую литературу новѣйшаго времени, очень остороженъ и большею частью консервативенъ въ заключеніяхъ).—*Н. М. Никольскій*, Древній Израиль. Москва, s. d. (популярное изложеніе).

ОГЛАВЛЕНІЕ.



